E 105/31

СВОБОДА РѢЧИ, ТЕРПИМОСТЬ

И

НАШИ ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ.

Е 105/31

СВОБОДА РѢЧИ, ТЕРПИМОСТЬ

и

НАШИ ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

Типографія Н. Неклюдова, Офицерская улица, д. № 7—14.

2007060291

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе . . . . . I—V

I. СВОБОДА РѢЧИ И ТЕРПИМОСТЬ.

ГЛАВА I.—XVIII вѣкъ.—Свобода рѣчи въ Англіи.—Правы ли были съ агностической точки зрѣнія государи и министры, не допускавшіе свободы рѣчи. 1

ГЛАВА II. — Меттерних. — Изъ чего онъ могъ бы заключить, что свобода слова гораздо безопаснѣе для управленія. — Его ненужное самоотверженіе. — Какъ распространяются политическія идеи и чувства. — Могутъ ли цензурныя стѣсненія остановить ихъ, а свобода рѣчи распространить съ чрезмѣрной быстротой 12

ГЛАВА III.—Что выходитъ, если прогрессивныя политическія идеи и чувства не распространяются въ странѣ: тогда начинается процессъ разложенія, несмотря на самую мудрую внутреннюю политику.— Индія. — Мудрые обычаи дали возможность размножиться населенію, а умственный застой привелъ къ разложенію, уменьшенію населенія, гибельному мусульманскому владычеству, англійскому владычеству. — Китай; совершенное уничтоженіе крупнаго землевладѣнія и демократизаціи страны, быстрое затѣмъ увеличеніе населенія, геній и изобрѣтательность народа, оппозиціонная литература; императоры вынуждаются къ демократической политикѣ. — Политика бюрократіи. — Сравненіе съ русской петровской политикой. — Китай могъ бы быть теперь могущественнѣйшей державой въ свѣтѣ. — Жалкій результатъ его политики обузданія мысли. 23

ГЛАВА IV. — Какъ распространяются взгляды на политическія формы. — Отсутствіе свободы рѣчи уменьшаетъ внѣшнюю силу государства, уничтожаетъ патріотизмъ и порождаетъ запосчивую политику; поэтому въ подобныхъ государствахъ финансы всегда разстроены; примѣры. — Въ странахъ, гдѣ рѣчь не свободна, постоянно дѣлаются коренныя реформы и все-таки нѣтъ благоденствія, а въ странахъ съ свободной рѣчью является

СТРАН.

благоденствіе и безъ реформъ. — Политическая устойчивость при свободѣ рѣчи и отсутствіе этой устойчивости при стѣсненіи. 47

ГЛАВА V.—Появленіе начала нетерпимости и его распространеніе.—Индія; язычники и христіане. — Исторія христіанской нетерпимости. — Послѣдствія нетерпимости и терпимости въ Азіи.—Почему развитіе народовъ должно сопровождаться размноженіемъ сектъ.—Религіозныя гоненія вредили несравненно болѣе тѣмъ народамъ, гдѣ нетерпимость торжествовала, чѣмъ тамъ, гдѣ она должна была уступить послѣ кровавой борьбы или вовсе была побита. — Нелѣпость религіозной и національной вражды и неосуществимость ихъ стремленій. — Свобода слова, какъ радикальное средство для излеченія этихъ болѣзней. — Какъ наказываются народы, ограничивающіе свободу слова во время національной вражды; Голландія, Ирландія. — Какимъ процессомъ лечитъ свобода слова отъ національной вражды; Норвегія. — Польза свободы слова даже при неизлечимости. . 68

ГЛАВА VI.—Многія учрежденія не могутъ правильно дѣйствовать при отсутствіи свободы рѣчи,—судъ,—выборы,—чрезъ нее удовлетворительно дѣйствуютъ учрежденія самыя странныя.—Норвежскіе чиновники.—Почему не понимаютъ значеніе свободы рѣчи.—Восточный деспотизмъ и правильныя отношенія между государемъ и государственными людьми.—Исторія цензуры.—XVI и XVII вѣкъ. — Что перенесли государи и народы чрезъ стѣсненіе рѣчи; почему не было бы религіозныхъ войнъ, еслибы рѣчь не была стѣснена, и народное развитіе было бы правильнѣе. — Почему короля не могли этого понять. — Страданія XVI и XVII вѣка не научили Европу.—XVIII вѣкъ.—Франція, Германія.—Въ Англіи народъ понимаетъ, что нельзя преслѣдовать тенденціозную и обличительную печать, а государственные люди не понимаютъ этого.—Испанская энергія принесла ту пользу, что показала ясно, что еслибы государи имѣли достаточно силы воли, чтобы поступать такъ, какъ они думали, то Европа была бы такъ же бѣдна и невѣжественна, какъ Азія.—Къ чему привела ихъ безхарактерность.—Свобода рѣчи спасла Англію. 92

ГЛАВА VII.—Декларація правъ; пресса 1789 года; законы о печати изъ времени Революціи; законы Наполеона; урокъ, который могли бы изъ этого извлечь Европа, Англія, Америка; ошибки Дантона и Робеспьера; они чувствовали ихъ, но отрѣзали себѣ отступленіе; что перенесла Франція чрезъ стѣсненіе прессы во время Революціи и Наполеона. — Какъ смотрѣли тогда на свободу рѣчи въ Германіи; Генцъ; германскіе ученые; баварскій законъ. — Шведскіе законы о печати; законы 1809 и 1812 годовъ; какъ раздиралась Швеція междоусобіями до того времени и какъ ее успокоила свобода слова; невозмутимость Швеціи въ тридцатыхъ и въ сорокъ осьмомъ году. 121

ГЛАВА VIII.—Реставрація.—Обманчивый законъ 1814 г. и законъ о цензурѣ; всеобщее неудовольствіе; возвращеніе Наполеона.—Законодательство Германіи; Голландія и народное убѣжденіе о необходимости свободы рѣчи.—Законодательство Франціи послѣ возвращенія Людовика XVIII-го; законы 1819 г.—борьба партій и недостатокъ въ народѣ убѣжденія въ необходимости свободы рѣчи;—законы о печати служатъ орудіемъ борьбы;—законы 1822 г.—законъ о направленіяхъ, законъ репрессивный.—Аристократы пользуются стѣсненіемъ прессы для самаго безсовѣстнаго грабежа.—Законъ 1828 го-

стран.

да, паденіе Мартиньяка и терроризмъ — введеніе цензуры — революція 1830 года.—Французы не въ состояніи убѣдиться въ необходимости свободы рѣчи — бѣдственныя послѣдствія отъ этого для Франціи. — Господство цензуры въ Германіи, ея ученые, первыя конституціи и союзный законъ 1819 года.—1830 годъ и его послѣдствія.—1848 годъ. Союзный законъ 1854 года вводитъ репрессивную систему и преслѣдованіе направленій и губитъ союзъ.—Пруссія; гоненіе на мысль; зачатокъ убѣжденій въ необходимости свободной рѣчи спасаетъ Пруссію и Европу. 141

II. НАШИ ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ.

ГЛАВА I. — Почему у насъ появилось цензурное законодательство. — Ложность убѣжденія, что въ неограниченной монархіи не можетъ быть свободной рѣчи. — Опасно давать рѣчи не полную свободу. — Опасно отставать въ цивилизаціи отъ своихъ сосѣдей.—Исторія нашего отставанія. — Россія до XVIII вѣка, до и во время Наполеона, въ XIX вѣкѣ; препятствія къ развитію на материкѣ Европы спасаютъ насъ. — Послѣ 1848 года.—Печальные уроки: севастопольская война, польскій мятежъ, безсиліе реформъ, явные признаки отсталости.—Какъ велика для насъ опасность.—Спасеніе въ одной свободѣ слова. — Опытъ Европы.— Государство, населенное различными національностями, для своей безопасности должно производить значительное впечатлѣніе. — Швейцарія и Турція.—Австрія и Франція, обращеніе къ Россіи.—Политическая безтактность.—Франція и Англія. 173

ГЛАВА II.—Только самъ народъ можетъ себѣ указать путь самаго легкаго для себя развитія; — руссификація; — политика испанцевъ, турокъ и австрійцевъ.—Необходимость общественнаго убѣжденія въ свободѣ слова, необходимость безстрашія. — На какой путь вступаютъ передовые народы и какія послѣдствія можетъ имѣть для насъ робость. 191

ГЛАВА III. — Наши законы противъ направленій. — Запрещеніе опровергать начала и основы собственности. — Нѣтъ юридическаго понятія начала и основы собственности и не можетъ быть.—Запрещеніе вреднаго коммунизма и соціализма.—«Вредный» — это не юридическій терминъ, а риторическое украшеніе. — Коммунизмъ есть не отсутствіе, а видъ собственности.—Наши законы о коммунизмѣ.—Коммунизмъ въ отдѣльныхъ семействахъ крестьянскихъ и купеческихъ; коммунизмъ въ общинахъ.—Общины при Бѣломъ морѣ; правительственная защита ихъ коммунизма; попытка частной защиты; — коммунизмъ между казаками и его правительственная защита; казацкій соціализмъ и его правительственная защита.—Коммунизмъ большихъ размѣровъ. — Киргизы и казаки; почему нельзя у насъ запрещать нетолько коммунистическихъ и соціальныхъ ученій, но даже вредныхъ ученій этого рода? — Казаки и инородцы. — Законы о печати способствуютъ распространенію мечтаній и мѣшаютъ истинѣ.—Почему коммунизмъ и соціализмъ не опасны?—Какъ организовано общество и Америка; коммунисты, соціалисты и мормоны.—Коммунизмъ и соціализмъ не могутъ порождать народныхъ движеній; откуда взялся тутъ ложный взглядъ? — 1848 годъ.—Чартисты. 199

ГЛАВА IV.—Можно ли писать о власти человѣка надъ вещами, увеличивая

стран.

или уменьшая эту власть. — Можно ли писать о наслѣдствѣ. — Всякій законъ о направленіяхъ дѣлаетъ невозможными науку и развитіе.—Основы семейства. — Можно ли оспаривать и защищать многоженство. — Осетинское семейство. — Плоды нетерпимости 221

ГЛАВА V.—Развитіе провинціальной литературы — первое условіе для развитія умственной жизни въ народѣ.—Положеніе этой литературы у насъ и въ цивилизованныхъ странахъ.—Почему она у насъ невозможна при системѣ залоговъ. — Почему она невозможна при системѣ предостереженій, и необходимо ли ограниченіе типографскаго дѣла и книжной торговли.— Законъ о возбужденіи вражды. — Законы о клеветѣ. — Обличительная литература 230

ГЛАВА VI. — Почему отсутствіе обличительной литературы можетъ быть опасно для монарха? — Вліяніе одного сословія. — Духовенство, аристократія; вліяніе односторонннихъ взглядовъ. — Почему за оскорбленія должны наказывать только присяжные? — Улучшеніе газетъ отъ развитія мелкой прессы. 246

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Сльдуетъ читать:*
сн.	4	Іковъ II	Іаковъ II
2 св.	15	Генриха, IV	Генриха IV,
7 —	5	Аурекъ-цебамъ.	Ауренгзебамъ
25 сн.	2	Фландріи	Фландріи,
55 —	2	себѣ	себя
179 св.	9	перевѣсь	перевѣсъ
182 —	13	онп	они
192 —	7	брагоразумія	благоразумія
202 —	4	статей	статьей

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе это написано не для какой-нибудь партіи или части общества, оно написано для всѣхъ. Свобода рѣчи одинаково выгодна для всѣхъ. Убѣдить въ этомъ всѣхъ, вотъ цѣль книги. Идея свободнаго слова, несмотря на свою общеполезность, понимается, однакоже, очень трудно; въ людяхъ слишкомъ много мелкихъ и робкихъ чувствъ, которыя мѣшаютъ ясному и простому взгляду на дѣло. Авторъ старался устранить эти сомнѣнія по-возможности. Здѣсь приняты въ соображеніе та несмѣлость и неувѣренность въ себѣ, которая характеризуетъ нашихъ соотечественниковъ на настоящей ступени ихъ развитія, та прирожденная, часто чрезмѣрная осторожность, которая защитила насъ отъ ошибокъ слишкомъ смѣлыхъ націй, но зато же сдѣлала наше развитіе медленнымъ и тугимъ до болѣзненнаго. Смѣлое, философское изложеніе можетъ убѣдить у насъ только немногихъ, поэтому авторъ старался проводить только такія мысли, которыя оправдываются историческими примѣрами, и тутъ же приводить эти примѣры. Главная его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы не только убѣдить въ необходимости

свободы слова, но доказать, что это убѣжденіе должно быть всеобщимъ и что безъ такого всеобщаго убѣжденія спокойное и нормальное развитіе народа невозможно. Такъ какъ изложеніе — преимущественно фактическое, то отъ читателя могутъ исчезать ходъ и цѣлое аргументаціи, а поэтому необходимо въ краткихъ словахъ показать ему нить, которая проходитъ чрезъ все сочиненіе. Главная причина, почему многіе не сочувствуютъ не только свободѣ рѣчи, но даже вообще просвѣщенію, состоитъ въ томъ, что они видятъ въ свободной рѣчи и въ просвѣщеніи уменьшеніе для своего счастія. Авторъ старается наглядно доказать, что препятствуя развитію слова и просвѣщенія, самыя высоко поставленныя лица уменьшаютъ собственно свое счастіе, что тѣ, которые дѣйствовали такимъ образомъ, дѣлали это только потому, что не въ силахъ были составить себѣ ясное понятіе объ условіяхъ счастія. Другіе опасаются, что свобода рѣчи распространитъ чрезмѣрно быстро извѣстныя политическія идеи и породитъ преждевременныя стремленія. Здѣсь доказывается фактами, что свобода рѣчи не можетъ ускорить распространенія политическихъ идей, а стѣсненіе рѣчи не можетъ его замедлить; все, что можетъ сдѣлать свобода, состоитъ въ томъ, что она распространяетъ идеи въ болѣе зрѣломъ видѣ, при стѣсненіи же онѣ принимаютъ характеръ непрактическихъ восторженныхъ мечтаній, и развитіе государства дѣлается болѣзненнымъ и сопровождается потрясеніями Общество не можетъ обходиться безъ умственнаго развитія, достаточнаго, чтобы держать его на уровнѣ самой высокой цивилизаціи. Здѣсь доказывается примѣрами, что, при недостаткѣ такого умственнаго развитія и при господствѣ духа нетерпимости, общества погибали не смотря на самыя мудрыя соціальныя учрежденія и обычаи. Тѣ, которые должны были играть въ міровой жизни одну изъ первыхъ ролей,

доходили до самаго жалкаго униженія. Затѣмъ показывается то нравственное состояніе, къ которому приводится общество чрезъ стѣсненіе рѣчи; оно порождаетъ въ народѣ страсть къ заносчивой политикѣ и въ тоже время совершенную неспособность приносить жертвы, необходимыя нетолько для заносчивой, но даже для самой умѣренной политики; упадокъ патріотизма въ народѣ прямо пропорціоналенъ степени стѣсненія слова. Между различными классами общества стѣсненіе слова порождаетъ чувства не примиримыя и не совмѣстимыя, а потому безвыходную вражду. Тутъ показывается исторіею, какъ подобное состояніе приводитъ эти общества къ тому, что въ нихъ большая часть государей дѣлаютъ великія реформы, прославляемыя исторіею, и несмотря на это положеніе остается такимъ же безотраднымъ, какимъ оно было въ началѣ. Далѣе разъясняется, почему въ странахъ свободнаго слова болѣе благоденствія даже при совершенномъ отсутствіи реформъ и почему политическое равновѣсіе тамъ устойчивѣе. Затѣмъ указывается на появленіе и распространеніе духа религіозной нетерпимости и показывается, что свобода слова—единственное средство для уничтоженія религіозной и національной вражды; при стѣсненіи вражда эта дѣлается безвыходною, а между тѣмъ большая часть земнаго шара покрыта мѣстностями, съ населеніемъ смѣшаннымъ въ отношеніи національномъ и религіозномъ. Затѣмъ показано, какъ при стѣсненной рѣчи многія хорошія учрежденія, публичные суды, выборы, не могутъ быть полезными, а при свободномъ словѣ остаются безвредными даже учрежденія уродливыя. Послѣ изобрѣтенія печати не существовало убѣжденія въ необходимости свободнаго слова и рядъ мѣръ, принятыхъ для ея ограниченія, породилъ безчисленныя несчастія и бѣдствія XVI и XVII вѣковъ. Здѣсь объясняется какимъ образомъ государи того времени могли

сохранить свободу слова, почему это была въ тѣ времена единственная здравая политика и почему при этой политикѣ не было бы религіозныхъ войнъ и не зародились бы уродливыя общественныя отношенія XVIII вѣка. Исторіею XVIII вѣка доказывается, что государства, въ которыхъ свобода слова убивается окончательно, въ самомъ скоромъ времени доходятъ до азіатской бѣдности и азіатскаго варварства всѣхъ частей общества; тамъ, гдѣ свобода эта стѣсняется только отчасти, порождается взаимная ненависть между различными слоями общества и всеобщее неудовольствіе, государство отдается на жертву или внутреннимъ безпорядкамъ или внѣшнему завоеванію. Исторіею революціоннаго періода конца XVIII и начала XIX вѣка доказывается, что каждый разъ, когда правительства хотѣли сдѣлать или великое преступленіе или великую глупость, они прибѣгали къ стѣсненію рѣчи, что это стѣсненіе равнялось для нихъ самоубійству и что бѣдствіе было бы устранено, еслибы сохранялась свобода. Тѣ государства, которыя въ это время успѣли получить или сохранить убѣжденіе въ необходимости свободнаго слова, нетолько сохраняли полное спокойствіе и правильное развитіе, но отъ состоянія постоянныхъ внутреннихъ мятежей и раздоровъ переходили къ полному спокойствію. Примѣрами изъ исторіи XIX вѣка доказывается, какимъ образомъ народы, неспособные убѣдиться въ необходимости свободнаго слова, увѣковѣчивали свои несчастья, а народъ, который послѣ сдѣланныхъ ошибокъ убѣждался въ этой необходимости, обезпечилъ для себя спокойствіе.

Второй отдѣлъ посвящается нашимъ законамъ о печати. Тутъ приводятся основанія, по которымъ свобода рѣчи необходима и у насъ, и въ дополненіе къ тому, что видно изъ предъидущаго изложенія, доказывается необходимость точныхъ законовъ о печати. По мнѣнію современныхъ ученыхъ пу-

блицистовъ первое условіе хорошаго законодательства о печати состоитъ въ томъ, что нельзя обвинять за цѣлую книгу или статью на основаніи выводовъ или заключеній сдѣланныхъ изъ нея,—въ обвинительномъ актѣ должны быть прописаны подлинныя слова, за которыя писатель обвиняется, безъ всякихъ изъ нихъ выводовъ и заключеній, а съ обозначеніемъ только, какое въ этихъ словахъ заключается преступленіе. Мнѣніе это оправдалось на либеральныхъ законахъ, дѣйствующихъ уже долгое время. Поэтому во второмъ отдѣлѣ анализомъ нѣкоторыхъ нашихъ законовъ о направленіяхъ доказывается невозможность удовлетворительныхъ законовъ въ этомъ отношеніи, а разборомъ законовъ о возбужденіи вражды, о клеветѣ и оскорбленіяхъ показывается, что̀ тутъ требуется для осуществленія свободы рѣчи. Наконецъ, приведены причины для отмѣны залоговъ, предостереженій, законоположеній о типографіяхъ и книжной торговлѣ. Въ заключеніе выясняется ложность мнѣнія, что какими-нибудь стѣсненіями можно улучшить литературу.

Авторъ.

8 мая, 1869 г.

I. СВОБОДА РѢЧИ И ТЕРПИМОСТЬ.

ГЛАВА I.

XVIII вѣкъ.—Свобода рѣчи въ Англіи. — Правы ли были съ эгоистической точки зрѣнія государи и министры, не допускавшіе свободы рѣчи.

Въ теченіе XVII вѣка въ Англіи воздвигалось самое грубое гоненіе противъ свободнаго выраженія своихъ мыслей и чувствъ, и Англія была мѣстомъ постоянныхъ заговоровъ и открытыхъ возстаній. Безчеловѣчныя казни, тюрьмы, тѣлесныя истязанія, отъ которыхъ не избавлялись даже женщины, наказываемыя публично съ примѣрной жестокостью,—все это не помѣшало тайнымъ замысламъ и не обезпечило безопасности страны. Придерживаясь этой политики, король энергическій, рѣшительный и весьма способный, Карлъ I, погубилъ себя на эшафотѣ. Еще болѣе талантливый и замѣчательный преемникъ его, Кромвель, могъ отсрочить революцію только до своей смерти, а Іковъ II долженъ былъ позорно бѣжать изъ страны, почти не имѣя даже защитниковъ. Эти жалкія явленія не научили англійскій народъ и англійскихъ государственныхъ людей мудрости въ управленіи внѣшними своими владѣ-

ніями, да и не могли научить. Тутъ Англія получала знаменательные уроки отъ Соединенныхъ Штатовъ Америки и получаетъ до сихъ поръ отъ Ирландіи и Индіи. Но во внутреннемъ управленіи они были и для народа и для государственныхъ людей весьма плодоноснымъ опытомъ. Они заставили весь народъ и всѣ партіи сочувствовать свободѣ рѣчи. Государственнымъ людямъ конечно весьма не нравились справедливые и несправедливые на нихъ нападки въ печати, пасквили и ругательства. Это унижало ихъ гордость, а главное заставляло ихъ дѣлать большія умственныя усплія, къ чему они менѣе всего имѣли склонности. Въ Европѣ короли презирали властелиновъ, не имѣющихъ деспотической власти, а министры—государственныхъ людей, обязанныхъ работать. Когда министръ Генриха, IV Сюлли, сталъ самъ писать важнѣйшія бумаги по своему министерству, другіе министры напали на него съ ожесточеніемъ, смѣялись надъ нимъ и увѣряли, что онъ это дѣлаетъ изъ скупости, чтобы имѣть менѣе секретарей. Конечно англійскимъ государственнымъ людямъ никогда не приходилось столько работать, сколько государственнымъ людямъ Америки, но все-таки работа эта казалась имъ тяжкимъ бременемъ, и нетолько въ XVIII, но даже и въ XIX вѣкѣ можно встрѣтить у англійскихъ государственныхъ людей отзывы о свободѣ рѣчи, сквозь которые проглядываетъ накопившаяся желчь и сдержанная досада. Этотъ тяжкій стимулъ однакоже долго развилъ англійскихъ государственныхъ людей, что уже въ XVIII вѣкѣ они постигли великую истину, что управляя народомъ нужно сосредоточивать свое вниманіе на истинныхъ его чувствахъ, симпатіяхъ и мнѣніяхъ, между тѣмъ какъ во Франціи, даже сто лѣтъ спустя послѣ этого, министры довольствовались подкупленнымъ большинствомъ палаты и успокоивались на такомъ жалкомъ пріемѣ управленія, бродили такимъ образомъ впотьмахъ и проваливались въ болото, котораго не замѣчали подъ ногами.

Въ то время, когда Англія переживала эти опыты, Франція въ теченіе всего XVIII вѣка продолжала преслѣ-

довать всякое свободное проявленіе слова и чувства до тѣхъ поръ, пока надъ нею не разразились громы революціи. Революціонный грохотъ, раздавшійся по всей Европѣ, доказалъ всю прочность порядковъ, устанавливающихся на основаніяхъ свободы рѣчи и свободы правленій. Въ это тяжкое время, перевернувшее всю Европу, порядки Англіи оказались непоколебимо прочными. Но почему, спросятъ меня, Франція не воспользовалась своевременно знаменательнымъ урокомъ Англіи? Для этого было много причинъ. На первомъ планѣ тутъ стояло убѣжденіе, господствовавшее въ высшихъ сферахъ, что распространеніе просвѣщенія и въ особенности политическихъ идей приводитъ къ ограниченію власти государей и государственныхъ людей и тѣмъ уменьшаетъ размѣры ихъ счастья. Эта мысль была такъ распространена, что большая часть государей и государственныхъ людей смотрѣла очень неблагопріятно на распространеніе просвѣщенія вообще и политическихъ идей въ особенности. Нельзя не удивляться тому, какъ могло распространиться такое существенно ложное воззрѣніе. Людовикъ XIV завидовалъ власти султана. Можно ли было европейскому государю, при сколько-нибудь здравомъ взглядѣ на вещи, завидовать восточному деспоту? Восточный деспотъ имѣлъ право приказать вырѣзать кишки у любаго изъ своихъ подданныхъ, но зато-же его собственная жизнь постоянно была въ опасности,—онъ жилъ въ постоянномъ страхѣ, и страхъ этотъ до такой степени былъ основательный, что онъ имѣлъ несравненно болѣе шансовъ умереть насильственной, чѣмъ естественной смертью. Наслажденія, которыми была окружена его жизнь, были самаго жалкаго свойства и менѣе всего могли возбуждать зависть. Роскошь, которая его окружала и которая стоила огромныхъ жертвъ для его подданныхъ, менѣе всего была способна наполнить его жизнь возвышенными удовольствіями. Въ многочисленныхъ зданіяхъ его дворцовъ накоплены были огромныя массы драгоцѣнностей безъ всякаго вкуса и толка; еслибы онъ велѣлъ всѣ эти прелести сжечь и пепломъ вымазать стѣны, по которымъ они были разви-

шены, то стѣны отъ этого нисколько бы не выиграли и не проиграли. Какъ велико было наслажденіе, доставляемое владѣльцамъ этой роскошью, всего ярче обозначалось тогда, когда они приходили въ соприкосновеніе съ европейской цивилизаціею. Европейцы долго устремляли на Индію завистливые глаза, какъ на страну баснословной роскоши и баснословнаго великолѣпія. Бабръ, завоеватель Индіи, пришедшій туда изъ-за Гималая, нашелъ тамъ постройки дурными, дворцы и сады недостойными сравненія съ тѣмъ, что было за гималайскимъ хребтомъ; по его мнѣнію, тамъ не было ни архитектуры, ни роскоши, лошади тамъ плохи, нѣтъ бань, освѣщеніе жалкое, неизвѣстенъ даже подсвѣчникъ. Онъ горько жалуется на причиняемыя ему этимъ страданія. Какова была эта восхваляемая имъ архитектура и роскошь за Гималаемъ, легко угадать по тому, какъ поступали владѣльцы этихъ мѣстъ, когда они познакомились съ произведеніями Европы. Вотъ описаніе резиденціи одного мингрельскаго князя: «Резиденція этого князя расположена на площадкѣ... Посреди площади стоитъ дворецъ, но пышное названіе это ошибочно — это просто домъ, какихъ въ Европѣ тысячи... Стѣны его оклеены дурными московскими обоями, столы, кресла, диваны неуклюжей, плохой работы, по бывшей модѣ лѣтъ за 30 или 40; часы съ музыкой какъ во всѣхъ русскихъ харчевняхъ» и пр. Въ Турціи мы видимъ тоже. Еще не очень давно арба, запряженная волами, составляла выѣздной экипажъ любимыхъ женъ султана. Затѣмъ этихъ владѣльцевъ окружала масса людей и предметовъ, которые могли развѣ только стѣснять ихъ, но уже никакъ не могли доставлять имъ ни малѣйшаго удовольствія. Изъ чего состоялъ дворъ великаго могола—этотъ дворъ баснословной восточной роскоши? Вотъ какова была роскошь Акбара, про котораго говорится, что не было двора болѣе пышнаго. Онъ набралъ чрезвычайныя массы золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, рубиновъ, жемчугу и т. д. Массы эти или получали употребленіе, подобное вышеуказанному, или погибали въ его складахъ, или раскрадывались придворными,—

самъ онъ ими мало пользовался, потому что былъ вообще умѣренъ и воздерженъ. Чтобы сдѣлать изъ своихъ богатствъ какое-нибудь употребленіе, онъ раздавалъ огромныя пенсіи и помогалъ бѣднымъ. Онъ содержалъ для себя до шести тысячъ слоновъ, двѣнадцать тысячъ лошадей, тысячу верблюдовъ, тысячу леопардовъ. Въ его дворцахъ цѣлые кварталы были заняты придворными ремесленниками. Къ чему служило ему все это, какое все это доставляло ему удовольствіе, объ этомъ не трудно заключить, если обратить вниманіе на то, какъ онъ проводилъ свое время. Подобно Людовику XIV и многимъ и очень многимъ неограниченнымъ монархамъ Европы, Наполеонъ 1-й завидовалъ завоевателямъ и деспотамъ, объявлявшимъ себя на востокѣ пророками и богами. Онъ пересталъ бы завидовать, еслибы онъ былъ способенъ ближе подойти къ дѣлу. Акбаръ былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ завоевателей на востокѣ; подобно другому славному завоевателю шаху Надиру, онъ считалъ себя великимъ философомъ, призывалъ къ себѣ вѣроучителей всѣхъ странъ, чтобы изучивъ всѣ религіи создать изъ нихъ одну, самую раціональную. Онъ дѣйствительно создалъ ее и считалъ свое созданіе столь возвышеннымъ, что посвящалъ въ нее послѣдователей только послѣ разныхъ предосторожностей. Восточные писатели восхваляютъ его, какъ одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ государей, любознательнаго и знакомаго со всѣми науками. Онъ имѣлъ лучшую библіотеку; оказывается однакоже, что эта библіотека состояла всего изъ 24,000 томовъ, и можно предполагать, что то, что въ этой библіотекѣ Акбаромъ цѣнилось всего болѣе,—это были драгоцѣнные переплеты. Іезуиты, которые жили при его дворѣ и имѣли много основаній оставаться имъ довольными и восхвалять его, попросту говоритъ, что это былъ грубый невѣжда, не умѣвшій даже читать. Наполеонъ, который такъ любилъ чтеніе серьезныхъ книгъ и умственную жизнь, еслибы онъ только могъ себя представить въ кожѣ этихъ деспотовъ-боговъ и пророковъ, долженъ былъ бы почувствовать себя въ высшей степени несчастнымъ.

Пусть бы онъ подумалъ о грубыхъ, глупыхъ и раболѣпныхъ невѣждахъ, въ обществѣ которыхъ ему бы пришлось проводить свое время. Пусть бы онъ вспомнилъ, что при дворѣ восточныхъ князей какой-нибудь невѣжественный искатель приключеній изъ Европы, какой-нибудь неучъ-лавочникъ, нерѣдко считался перломъ интеллигенціи и просвѣщенія. Что бы онъ почувствовалъ, еслибы онъ не имѣлъ другаго чтенія, кромѣ Акбаровской библіотеки, съ ея жалкимъ и пустымъ содержаніемъ. Акбаръ былъ нетолько ученый и пророкъ,—онъ былъ музыкантъ и сочинилъ двѣсти арій. Если сравнить извѣстіе о его учености съ отзывомъ іезуитовъ и принять въ соображеніе состояніе музыкальнаго искусства на востокѣ, то можно себѣ представить, какъ велики были наслажденія, получаемыя Акбаромъ отъ музыки. Не опасаясь ошибиться, можно сказать, что въ Петербургѣ самый бѣдный студентъ можетъ въ итальянской оперѣ за четвертакъ, а въ публичной библіотекѣ даромъ получить болѣе наслажденій, чѣмъ получалъ Акбаръ, несмотря на все его могущество и богатство. Этотъ замѣчательнѣйшій изъ восточныхъ деспотовъ рѣшительно не былъ въ состояніи наполнить свое время питающими и развивающими силы человѣка впечатлѣніями. Онъ сдѣлался мрачнымъ меланхоликомъ и страдалъ эпилепсіей, развитію которой, вѣроятно, много способствовала раздѣляемая имъ со многими ему подобными страсть сдѣлаться великимъ вѣроучителемъ. Развлеченія, которыми онъ могъ утѣшать себя въ своихъ страданіяхъ, менѣе всего заманчивы. Онъ развлекался бойней слоновъ, верблюдовъ, быковъ, индѣтуховъ, барановъ, гладіаторовъ и борцовъ — или жалкими фокусами дрессированныхъ животныхъ, въ особенности верблюдовъ. Увѣряютъ, что онъ кончилъ свою жизнь отъ яда, приготовленнаго имъ же самимъ для другаго. Читая описаніе этой жалкой жизни иногда невольно приходитъ сравненіе съ душевно больными, зараженными маніей величія и которые воображаютъ себя богами, пророками, властителями міра, — тѣ же страданія и тѣ же жалкія радости. Напыщенныя и восторженныя описанія его жизни производятъ

впечатлѣніе совершенно противуположное своей цѣли,—они заставляютъ глубоко сожалѣть, что такому хорошему человѣку, какъ Акбаръ, пришлось загрубѣть на такомъ поприщѣ, на которомъ прилично отличаться только Надиръ-шахамъ, да Аурекъ-цебамъ. Самое плѣнительное для грубаго воображенія наслажденіе восточнаго деспота —это его гаремы, наполненные сотнями женщинъ. Но все удовольствіе, которое способна доставить гаремная женщина, получившая самое тщательное, по восточнымъ понятіямъ, воспитаніе состоитъ въ однообразной, соблазнительной пляскѣ и въ весьма мало музыкальномъ пѣніи. Тѣ люди, которые воображаютъ себѣ наслажденіе, доставляемое собственно тѣломъ женщины, даже при самой большой красотѣ и самомъ большомъ разнообразіи,—безконечнымъ, жестоко ошибаются: ему положенъ очень близкій и очень ограниченный предѣлъ. На востокѣ большая часть вельможъ рано или вовсе лишаются половой способности или она обращается въ томительную и ничѣмъ неудовлетворимую жажду, которая дѣлаетъ изъ человѣка такого же страдальца, какимъ мы видимъ среди насъ пьющаго запоемъ. До какой степени это справедливо, видно изъ того, что самая цѣнная для гарема женщина — это молодая и красивая сказочница. Итакъ высшее наслажденіе восточнаго деспота въ гаремѣ — это слушать сказки; оно соотвѣтствуетъ наслажденію нашихъ шестилѣтнихъ дѣтей. Въ отношеніяхъ любви тѣло женщины играетъ самую послѣднюю роль, а первую играетъ возвышенное и прекрасное въ ея умственныхъ сплахъ и чувствахъ. Это чувствуютъ даже грубые многоженцы, когда уровень ихъ развитія начинаетъ возвышаться надъ самой низкой степенью. Въ Китаѣ, гдѣ господствуетъ многоженство, вельможи предпочитаютъ манжурскихъ женъ китайскимъ. Китайская женщина хотя красивѣе и граціознѣе манжурской, но она способна только быть предметомъ сладострастія, между тѣмъ, какъ манжурка способна дѣлить съ своимъ мужемъ жизнь, давать ему совѣты, выручать его изъ бѣды, раздѣлять его горе и радости. Какъ великъ у восточнаго вельможи кругъ оча-

стья и наслажденій, видно изъ того, что соприкосновеніе европейской цивилизаціи дѣйствуетъ въ ихъ средѣ на самыя способныя натуры точно такъ же, какъ на дикихъ; она въ состояніи дать имъ только средства жалкими пріемами раздражать свои нервы до сумасшествія и до смерти. Какъ скоро узнаютъ на востокѣ про европейца, что онъ докторъ, то всѣ пристаютъ къ нему съ просьбами объ искусственныхъ средствахъ для развитія сладострастія. Даже человѣкъ съ такими способностями, какъ Махметъ-Али, умѣлъ извлечь для себя изъ европейской цивилизаціи только наслажденіе пить по нѣскольку бутылокъ мадеры въ день, сошелъ съ ума и умеръ отъ пьянства. Пусть каждый образованный человѣкъ подумаетъ, какъ бы онъ былъ жалокъ, еслибы для него идеаломъ наслажденій была жизнь вѣчно трепещущаго отъ сладострастья онаниста въ домѣ умалишенныхъ или вѣчно пьянаго капельника въ кабакѣ.

Вотъ какою, послѣ анализа, представляется жизнь восточнаго деспота, способнаго объявлять себя пророкомъ и богомъ; но Людовикъ XIV и его потомки не были въ состояніи представить себѣ условія этой жизни, имъ казалось, что чѣмъ власть ихъ будетъ неограниченнѣе, тѣмъ они будутъ счастливѣе, они не терпѣли никакого противорѣчія и жестоко преслѣдовали за свободное слово. Они завидовали неограниченнымъ деспотамъ, вслѣдствіе той же недальновидности, которая теперь заставляетъ многихъ конституціонныхъ монарховъ завидовать участи неограниченныхъ правителей XVIII-го вѣка. Люди эти не могутъ себѣ представить, что чувство безграничной гордости, не терпящей ни противодѣйствія, ни противорѣчія —это болѣзнь, причиняющая страданія, а не здоровое чувство, способное наполнить нашу жизнь наслажденіями. Самый счастливый человѣкъ — это тотъ, который живетъ въ средѣ самыхъ просвѣщенныхъ и всесторонне развитыхъ людей, а человѣкъ, не терпящій никакого противорѣчія и способный видѣть возлѣ себя одно только раболѣпіе, оттолкнетъ отъ себя интеллигенцію, не дастъ ей развиться и проявиться. Наслажденія его жизни будутъ принимать все болѣе низкій

уровень и будутъ приближаться къ той жалкой жизни восточнаго деспота, которую мы только-что анализировали. Государи XVII и XVIII вѣка дѣйствительно и доходили до этого. Мы видимъ сумрачныя личности испанскихъ монарховъ, Людовика XIV-го, который подъ-конецъ ведетъ мрачную и страдальческую жизнь какого-нибудь Надира или Акбара, Леопольда австрійскаго, живущаго сладострастіемъ, прибѣгающаго ко всякимъ искусственнымъ средствамъ для его развитія и котораго жизнь была не красивѣе, чѣмъ жизнь послѣдняго рановременно скончавшагося турецкаго султана.

Плохо понимая условія человѣческаго счастья, государи дѣлали прямо противуположное тому, что могло увеличить ихъ благополучіе. Еще менѣе дальновидными оказались ихъ министры. Не подлежало никакому сомнѣнію, что положеніе англійскаго министра было во всѣхъ отношеніяхъ лучше положенія министра на материкѣ Европы. Оно даже не отличалось меньшею прочностью. Во всякомъ случаѣ министръ никакъ не могъ сдѣлаться игрушкою произвола. Онъ опирался на сильную партію, и даже тогда, когда онъ вынужденъ бывалъ выходить въ отставку, онъ мало утрачивалъ значенія и оставался предводителемъ могущественной части народа. При немъ оставались все естественное его значеніе и сила, которую не могли у него отнять ни чьи руки. Чтобы предводители партій могли имѣть такое прочное и самостоятельное положеніе, въ министерствѣ и внѣ его, конечно, первымъ условіемъ была свободная рѣчь; какъ скоро печать и сходка не могла свободно порицать дѣятельность правителей, министръ обращался въ человѣка сильнаго только до тѣхъ поръ, пока онъ удерживается во власти капризомъ того, кто его назначилъ,—это было ничтожное, раболѣпное существо, котораго величіе было однимъ обманчивымъ призракомъ. Это прочное и самостоятельное положеніе сторицею вознаграждало англійскаго министра за всѣ непріятности отъ парламентскихъ, журнальныхъ нападокъ и карикатуръ. Памятуя, что онъ можетъ попасть въ оппозицію и при отсутствіи свободы рѣчи лишиться всякаго значе-

нія, англійскій государственный человѣкъ очень рѣдко можетъ рѣшиться пожелать ограниченія этой свободы, но если и рѣшается на это, то онъ не найдетъ достаточно сочувствующихъ даже между своими товарищами. Министры материка Европы менѣе всего были способны понять это чувство, и взгляды у министровъ въ тѣ времена были такіе же уродливые, какъ и у королей. Имъ казалось стыдно и неблагородно пріобрѣсти самостоятельное значеніе опираясь на какую-нибудь толпу. Когда Мирабо въ первый разъ составилъ себѣ такое положеніе, самые либеральные министры смотрѣли на него съ фанатической ненавистью и съ аффектаціей старались показывать ему неумѣстное и очень опасное для нихъ презрѣніе. Презрѣніе, которое тогда высшіе классы питали къ массѣ населенія, равнялось только ихъ раболѣпію по отношенію къ королямъ. Самые самостоятельные люди, напр. высшіе духовные лица, страстно отыскивали расположенія двора, хотя дворъ этотъ рѣшительно не могъ принести имъ никакой пользы. Знаменитый примѣръ такого настроенія мы видимъ въ дѣлѣ ожерелья при Людовикѣ XVI, гдѣ одно высокопоставленное духовное лицо, добиваясь совершенно ненужнаго ему расположенія при дворѣ, такъ несчастно усердствовало, что король наконецъ отослалъ его въ тюрьму. Министровъ нисколько не унижало то обстоятельство, что они были жалкой игрушкой придворныхъ интригъ, по произволу интригановъ получали власть и по капризу обращались въ ничтожество. Въ раболѣпномъ своемъ настроеніи они считали высшей государственной мудростью изучать слабости своего повелителя и пользоваться ими для пріобрѣтенія и удержанія власти. Они нетолько ничего не дѣлали, чтобы выдти изъ этой унизительной для нихъ обстановки, но противодѣйствовали всему, что могло ихъ вывести на лучшую дорогу, и были постоянными врагами свободнаго выраженія мыслей и чувствъ. Дерзкая выходка противъ нихъ въ печатномъ словѣ казалась имъ самымъ унизительнымъ изъ оскорбленій. Конечно при такомъ положеніи трудъ ихъ былъ сравнительно весьма

легкій. Тамъ, гдѣ подобное положеніе продолжалось въ XIX столѣтіи, министръ, подписывая въ годъ десятки тысячъ бумагъ, могъ до такой степени мало работать, что въ одной великой державѣ, еще въ пятидесятыхъ годахъ, управлялъ министерствомъ человѣкъ, лишившійся разсудка и впавшій въ такое слабоуміе, что онъ не зналъ, гдѣ подписывать свое имя. Онъ пачкалъ доклады и бумаги исписывая ихъ въ забытьи отрывочными и безсмысленными словами. Въ Италіи и въ Испаніи министры проводили цѣлые мѣсяцы въ совершенномъ бездѣйствіи. Про одного изъ самыхъ извѣстныхъ государственныхъ людей при Екатеринѣ англійскій посланникъ передалъ потомству, что онъ работалъ никакъ не болѣе двухъ часовъ въ сутки. Совершенно справедливо, что континентальные министры XVIII вѣка оставили за собою возможность лѣниться. Но неужели лѣнь увеличиваетъ счастье человѣка? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наоборотъ она его уменьшаетъ. Выработать болѣе или менѣе замѣчательный проектъ или политическій планъ, краснорѣчиво защитить его передъ собраніемъ и передъ лицомъ всей націи, - это несомнѣнное удовольствіе. Удовольствіе это увеличивается во сто кратъ сочувствіемъ цѣлаго общества или цѣлаго государства и широкимъ кругомъ симпатіи, возбуждаемой во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Въ автократическихъ государствахъ мы часто видимъ, что государственные люди Англіи и Америки несравненно болѣе извѣстны, чѣмъ министры страны. Паденіе какого-нибудь любимаго государственнаго человѣка въ Англіи и Америкѣ возбуждаетъ сочувствіе или негодованіе, а паденіе собственнаго министра остается дотого неизвѣстнымъ, что не знаютъ даже, существовалъ ли онъ когда-нибудь. Только жалкій трусъ можетъ предпочитать безпечное положеніе такой работѣ.

ГЛАВА II.

Меттернихъ.—Изъ чего онъ могъ бы заключить, что свобода слова гораздо безопаснѣе для управленія.—Его ненужное самоотверженіе.—Какъ распространяются политическія идеи и чувства.—Могутъ ли цензурныя стѣсненія остановить ихъ, а свобода рѣчи распространить съ чрезвычайной быстротой

Въ XVIII вѣкѣ свободное слово преслѣдовалось вслѣдствіе ложно понимаемой гордости и неправильныхъ взглядовъ на условія своего счастья. Послѣ французской революціи къ тому же самому побуждали страхъ и опасенія безпорядковъ. Во главѣ этой политики сталъ извѣстный австрійскій министръ Меттернихъ. Повидимому прошедшій опытъ и то, что происходило вокругъ его, могли дать ему совершенно правильный взглядъ на дѣло. Онъ видѣлъ твердые порядки, установившіеся вслѣдствіе свободы слова въ Англіи, и жалкія послѣдствія стѣсненій во Франціи. Въ Австріи при Іосифѣ II онъ могъ видѣть примѣръ государственныхъ реформъ, не подготовленныхъ печатью. Усилія этого ревностнаго реформатора возбудили только всеобщее неудовольствіе и привели къ тому, что все сдѣланное пришлось брать назадъ. Онъ могъ убѣдиться, что свобода печати вовсе не способна возбуждать утопическія мечты, тамъ гдѣ народъ безъ того не расположенъ къ нимъ. При Іосифѣ II относительная свобода рѣчи, дозволявшая нападать даже на дѣйствія императора, не была въ силахъ сломить господствовавшіе въ народѣ реак-

піонерные взгляды и обскурантное направленіе. Сила обскурантизма и злобная ненависть противъ реформъ была въ Австріи такъ велика, что наслѣдникъ Іосифа, Леопольдъ, крайне расположенный идти по стопамъ своего предшественника, долженъ былъ отказаться отъ этого направленія и идти совсѣмъ другимъ путемъ. Данія представляла еще болѣе жалкій примѣръ государства, не допускавшаго свободу рѣчи и дожившаго до неизбѣжности реформъ, чтобы спасти страну отъ разложенія. Тамъ несмотря на то, что рѣчи дана была слишкомъ поздняя свобода, произошла цѣлая революція, возбужденная реакціонерами,—они заключили въ тюрьму королеву и министровъ и едва не лишили ихъ жизни. Меттерних могъ видѣть, какъ вездѣ, гдѣ господствовало нетерпимое управленіе, начинался процессъ разложенія. Въ Турціи господствовало постоянное волненіе и на югѣ и на сѣверѣ; отъ нея отдѣлялись лучшія ея части, и она должна была переносить униженіе постояннаго иностраннаго вмѣшательства. Испанія и Португалія потеряли лучшія свои владѣнія и лишились большей части государственной территоріи. Несмотря на самое безжалостное преслѣдованіе свободы слова въ народѣ распространялись самые нелѣпые и утопическіе взгляды. Иначе не могло и быть: потребность перемѣны существовала, но не было свободной рѣчи, чтобы основательно разъяснить и освѣтить ее. Для распространенія основательныхъ идей нужно свободное разъясненіе, а для распространенія мечтаній достаточно одной готовности воспринимать ихъ. Пиренейскій полуостровъ былъ жертвой постоянныхъ волненій и бунтовъ, и испанцы, несмотря на славный въ исторіи свой патріотизмъ, несмотря на всю свою энергію и гордость, должны были перенести униженіе иностраннаго вмѣшательства. По совѣту европейскихъ державъ французскія войска вступили въ Испанію для водворенія тамъ порядка, и испанцы проглотили эту горькую пилюлю. Италія была страною заговоровъ; Итальянцы, подобно Испанцамъ и Туркамъ, должны были сносить вооруженное вмѣшательство ненавистной имъ Австріи, и австрійскія войска про-

никли до Сицилiи. Все это могло послужить поучительнымъ урокомъ для Меттерниха, и Австрiя была въ такомъ положенiи, что онъ имѣлъ всю возможность воспользоваться имъ своевременно, но складъ его ума былъ вовсе не таковъ, чтобы онъ могъ понять тайну государственной мудрости. Замѣчательно, что онъ приэтомъ ясно видѣлъ невозможность успѣха своей системы. Несмотря на строгую цензуру и преслѣдованiе просвѣщенiя въ Австрiи, страсть къ запрещеннымъ книгамъ была сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и непремѣнно знать содержанiе запрещенныхъ книгъ принадлежало къ хорошему тону. Меттернихъ нетолько не вѣрилъ въ успѣхъ своей системы, подобно нѣкоторымъ русскимъ государственнымъ людямъ, которые повидимому искренно были убѣждены, что Бельгiю и Англiю можно было бы пріучить къ такимъ же порядкамъ, какiе были въ Россiи, но былъ убѣжденъ въ неизбѣжности неуспѣха. «Новый духъ слишкомъ силенъ,—говаривалъ онъ;—мы должны погибнуть, но будемъ держаться какъ можно долѣе». Зачѣмъ, однакоже, гибнуть, къ чему такое самоотверженiе? Англiйскiй государственный человѣкъ нетолько никогда не будетъ держаться политической системы, которая должна привести его къ сознательной погибели, но постарается придумать такую, при которой онъ сохранитъ свою силу даже по выходѣ изъ министерства.

Исторiя и анализъ жизненныхъ явленiй дѣйствительно убѣждаютъ насъ, что распространенiю идей помѣшать невозможно и что цензурныя стѣсненiя менѣе всего могутъ служить для этого удобнымъ средствомъ. Посмотрите, напр., какъ распространяются по свѣту извѣстные роды культуры, извѣстныя растенiя. Кто ихъ разноситъ? Неужели печать? Они заходятъ въ мѣстности совершенно безграмотныя и на которыя печать не имѣетъ ни малѣйшаго вліянiя. Тоже самое можно сказать о жилищѣ, объ одеждѣ. Въ Европѣ, въ Россiи, во всемъ свѣтѣ вы видите различные виды построекъ домовъ, которыя охватываютъ цѣлыя обширныя мѣстности и видоизмѣняются по причи-

намъ зависящимъ отъ характера народнаго и отъ условій его жизни, а вовсе не отъ возможности и невозможности распространенія. На сѣверѣ Россіи вы видите одну извѣстную единообразную архитектуру домовъ, въ Сибири другую. Извѣстная архитектура единообразно распространяется между татарами, русскими и малороссами на большихъ пространствахъ. Тоже можно сказать и о костюмѣ. Малороссъ, живущій далеко отъ своей родины, подражаетъ ей, а русскій, живущій рядомъ, не обращаетъ на нее вниманія. Тоже самое можно сказать объ обычаяхъ, о семейныхъ отношеніяхъ и взглядахъ на вещи. Посмотрите на обычаи, семейные и общественные взгляды и привычки. Войдите въ домъ или даже въ городъ турка или персіанина, или къ русскому, или американцу. Какъ тутъ рѣзко бросятся въ глаза и разница и единообразіе, распространяющееся на огромное пространство. Какъ распространилось это единообразіе? Печать въ немъ не принимала никакого участія. Если вы вглядитесь въ разницу, то вы скоро убѣдитесь, что отсутствіе единообразія тутъ зависитъ не отъ того, что извѣстное чувство и извѣстный обычай не могъ дойти до человѣка, но потому, что человѣкъ этотъ не былъ расположенъ его принимать. Точно также распространялись политическія и соціальныя идеи и формы. Идея кастъ распространилась по всему древнему міру и проникла даже въ Грецію, гдѣ пала только вслѣдствіе убѣжденія въ ея несостоятельности. Эти же идеи отъ индусовъ перешли къ малайцамъ и распространились по островамъ, лежащимъ между Индѣйскимъ и Тихимъ океанами. Мы ихъ видимъ на этихъ островахъ и тамъ, гдѣ глава многочисленнаго народа ходитъ босой. Печать менѣе всего виновата въ такомъ распространеніи. Античная идея города съ поголовнымъ вѣчемъ, который управляетъ пригородами и окрестностью, распространилась по всей западной Европѣ, и наконецъ мы ее встрѣчаемъ господствующею въ Россіи. Дружинное устройство, съ его понятіемъ о вѣрности, распространилось среди безграмотныхъ народовъ по всей Европѣ и перешло далеко за эти предѣлы

вмѣстѣ съ его послѣдствіемъ—феодальною системою. Мы даже въ настоящее время видимъ его въ горахъ Кавказа. Мы тутъ встрѣчаемъ до такой степени однородныя воззрѣнія и чувства, что можемъ по нимъ разъяснить себѣ темныя мѣста изъ сказаній о Франкахъ и другихъ Германцахъ. Княжескія усадьбы на Кавказѣ, наполненныя туземцами воинами и окруженныя поселеніями земледѣльцевъ и ремесленниковъ, которые снабжаютъ его въ натурѣ всѣмъ, что необходимо, — самое любопытное и назидательное зрѣлище для изслѣдователя германскихъ древностей. Наконецъ мы съ такими же міровоззрѣніями встрѣчаемся на крайнемъ востокѣ въ Японіи, гдѣ вѣрность доведена до крайнихъ предѣловъ. Понятіе о занятіи должностей по экзамену распространено отъ Средиземнаго моря до Китайскаго и Японскаго, и сановникъ тутъ держитъ экзамены до семидесятилѣтняго возраста. Когда и какъ распространяются эти идеи и чувства, ускользаетъ отъ вниманія историка и наблюдателя. Остановить ихъ движеніе тѣмъ труднѣе, чѣмъ они менѣе воплощаются въ наглядную форму. Всего легче остановить распространеніе извѣстнаго рода построекъ или одежды, но даже и тутъ мы видимъ, что государи должны были покоряться господствующей модѣ, вмѣсто того, чтобы видоизмѣнять ее по-своему. Затѣмъ слѣдуютъ чувства и взгляды, неразрывно сопряженные съ внѣшними проявленіями, напр. религія съ ея церквами и духовенствомъ. Но чувства и взгляды семейные и соціальные въ существѣ своемъ рѣшительно ускользаютъ отъ всякаго насилія. Отношенія въ семьѣ нѣжныя или суровыя вполнѣ ускользаютъ отъ вліянія законодателя и скорѣе способны вліять на законы, чѣмъ подвергаться ихъ вліянію. При тѣхъ же самыхъ законахъ мы видимъ въ различныхъ кружкахъ и классахъ общества отношенія діаметрально противуположныя, и въ то время какъ въ одномъ мужъ заурядъ бьетъ и сѣчетъ свою жену, въ другомъ онъ не рѣшится сказать ей грубаго слова. Точно также независимо отъ власти и даже незамѣтно для нея мѣняются въ массахъ народа политическія воззрѣнія, и неосторожное правитель-

ство можетъ въ этихъ массахъ внезапно встрѣтиться съ чувствами и взглядами, которыхъ оно никогда не ожидало. Эти измѣненія зависятъ исключительно отъ воспріимчивости народа, и свобода рѣчи тутъ не причемъ. Въ какой степени безсильны цензурныя мѣры въ дѣлѣ распространенія въ народѣ политическихъ идей, этому лучшимъ доказательствомъ служитъ Австрія. Въ XVIII вѣкѣ обскурантное направленіе до такой степени господствовало въ Австріи, что ея императоры чувствовали постоянную потребность сдѣлать ее болѣе либеральною. Потребность эта вызывалась тѣми же чувствами, которыя побуждаютъ теперь къ реформамъ турецкихъ султановъ. Но точно также, какъ Порта теперь побѣдоносно торжествуетъ надъ султанами-реформаторами и покоряетъ ихъ себѣ, въ XVIII вѣкѣ реакціонеры постоянно парализировали дѣятельность императоровъ. Свобода рѣчи, къ которой они по-временамъ прибѣгали, оказывалась безсильною въ борьбѣ съ реакціею. Великая французская революція возбудила тамъ въ народныхъ массахъ одно негодованіе. Извѣстно, что когда французскій посланникъ поднялъ въ Вѣнѣ знамя свободы, равенства и братства, то онъ пропзвелъ въ массахъ народа взрывъ негодованія. Во время управленія Меттерниха, несмотря на цензуру и на всѣ мѣры для уменьшенія политическаго развитія, политическія идеи продолжали распространяться въ Австріи, и либеральная партія, которая въ прежнее время была весьма слаба, несмотря на то, что на ея сторонѣ стояло правительство, сдѣлалась теперь сильною, хотя она была въ оппозиціи. Многіе приписываютъ это явленіе именно цензурнымъ и другимъ стѣсненіямъ, но едвали это справедливо. Обозрѣвая все движеніе политическихъ идей въ Европѣ, мы скорѣе должны придти къ заключенію, что цензура и мѣры противъ распространенія идей были тутъ не причемъ и не могли ни ослабить, ни усилить впечатлительность къ новымъ идеямъ, точно также, какъ это было съ свободою рѣчи, когда она существовала. Въ Италіи, гдѣ масса народа, точно также, какъ въ Австріи, была противъ фран-

цузскихъ революціонныхъ идей, существовала однакоже уже значительная партія, набиравшаяся преимущественно въ высшихъ слояхъ общества и стоявшая на ихъ сторонѣ. Извѣстно, что въ XVIII столѣтіи, когда въ Неаполѣ массы народа возстали противъ революціонеровъ и за изгнаннаго короля, неаполитанцы — революціонеры могли уже упорно защищаться, хотя не были достаточно сильны, чтобы одолѣть своихъ враговъ безъ посторонней помощи. Зато-же въ Италіи французская революція 1830 года отозвалась подобными же движеніями, а въ Австріи нѣтъ, — тамъ народъ созрѣлъ для движенія только къ 1848 году. Ходъ конституціоннаго движенія въ Германіи прямо соотвѣтствовалъ естественному движенію идей и оказывался внѣ всякой зависимости отъ взгляда отдѣльныхъ правительствъ на цензуру и свободу рѣчи. По умственному своему развитію, уже въ средніе вѣка, выше всѣхъ прочихъ частей Германіи стояли массы народа, жившіе по Рейну, и развитіе это постепенно уменьшалось по мѣрѣ удаленія на востокъ. Въ тоже время мы видимъ, что первыя конституціи, внушенныя духомъ новаго времени, даны были въ юго-западномъ углу Германіи. Баварія, Виртембергъ, Баденъ, Гессенъ, Нассау получили ихъ въ теченіе времени отъ 1814 до 1820 года. Къ тридцатымъ годамъ относятся конституціи средне-германскія (Саксонія, Ганноверъ, Мейнингенъ, Алтенбургъ, Брауншвейгъ, Липпе). Въ восточной Германіи, въ Пруссіи и Австріи, конституціи вынуждены были народными движеніями только послѣ 1848 года. Едвали было много государственныхъ людей болѣе склонныхъ къ произволу, чѣмъ король Виртембергскій,—однакоже дѣла тамъ пошли совершенно иначе, чѣмъ въ Австріи. Путь, которымъ идетъ развитіе чувствъ и идей, каждый можетъ наблюдать у себя дома; напр., надъ умственнымъ развитіемъ у насъ купечества. Классъ этотъ имѣетъ, конечно, всѣ средства къ образованію, однакоже, несмотря на всѣ преимущества образованія, онъ не кидается на него съ жадностью и не дѣлается образованнымъ въ теченіе нѣсколькихъ

лѣтъ,—онъ развивается и цивилизуется постепенно и притомъ совершенно независимо отъ реакціонерныхъ или прогрессивныхъ направленій въ правительствѣ. Мало того, что въ Австріи укоренялись и развивались западныя идеи и чувства совершенно независимо отъ правительственныхъ мѣръ, тамъ выросла и укрѣпилась идея національности и породила опасности, о которыхъ правительство никогда не думало. Откуда взялась эта идея? Она породилась и всего сильнѣе проявилась еще въ прошедшемъ столѣтіи въ Турціи, среди народа безграмотнаго, и оттуда разлилась по всей Европѣ. Принадлежащая къ Австріи Венгрія въ прежнія времена никогда не была въ состояніи объединиться, она постоянно разрывалась на части то внутренними междоусобіями, то сосѣдними державами: Австріею, Турціею и Польшею. Въ концѣ XVIII-го столѣтія мадьярскій языкъ почти вымеръ. Языкъ этотъ ожилъ, распространился, создалъ изъ венгерцевъ объединенную, крѣпкую національность, которою они никогда не были до того времени, и все это въ то время, когда такой вліятельный государственный человѣкъ, какъ Меттернихъ, дѣлалъ всѣ усилія для германизаціи венгерцевъ. У венгерцевъ развилась никогда не приходившая имъ до того мысль составить отдѣльное государство и пріобрѣсти даже полную независимость отъ Австріи. Они составили зерно крѣпкой, либеральной оппозиціи, стоявшей нетолько за національность, но возставшей противъ привилегій и всѣхъ отжившихъ формъ. На выборахъ, даже въ такихъ городахъ какъ Пештъ, они, на зло правительству, добровольно допускали къ участію лицъ непривилегированныхъ. Магнатовъ, стоявшихъ за Австрію, начали считать измѣнниками, и на выборахъ въ комитетахъ, гдѣ оппозиціи удавалось восторжествовать, этимъ аристократамъ иногда приходилось переносить тягостныя униженія. Тутъ уже очевидно, что стѣсненіе свободы рѣчи, вмѣстѣ съ другими политическими ошибками, можетъ прямо способствовать развитію тѣхъ идей и чувствъ, противъ которыхъ оно направлено.

Австрія служитъ доказательствомъ, что стѣсненіе слова и печати не можетъ остановить распространеніе въ массахъ народа политическихъ чувствъ и идей. Англія и государства, расположенныя на устьяхъ Рейна, доказываютъ, что свобода рѣчи точно также безсильна въ дѣлѣ внезапнаго распространенія и привитія политическихъ чувствъ и идей. Свобода рѣчи не сдѣлала изъ Англіи демократію даже и тогда, когда демократическое управленіе уже давно царствовало въ единоплеменныхъ ей Соединенныхъ Штатахъ. Политическія и соціальныя перемѣны тутъ шли весьма постепенно, и государства материка оказывались во многихъ случаяхъ гораздо либеральнѣе Англіи. Еще болѣе ясный взглядъ на это дѣло мы получимъ, если мы отъ Англіи перейдемъ къ многочисленнымъ ея колоніямъ. Тутъ мы встрѣтимся со всѣми возможными постепенностями политическихъ и соціальныхъ формъ, существующими совмѣстно съ свободою рѣчи; начиная отъ чистаго деспотизма въ восточномъ вкусѣ, едва прикрытаго призракомъ гарантіи для удовлетворенія англійскому общественному мнѣнію, и до такого либеральнаго управленія, какъ въ Канадѣ. Про Канаду извѣстный демократъ Кольбъ говоритъ, что она имѣетъ конституцію столь свободную, какой не имѣетъ ни одна колонія въ свѣтѣ; населеніе въ ней увеличивалось быстрѣе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ то же время еще весьма недавно въ Индіи братъ Веллингтона, знаменитый Веллеслей, своимъ образомъ жизни и своими пріемами напоминалъ даже индійцамъ великаго могола. Тутъ мы видимъ колоніи вовсе безъ всякаго представительства и съ законодательными совѣтами, въ которыхъ часть членовъ состоитъ изъ чиновниковъ, а другая выбирается губернаторомъ изъ гражданъ и съ представительствомъ въ самыхъ разнообразныхъ размѣрахъ. Точно также разнообразны и соціальныя отношенія колоній, и полная свобода рѣчи ни разу не одушевляла ихъ стремленіями къ мечтательнымъ и утопическимъ реформамъ. Въ нижней Канадѣ, напр., гдѣ большинство населенія французы, никогда не случалось ничего подобнаго тому,

что мы видимъ среди ихъ соотечественниковъ по ту сторону океана. Напротивъ, тамъ сохранилось много отношеній, напоминающихъ XVIII-й вѣкъ, и французы реакціонеры съ любовью встрѣчали тамъ то, что они считали прекрасными учрежденіями прежнихъ временъ. Учрежденія эти, невыносимо притѣснительныя во Франціи, не мѣшали тамъ населенію достигать такого благосостоянія, какого во Франціи и во снѣ не увидать. Хотя англичане управляютъ своими колоніями и лучше, чѣмъ другія страны, но все-таки управленіе это менѣе всего можно выставлять за образецъ. Колоніи часто бываютъ обижены и должны переносить притѣсненія; въ нихъ встрѣчаются и безпорядки и возстанія, но свобода рѣчи никогда еще не бывала причиною этихъ безпорядковъ, напротивъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что управленіе было бы гораздо хуже и безпорядки и возстанія встрѣчались бы гораздо чаще, еслибы не было свободы рѣчи. Тоже самое мы видимъ и въ другихъ странахъ, гдѣ господствуетъ свобода рѣчи. Въ Бельгіи, напр., мы не видимъ ни демократическихъ, ни соціальныхъ мечтаній, охватывающихъ все населеніе. Даже до водворенія всеобщей подачи голосовъ, послѣ 1848 года, на материкѣ Европы были государства, гдѣ, относительно, число избирателей было значительнѣе, чѣмъ въ Бельгіи. Слишкомъ извѣстно, что во время волненій 1848 года Бельгія оставалась спокойною, не позавидовала всеобщей подачѣ голосовъ и не пожелала соціальныхъ реформъ. Голландія до такой степени была довольна своимъ закономъ о свободѣ печати, что во время изданія въ 1848 году новой конституціи законъ этотъ сохранилъ въ сущности почти тотъ же смыслъ. Несмотря на это, при существованіи такихъ законовъ, въ колоніяхъ Голландіи были отношенія, напоминавшія отношенія въ царствѣ Инковъ. Еще въ 1856 году въ главныхъ колоніяхъ, Явѣ и Мадурѣ, гдѣ весь вывозъ цѣнился въ сто пять милліоновъ флориновъ, на шестьдесятъ четыре милліона было товаровъ, принадлежавшихъ государству. Нападки на этотъ порядокъ начались только въ новѣйшее время. Всѣ эти фак-

ты показываютъ, что свобода рѣчи менѣе всего располагаетъ къ политической или соціальной мечтательности, и подобныя утопіи могутъ распространяться въ народѣ и служить средствомъ для его возбужденія только тамъ, гдѣ умъ народный не можетъ пріобрѣтать солиднаго закала по причинѣ цензурныхъ стѣсненій и литературной мартирологіи. При свободѣ рѣчи политическія и соціальныя формы всегда гармонируютъ съ нравственнымъ настроеніемъ и умственнымъ развитіемъ народа, — имъ гораздо труднѣе выходить изъ этой рамки, гдѣ народъ чувствуетъ себя спокойно и хорошо, и принимать угловатыя и болѣзненно раздражающія формы, которыя почти всегда встрѣчаются при отсутствіи вольнаго слова. Даже, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ мы видимъ далеко не однородныя учрежденія,—на сѣверо-западѣ демократія поставляетъ себѣ несравненно болѣе предѣловъ и стѣсненій, чѣмъ на крайнемъ востокѣ. Между тѣмъ, пользуясь недостаточными свѣдѣніями публики о дѣйствіи политическихъ учрежденій, стараются выставить дѣло совершенно въ другомъ видѣ и пугаютъ ее именно тѣмъ, чего бы она ради своего спокойствія не должна была бояться.

ГЛАВА III.

Что выходитъ, если прогрессивныя политическія идѣи и чувства не распространяются въ странѣ тогда начинается процессъ разложенія, несмотря на самую мудрую внутреннюю политику —Индія.—Мудрые обычаи дали возможность размножиться населенію, а умственный застой привелъ къ разложенію, уменьшенію населенія, гибельному мусульманскому владычеству, англійскому владычеству.—Китай; совершенное уничтоженіе крупнаго земледѣлія и демократизація страны, быстрое затѣмъ увеличеніе населенія, гений и изобрѣтательность народа, оппозиціонная литература; императоры вынуждаются къ демократической политикѣ. — Политика бюрократіи. — Сравненіе съ русской петровской политикой.—Китай могъ бы быть теперь могущественнѣйшей державой въ свѣтѣ.—Главный результатъ его политики обуздавія мысли.

Показавъ въ предъидущей главѣ, что стѣсненіе рѣчи не можетъ помѣшать явленію въ народѣ новыхъ политическихъ идей и чувствъ, а свобода слова не можетъ ускорить этого появленія, мнѣ по естественному ходу мысли слѣдовало бы теперь показать настоящее значеніе этой свободы. Она мѣшаетъ политическимъ идеямъ и чувствамъ оставаться въ народѣ въ неестественномъ для нихъ зародышномъ состояніи и прорастать въ политическую и соціальную мечтательность; она даетъ имъ практическую годность и примѣнимость къ народнымъ потребностямъ, она заставляетъ народъ серьезно смотрѣть на свою жизнь, располагаетъ его къ умственнымъ и нравственнымъ напряженіямъ, порождаетъ въ немъ мужество и патріотизмъ. Съ другой стороны стѣсненіе слова искусственно сохраняетъ зародышное состояніе идей и чувствъ и тѣмъ порождаетъ политическую мечтательность, разливаетъ въ народѣ нравственную дряблость и умственную

лѣнь, лишаетъ его мужества и ослабляетъ патріотизмъ. Но прежде, чѣмъ я буду разъяснять эти явленія, я долженъ еще сказать нѣсколько словъ о цѣли, къ которой стремилась система Меттерниха. Онъ хотѣлъ помѣшать появленію новыхъ политическихъ идей и чувствъ и сохранить уже существующія на неопредѣленное время. Исторія показываетъ намъ однакоже, что еслибы ему и всѣмъ тѣмъ государственнымъ людямъ, которые раздѣляли его мнѣнія, могло удаться достигнуть этой цѣли, то они непремѣнно погубили бы свои государства. То обстоятельство, что природа не дала въ руки государственныхъ людей никакихъ средствъ для того, чтобы помѣшать распространенію новыхъ идей въ Европѣ, было для нея большимъ счастьемъ. Исторія показываетъ намъ, что тамъ, гдѣ среди народа не появлялось новыхъ, прогрессивныхъ политическихъ идей и чувствъ самая мудрая и предусмотрительная внутренняя политика не была въ состояніи удержать народъ отъ паденія и разложенія. Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ намъ Индія. Государственные люди этой страны, т. е. брамины, установили тамъ среди общества такія миролюбивыя и ограждающія отъ притѣсненій отношенія, которымъ мы и теперь могли бы позавидовать. Мудростью этихъ установленій, долго бывшихъ для страны истиннымъ благодѣяніемъ, объясняется глубокая и искренняя привязанность индійцевъ къ своимъ кастамъ. Для того, чтобы оградить народъ отъ произвола установлены были строгіе и неизмѣнные обычаи, обнимающіе всѣ отношенія общественной и частной жизни народа. Земля считалась тамъ неотъемлемой принадлежностью тѣхъ селеній и семействъ, которыя ее обработывали, сборы съ нея можно было взимать только натурою и притомъ въ ограниченномъ и точно опредѣленномъ количествѣ. Смотря по достоинству земли сборы эти могли составлять не болѣе двѣнадцатой, осьмой или шестой части произведеній; только въ извѣстныхъ крайнихъ случаяхъ дозволялось взимать четвертую часть. Начальники общинъ были наслѣдственны и потому были не-

зависимы отъ высшихъ властей; общиной они управляли съ помощью общественныхъ сходовъ, гдѣ каждый принималъ участіе и всѣ смотрѣли за точнымъ исполненіемъ обычаевъ. Такимъ образомъ притѣснять общину не было возможности, съ другой стороны и высшія власти не могли себѣ дозволять такихъ притѣсненій. Какъ скоро они нарушали обычай, они преступали волю божію и измѣняли религіи, повиноваться имъ было грѣшно и пассивное и активное сопротивленіе составляло религіозную обязанность. Такую же религіозную обязанность составляла и общественная благотворительность, и въ каждой общинѣ часть сборовъ предназначалась для вспомоществованія бѣднымъ. Индіецъ нигдѣ не чувствовалъ себя такъ хорошо какъ въ своемъ селеніи и среди своихъ обычаевъ, —онъ былъ огражденъ отъ притѣсненій и при крайнемъ богатствѣ и плодородіи почвы уплачивать сравнительно не тягостные сборы ему было легко. При урожаяхъ въ самъ 20, 60 или 100 онъ уплачивалъ $^1/_{12}$ или $^1/_6$ часть, между тѣмъ какъ нашъ крестьянинъ при урожаѣ въ самъ 3 и 4 отдаетъ половину и болѣе. Привязанность къ своему мѣсту такъ глубоко укоренилась въ сердцахъ индійцевъ, что, выгнанные врагомъ, они черезъ нѣсколько поколѣній опять возвращались на старое мѣсто и все надѣялись жить тамъ по прежнимъ обычаямъ. Индія пришла въ цвѣтущее положеніе, населеніе быстро возрастало. О густотѣ, которой достигло населеніе, можно судить по тому, что даже и теперь, когда населеніе это сдѣлалось рѣже, когда множество прежде тщательно воздѣланныхъ мѣстностей остаются необработанными, оно почти равняется самымъ густо населеннымъ частямъ Европы. Тамъ есть мѣстность съ населеніемъ въ $4^1/_2$ м., т. е. съ такимъ же населеніемъ, какъ населеніе Бельгіи, и въ которой приходится болѣе 10,000 человѣкъ на одну квадратную милю, между тѣмъ какъ самая густо населенная часть Европы, Бельгія, имѣетъ только слишкомъ 8000 на кв. м. Въ трехъ самыхъ густо населенныхъ округахъ Бельгіи, Геннегау, Брабантѣ и Восточной Фландріи съ населеніемъ приблизительно въ 2,400,000, приходится отъ

одиннадцати до четырнадцати тысячъ человѣкъ на квадратную милю. Въ трехъ округахъ Индіи, Бенаресѣ, Бурдванѣ и Джуннурѣ, съ населеніемъ приблизительно въ 3,900,000, приходится отъ пятнадцати до девятнадцати тысячъ на одну квадратную милю. Индія не отличается большими городами, теперь въ ней только одинъ городъ Мадрасъ, имѣющій болѣе 700,000 жителей, и Бомбей, имѣющій болѣе 500,000. Въ западной Европѣ на пространствѣ съ такимъ же многочисленнымъ и почти такимъ же густымъ населеніемъ находятся два города, изъ которыхъ одинъ, Лондонъ, имѣетъ болѣе двухъ, а другой, Парижъ, болѣе полутора милліона населенія, и три города съ полумилліоннымъ населеніемъ. Между тѣмъ противъ города Аудъ находятся развалины древняго города Айодіа, которыя покрываютъ собою пространство равняющееся пространству Лондона. Какъ велико должно было быть тамъ населеніе, мы можемъ судить по старинnымъ описаніямъ, изъ которыхъ видно, что въ индійскихъ городахъ тогда строились огромные дома, имѣвшіе до семи этажей. Но мудрыя гарантіи, подъ сѣнью которыхъ разцвѣло это населеніе, были гарантіями религіозными, — они создавали умственную неподвижность. Густота населенія должна была породить новыя потребности, а отсутствіе умственнаго движенія не создавало ни соотвѣтствующихъ имъ идей, ни соціальныхъ и политическихъ формъ. Умственно бездѣятельныя высшія сословія сосредоточили все свое вниманіе на увеличеніи своей власти и своихъ богатствъ. Эти односторонніе стремленія создали въ нихъ самыя анархическія чувства и анархическій образъ мыслей. Ихъ восхищали самыя безсовѣстныя средства къ пріобрѣтенію власти и богатства; человѣкъ, достигнувшій этой цѣли, возбуждалъ въ нихъ глубокое уваженіе и восхищеніе, какъ бы ни были преступны средства, которыми онъ дѣйствовалъ. Высшее сословіе Индіи обратилось въ самыхъ развращенныхъ обманщиковъ и тирановъ. Развитіе этихъ чувствъ поощрялось равнодушіемъ народа, который считалъ себя вполнѣ огражденнымъ своими обычаями и безпрекословно повино-

вался всякому властелину, не обращая вниманія на то, какъ была пріобрѣтена эта власть, законнымъ путемъ или убійствомъ и преступленіемъ. Касты обратились въ сословія, не имѣвшія никакой связи съ богатствомъ, занятіемъ и политическимъ значеніемъ лица; даже на престолы попадали лица изъ низшихъ кастъ. Рамки, созданныя для народнаго огражденія, были разрушены, властителями овладѣла жажда завоеваній, религіозные законы о сборахъ не соблюдались болѣе и даже общинные начальники сдѣлались притѣснителями и піявками. Касты изъ гарантій обратились въ орудіе притѣсненія и противъ нихъ явилось религіозное движеніе буддизма. Движенію этому не удалось распространиться въ Индіи,— народъ былъ слишкомъ привязанъ къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя дѣлали его когда-то счастливымъ, но фанатизмъ, истребившій буддизмъ въ Индіи, былъ фанатизмъ упадка; онъ былъ похожъ на нетерпимость, обнаруженную въ Европѣ испанцами. Умственная неподвижность оставляла для народа только одну возможность разложенія. Когда пришли туда магометанскіе завоеватели, они нашли тамъ уже много признаковъ упадка: огромныя пространства оставались безъ культуры и заростали лѣсами, кустарниками и колючими растеніями, жители спасались туда, когда отъ нихъ требовали излишнія подати. Въ тоже время этихъ завоевателей непріятно поражаетъ демократическій характеръ страны. Они находятъ тамъ промышленность на высокой степени совершенства, ремесленники безчисленны, населеніе густо, деревни безпрерывны, и невозможно сдѣлать пяти верстъ, чтобы не встрѣтить городовъ, но зато-же нѣтъ роскоши и архитектуры, мало дворцовъ и садовъ и жители кажутся завоевателямъ все пастухами да земледѣльцами. Мусульмане внесли туда свои понятія, презрѣніе къ бѣдному, уваженіе къ одной власти и къ деспотизму. Интересно наблюдать, какъ они мало по малу разрушаютъ древніе индійскіе взгляды и замѣняютъ ихъ своими. Афганскій князь, который изгналъ отца Акбара и завоевалъ Индію, бралъ еще отъ земли четвертую часть ея произведеній, т. е. максимумъ, дозво-

ленный по индійскимъ религіознымъ понятіямъ. Акбаръ бралъ уже третью часть. Онъ вводилъ туда мусульманскіе аристократическіе взгляды и объявлялъ себя преимущественно покровителемъ сильныхъ. Но онъ еще находился подъ сильнымъ вліяніемъ индійцевъ. Въ сборахъ онъ старался вводить порядокъ и справедливость. Въ индійскихъ общинахъ онъ нашелъ книги, въ которыхъ съ точностью были описаны земли и опредѣлена ихъ производительность. Поэтому и у него земли были раздѣлены на классы, и при распредѣленіи податей всѣ ошибки обращались въ пользу плательщиковъ, потому что плательщикъ имѣлъ право ограничиться отдѣленіемъ трети урожая натурою каждый разъ, когда ему казалось, что на него наложенъ слишкомъ тягостный сборъ; зѣмли подъ паромъ и залежныя ничего не платили, затопленныя и обработанныя послѣ трехлѣтней залежи платили $^1/_6$ и въ теченіе пяти лѣтъ получали облегченіе. Онъ былъ вѣротерпимъ и не отдавалъ никакого предпочтенія магометанскому вѣроученію передъ туземными. Послѣ него магометанскіе взгляды пріобрѣтали все болѣе вліянія. Ману училъ, что земля принадлежитъ тому, кто первый ее обработалъ, и индіецъ-земледѣлецъ всегда считалъ землю своею. Магометъ же говоритъ, что земля принадлежитъ Богу и государю, который есть его представитель; поэтому магометане были естественными проповѣдниками соціальнаго деспотизма. Они переложили натуральныя подати на деньги, и если Акбаръ предоставлялъ еще право платить натурою вмѣсто денегъ, то послѣдующіе государи далеко не поступали такимъ образомъ. Магометанскіе юристы, изъ школы Ганифа, на основаніи Корана утверждали, что земледѣльцу нужно оставлять лишь столько изъ произведеній земли, сколько ему съ семействомъ необходимо для своего прокормленія и для засѣва полей. Сверхъ того они проповѣдывали еще подушную подать. Магометанскіе владѣльцы скоро дошли до осуществленія этихъ ученій, и знаменитый Ауренгзебъ, котораго называютъ Людовикомъ XIV Индіи, прямо уже предписывалъ въ сборѣ податей слѣдовать Корану и тол-

кованіямъ школы Ганифа. Вѣротерпимость замѣнилась гоненіями, и Ауренгзебъ является представителемъ мусульманскаго фанатизма. Положеніе Индіи сдѣлалось такое же, какъ и всѣхъ мусульманскихъ земель, начиная отъ горъ Болоръ Тагъ на границахъ западнаго Китая и до мыса Нунъ близъ западныхъ предѣловъ Сахары,—безпрерывныя волненія и неурядицы, нищенство и упадокъ населенія,—однимъ словомъ полный процессъ разложенія. Увѣряютъ, что англичане водворили тамъ нѣкоторый порядокъ—оказывается однакоже, что тамъ земледѣльческое населеніе должно уступать, какъ у насъ въ Россіи, приблизительно половину всей своей производительности, и несмотря на это финансы Индіи находятся въ жалкомъ и самомъ разстроенномъ положеніи. Мы часто читаемъ въ исторіи о государствахъ, находившихся будто-бы въ цвѣтущемъ состояніи, съ развитой системой орошенія, съ богатой растительностью и постоянно возрастающимъ населеніемъ и гдѣ будто-бы вмѣстѣ съ тѣмъ господствовалъ самый безграничный деспотизмъ. Но только человѣкъ самый легковѣрный можетъ повѣрить этому. Посмотрите на магометанскія земли и вы увидите послѣдствія идеи безграничнаго деспотизма. Что сталось съ плодоносной Месопотамской долиной, съ богато надѣленной отъ природы Малой Азіей, съ Египтомъ? Плодоносныя поля заброшены, населеніе уменьшилось въ пять и въ шесть разъ, даже и въ Персіи всюду видны слѣды уменьшенія населенія и заброшенной культуры. Несмотря на это даже въ магометанскихъ странахъ безграничный деспотизмъ распространяется только на не-мусульманъ. Турецкіе султаны, для того, чтобы создать себѣ слугъ вполнѣ покорныхъ, должны были набирать царедворцевъ и воиновъ изъ христіанъ. Духъ мусульманъ въ Турціи былъ таковъ, что знаменитый писатель Тьери, который поставилъ себѣ задачей доказать, что ни одинъ народъ не отказывается добровольно отъ своихъ правъ и отъ своей свободы, для подтвержденія своей идеи написалъ цѣлую статью объ османлисахъ. Деспотизмъ можетъ порождать только пустыню, и если вы гдѣ

нибудь видите густое населеніе, процвѣтаніе земледѣлія и промышленности, то навѣрное произволъ чѣмъ-нибудь ограниченъ, но вы только не замѣчаете этого ограниченія. Добродѣтели, которымъ Индія обязана густотою своего населенія, такъ глубоко укоренились въ сердцахъ людей, что остатки ихъ сохранились и до сихъ поръ въ высшихъ и низшихъ слояхъ общества, несмотря на крайній нравственный упадокъ и загрубѣніе. Благодаря развитію своей интеллигенціи высшія сословія никогда не утрачивали окончательно своего вліянія при магометанскомъ управленіи, — французы и англичане нашли тамъ въ высшихъ должностяхъ индусовъ наравнѣ съ магометанами. Цивилизованные европейцы не могли не признавать умственныхъ силъ индійцевъ, и между ними могъ родиться человѣкъ, котораго по пріѣздѣ въ Англію Бентамъ привѣтствовалъ какъ своего брата и призналъ себѣ ровней. Европейское духовенство, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ такъ мало превосходило индійское, что оно дѣлало только незначительные успѣхи въ дѣлѣ пропзелитизма. Путешественники въ высшихъ индійскихъ сословіяхъ замѣчали миролюбіе и склонность къ умѣренности, которыя ставились ими въ примѣръ даже европейцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ сердцахъ народа глубоко укоренилась способность оказывать неодолимое пассивное сопротивленіе. Непобѣдимая твердость, съ которою индіецъ сопротивляется каждый разъ, когда онъ не хочетъ уступить, пріобрѣла громкую извѣстность. Въ этихъ случаяхъ онъ переноситъ страданія съ аскетической твердостью, равной полному безчувствію. Не будь у него этого качества, Индія, вѣроятно, была бы теперь такъ же пустынна, какъ и прочія части мусульманской Азіи. Благодаря этому качеству индійская община до сихъ поръ сохранила свою независимость и свои привилегіи, право распредѣлять и взимать подати и сборы, распредѣлять земли и средства орошенія. Индіецъ настолько способенъ къ непоколебимому пассивному сопротивленію, когда ему не достаетъ силы сопротивляться открыто противъ несправедливости,

но едвали найдется на свѣтѣ другой народъ, который былъ бы способенъ такъ глубоко запоминать свои права. Утративъ свою землю, онъ послѣ нѣсколькихъ поколѣній помнитъ еще, что она—его, и при первомъ случаѣ цѣлой общиной бросается на нее, распредѣляетъ попрежнему и установляетъ прежнія правомѣрныя отношенія. Для порожденія цвѣтущаго и многочисленнаго населенія существуетъ одинъ способъ, это—отсутствіе отягощеній по отношенію къ рабочему классу; тамъ, гдѣ мы видимъ, что лѣтописцы, подобно магометанскимъ, воспѣваютъ роскошь и властолюбіе высшихъ классовъ и воспѣваютъ ихъ, какъ добродѣтели, тамъ можно придти только къ обезлюденію, нищенству и неурядицѣ. Мы видѣли дѣйствіе законовъ Ману, по сравненію съ магометанскими взглядами, а между тѣмъ законы эти считаются уже аристократическимъ законодательствомъ для Индіи, и болѣе древнія Веды считаются болѣе демократичными: можетъ быть тогда-то именно и было самое быстрое увеличеніе населенія въ Индіи. Наблюденія надъ магометанскими частями восточнаго материка показываютъ намъ, что народъ безъ гарантій противъ притѣсненія и безъ умственнаго движенія тотчасъ же начинаетъ разлагаться, во всѣхъ классахъ общества порождаются такія несогласимыя чувства и стремленія, при которыхъ возможны только одна анархія и неурядица. Въ Турціи всѣ правители, начиная отъ султана и кончая послѣднимъ начальникомъ какого-нибудь города, ясно понимаютъ невозможность управлять страною при господствующихъ въ ней несогласимыхъ и анархическихъ чувствахъ населенія, но они съ ними совладать никакъ не могутъ. Они рвутъ на себѣ волосы глядя на нелѣпый фанатизмъ, гордость и безпечность турокъ, на разбойничьи наклонности курдовъ и бедуиновъ, на христіанъ, гдѣ поселены неискоренимо враждебныя чувства и гдѣ среди внутренней неурядицы каждый разбойникъ можетъ сдѣлаться героемъ,—но поправить дѣло не въ ихъ силахъ. Въ Индіи мы видимъ, что при самыхъ твердыхъ и мудрыхъ гарантіяхъ, но безъ умственнаго движенія, разложеніе на-

ступаетъ точно также неизбѣжно. Исторія Индіи показываетъ, что для здороваго состоянія государства умственное движеніе необходимо нетолько въ высшихъ классахъ общества, но и въ массахъ населенія. Для того, чтобы великій народъ могъ существовать не разрушаясь, ему нетолько необходимо полное знакомство съ цивилизаціей другихъ странъ, покрывающихъ земную поверхность, но ему необходимо стоять на одномъ уровнѣ съ этой цивилизаціей. Духъ цензуры и нетерпимости равняется самоубійству. Незнакомство высшихъ сословій Индіи съ европейской цивилизаціей сдѣлало ихъ жертвой внѣшнихъ завоеваній и игрушкой измѣнической французской и англійской политики, а между тѣмъ нельзя не пожалѣть, что такимъ образомъ погибъ оригинальный геній этой націи, которая съумѣла расплодить на лицѣ земли такое густое населеніе, какого нигдѣ не создавала цивилизація европейская. Низшіе классы, какъ заколдованные, остановились въ опредѣленномъ кругу идей и чувствъ,—въ ихъ средѣ не было ни умственнаго движенія, ни развитія. Послѣдствіемъ этого было нетолько численное уменьшеніе населенія, но и ослабленіе и вырожденіе расы. Первые завоеватели Индіи нашли въ нихъ еще энергическихъ и сильныхъ людей, они называютъ ихъ опасными врагами и смѣлыми воинами. Англичане и французы имѣли уже дѣло съ племенемъ совершенно разслабленнымъ. Даже вооруженные по-европейски, они не могли бороться съ европейцами въ равномъ числѣ,—въ рукопашномъ бою десятки индійцевъ бѣжали передъ однимъ англичаниномъ.

Еще болѣе плачевное вліяніе духа цензуры и нетерпимости представляетъ намъ Китайская имперія. Если намъ слѣдуетъ сожалѣть о погибели генія Индійскаго племени, то заглушенный геній Китайской расы долженъ возбуждать въ насъ еще несравненно большія сожалѣнія. Въ китайцахъ мы видимъ одно изъ самыхъ талантливыхъ, изобрѣтательныхъ и умственно сильныхъ племенъ, которыя когда-либо существовали на земномъ шарѣ. Соціально-демократическое движеніе, которое началось въ Европѣ

только съ недавняго времени, въ Китаѣ производилось уже давно. Территорія Китайской имперіи въ былыя времена принадлежала крупнымъ землевладѣльцамъ. Землевладѣльцы эти доведены были до того, что они пользовались ею такъ умѣренно, какъ никогда не пользовались своими правами землевладѣльцы европейскіе. Подобно тому, какъ въ Индіи, они брали не болѣе девятой части ея произведеній и притомъ брали натурою, — обыкновенно такимъ образомъ: земля раздѣлялась на девять участковъ, восемь раздавались земледѣльцамъ, и они должны были обработать для собственника девятый. Наши помѣщики, во время крѣпостнаго права, дѣйствовали обыкновенно наоборотъ: за каждую десятину крестьянинъ обрабатывалъ двѣ для помѣщика, и намъ еще много придется жить прежде, чѣмъ мы доживемъ до той гуманности, которая уже давно пережита китайцами. Но это поземельное отношеніе, которое по понятіямъ европейцевъ было бы ужъ очень гуманно, китайцамъ казалось непомѣрно суровымъ и притѣснительнымъ. Они систематически шли къ уничтоженію крупной собственности. Запрещены были маіораты и дозволено было оставлять старшему сыну только половину земли, потомъ вовсе запрещены были завѣщанія, и земля должна была слѣдовать законному указанному порядку. Такъ какъ крупные землевладѣльцы владѣли землями не по непосредственному, а по феодальному праву, то китайское правительство могло, наконецъ, вовсе отмѣнить это право. Всѣ барщины и повинности были отмѣнены Поземельные участки были обращены въ свободную, дѣлимую и отчуждаемую собственность земледѣльцевъ. Послѣ этого крестьянамъ оставалось уплачивать одну только поземельную подать. Несмотря на произволъ, существующій въ странѣ, собственность эта пользуется полной безопасностью; наслѣдство дѣлится поровну. Послѣ введенія этихъ узаконеній болѣе богатые землевладѣльцы стали скупать участки бѣдныхъ,—опять начало появляться крупное землевладѣніе, но народъ и правительство боролись противъ этого зла всѣми своими средствами. Дошло до того, что

два раза появлялся законъ, запрещающій имѣть въ собственность болѣе одного надѣла, т. е. не болѣе двухъ съ половиною десятинъ. Но законъ этотъ явился слишкомъ рано, оказался стѣснительнымъ и возбудилъ такое неудовольствіе, что его пришлось отмѣнить. Мелкая собственность продолжала, однакоже, дѣлать успѣхи, и въ настоящее время землевладѣлецъ, который обработываетъ отъ трехъ до четырехъ десятинъ земли, считается уже крупнымъ землевладѣльцемъ; вся земля раздѣлена на самые мелкіе участки, доходящіе до $^1/_3$ десятины. Вслѣдствіе такого распредѣленія земель, вся земля тамъ воздѣлана самымъ тщательнымъ образомъ. Обработка плугомъ составляетъ исключеніе,—она обрабатывается съ огородными пріемами. У насъ огородникъ воздѣлываетъ свой огородъ небрежнѣе, чѣмъ китаецъ свое поле: китаецъ обработываетъ поле съ неутомимымъ терпѣніемъ, иногда до четырехъ разъ; онъ орошаетъ его самымъ тщательнымъ образомъ. Онъ пользуется всѣми средствами удобренія и всякаго рода суррогатами; жидкое удобреніе, которое почти вездѣ пропадаетъ даромъ, тутъ собирается тщательно, и китайскій земледѣлецъ ни разу не посѣтитъ городъ, чтобы не привезти на обратномъ пути удобреніе. Все, что только можетъ быть обращено въ плодоносное поле, обращается подъ обработку; для дорогъ оставляется возможно меньшее пространство, дома строятъ на безплодныхъ мѣстахъ, и китайцы, какъ извѣстно, живутъ даже на водѣ. Китаецъ съ полей своихъ получаетъ до четырехъ жатвъ въ теченіе одного года,—три сбора самое обыкновенное явленіе. Такъ, напр., въ теченіе лѣта онъ получаетъ два сбора риса — одинъ въ іюнѣ, а другой въ октябрѣ, а затѣмъ на зиму онъ то же самое поле обращаетъ въ огородъ, сажаетъ на немъ капусту, бобы, картофель и собираетъ ихъ въ февралѣ. Знаменита нелюбовь китайцевъ къ каменьямъ и животнымъ; они ихъ преслѣдуютъ безпощадно и хотятъ, чтобы отъ каждаго клочка питался человѣкъ; нѣтъ ни одной страны, которая производила бы такую огромную массу питательныхъ веществъ, удобныхъ для человѣка. Болота

и рѣки должны способствовать дальнѣйшему увеличенію питательныхъ веществъ. На рѣкахъ и озерахъ они устраиваютъ плоты и разводятъ сады, откармливаютъ свиней и массы утокъ. Тысячи людей и цѣлыя водяныя деревни находятъ себѣ, такимъ образомъ, пропитаніе. Они умѣютъ пользоваться съ большимъ искусствомъ нетолько производительными силами земли, воды и болотъ, но и животными: собакъ, напр., они умѣютъ откармливать такъ, что получаютъ отъ нихъ замѣчательно вкусное мясо; они умѣютъ заставлять животное производить перлы любой и даже чрезвычайно искусственной формы, напр. формы сіянія кругомъ лика. Такимъ образомъ, исключительное господство мелкой собственности породило въ Китаѣ замѣчательное развитіе производительныхъ силъ и геніи земледѣльческаго населенія и дало ему возможность содержать населеніе безпримѣрной въ исторіи густоты. Китай, занимающій пространство приблизительно въ семьдесятъ тысячъ квадратныхъ миль, имѣетъ населеніе, которое составляло по счисленію 1852 года до 537 милліоновъ, между тѣмъ какъ вся остальная Азія, которая обнимаетъ собою пространство въ десять разъ большее, чѣмъ Китай, насчитываетъ только приблизительно 320 милліоновъ, включая сюда и населеніе Индіи. Въ Китаѣ есть огромныя пространства, равняющіяся поверхности Великобританіи и гдѣ приходится по 18,000 жителей на квадратную милю; въ другихъ провинціяхъ приходится пятнадцать и четырнадцать тысячъ. Населеніе, неизвѣстной въ Европѣ густоты и которое въ Индіи встрѣчается только въ отдѣльныхъ округахъ, тутъ обнимаетъ обширныя провинціи. Европейскіе ученые отказывались вѣрить этому факту, но переписи въ Китаѣ составляются уже давно, китайцы пріобрѣли въ ихъ составленіи большую ловкость и баснословная густота китайскаго населенія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія населеніе Китая увеличивалось съ такой же быстротою, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки; когда оно достигло въ восемь разъ большей густоты, чѣмъ въ Соединенныхъ

Штатахъ, оно стало увеличиваться медленнѣе; несмотря на это, въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ шестидесяти лѣтъ оно увеличилось въ три съ половиною раза, не считая значительныхъ переселеній въ окрестныя страны. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ нынѣшняго столѣтія русское населеніе, безъ всякихъ переселеній за предѣлы государства, едва удвоилось, несмотря на то, что въ это время присоединена была къ Россіи территорія въ 11,000 квад. миль съ населеніемъ гораздо болѣе густымъ, чѣмъ населеніе страны.

Порожденное такой густотой огромное ремесленное и промышленное населеніе по большей части занято производствомъ предметовъ потребленія земледѣльцевъ и народныхъ массъ. Въ то время какъ въ Европѣ блестящіе магазины и лавки находятся всегда въ аристократическихъ частяхъ города, а демократическія имѣютъ развѣ какія-нибудь жалкія мелочныя лавчонки, въ Китаѣ главная торговля сосредоточена въ демократическомъ городѣ. Высшее сословіе въ Китаѣ потребляетъ по крайней мѣрѣ втрое меньше народнаго труда, чѣмъ европейское, да и это потребленіе оно считаетъ безнравственнымъ и беззаконнымъ,—закономъ дается ему за его труды несравненно меньшее вознагражденіе *), между тѣмъ какъ въ Европѣ высшіе классы берутъ у народа огромныя массы его труда на основаніи вполнѣ законномъ. Крупный землевладѣлецъ въ Китаѣ почти неизвѣстенъ, капиталистъ сравнительно съ Европою рѣдкость. Поэтому китайскіе ремесленники и промышленники пріобрѣли необыкновенную способность дѣлать свою производительность удобною и доступною для массы. Чтобы удовлетворить какъ можно большее число

*) Въ Китаѣ приходится одинъ мандаринъ со своимъ штабомъ на 300,000 населенія; кромѣ того каждый городъ имѣетъ мандарина, но чтобы поселеніе считалось городомъ оно должно быть очень значительно; близъ Кантона поселеніе Вашнао имѣло населеніе въ 8000 душъ и все-таки считалось деревней; оно управлялось старшиною по выбору населенія, который получалъ около 350 рублей жалованья.

давальцевъ, китайскій ремесленникъ постоянно переходитъ съ мѣста на мѣсто, и такимъ образомъ составляется огромное полубродячее ремесленное населеніе. Когда американцы Соединенныхъ Штатовъ увѣряли, что въ Китаѣ господствуетъ демократическій духъ, Европа смѣялась надъ этимъ, — однакоже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Китай гораздо ближе къ Соединеннымъ Штатамъ, чѣмъ Англія или какая-нибудь изъ великихъ державъ Европы. Европейскіе писатели изъ аристократической и буржуазной партіи. зараженные современной болѣзнью цивилизаціи материка Европы, жаждой власти надъ массами народа. смотрятъ свысока и смѣются надъ этимъ демократическимъ движеніемъ въ деспотической имперіи. Они съ презрѣніемъ указываютъ на взяточничество китайскихъ чиновниковъ, но лучше считать посягательство на народный трудъ въ себѣ слабостью и беззаконіемъ, чѣмъ пожирая народное производство жадными глазами отдѣлять себѣ въ немъ львиную долю и узаконять притѣсненіе. Неужели демократическое направленіе, которое расплодило такое густое населеніе въ Китаѣ и въ Индіи, хуже аристократическаго въ остальной магометанской Азіи, въ этой Азіи. гдѣ государь долженъ былъ заботиться только о благополучіи высшихъ и гдѣ роскошь и властолюбіе восхваляются какъ добродѣтели, гдѣ мѣсто китайскаго и индійскаго миролюбія заступаетъ страсть къ насиліямъ, которая заставляетъ населеніе рабольпно тѣсниться вокругъ воинственныхъ аристократовъ—начальниковъ и возбуждать ихъ къ грабежамъ? Въ западной магометанской Азіи на пространствѣ приблизительно въ 157,000 квадратныхъ миль живетъ населеніе въ 56,000,000, а въ Китаѣ и Индіи на пространствѣ въ 110,000 кв. миль живетъ населеніе болѣе чѣмъ въ семьсотъ милліоновъ,—на двухъ третяхъ пространства населеніе въ тринадцать разъ большее. Неужели одно это обстоятельство не есть уже, само по себѣ, великое благо? Но если даже не признавать этого, если смотрѣть на дѣло глазами тѣхъ аристократовъ и буржуазовъ, которые комфортабельную обстановку одного богатаго человѣка при-

знаютъ бо́льшимъ благомъ, чѣмъ питаніе жизни десятковъ и сотенъ рабочихъ людей, то развѣ положеніе западной Азіи съ этой точки зрѣнія можетъ показаться предпочтительнымъ? Развѣ въ западной Азіи высшій классъ болѣе просвѣщенъ, развѣ онъ имѣетъ больше возвышенныхъ и утонченныхъ наслажденій, развѣ рабочія руки тамъ болѣе ловки, развѣ онѣ могутъ доставлять своимъ богатымъ властелинамъ больше предметовъ роскоши и наслажденій? Совершенно наоборотъ, -не подлежитъ никакому сомнѣнію, что высшія сословія въ Китаѣ и Индіи имѣютъ больше и духовныхъ и матеріальныхъ наслажденій, чѣмъ въ западной Азіи. Если аристократъ западной Азіи несравненно болѣе требователенъ и гордъ, если онъ несравненно менѣе способенъ переносить униженіе свыше и не отступаетъ подобно китайцу и индійцу передъ пассивнымъ сопротивленіемъ народа. зато-же онъ несравненно менѣе развитъ умственно и гораздо менѣе впечатлителенъ, и если сравнивать ихъ врожденныя и внѣшнія условія жизни, то и въ тѣхъ и въ другихъ китаецъ будетъ имѣть преимущество. Преимущество демократизированнаго Китая, по сравненію съ западной магометанской Азіей, совершенно очевидно; въ извѣстныхъ отношеніяхъ онъ можетъ быть поставленъ даже выше цивилизованной Европы. Въ началѣ XVIII столѣтія острова Великобританіи и Франція одни уже имѣли населеніе приблизительно равное тогдашнему населенію Китая, слѣдовательно еслибы въ Европѣ рабочее населеніе имѣло тѣ же способы къ размноженію какъ въ Китаѣ, то оно могло бы достигнуть несравненно большей густоты; но оно имѣло надъ собою многочисленное высшее сословіе, которое въ видѣ поземельныхъ собственниковъ, капиталистовъ и богато вознаграждаемыхъ чиновниковъ пріобрѣтало въ свою пользу около двухъ третей цѣнности его произведеній; отъ тягостнаго положенія и нужды рабочее населеніе подвергалось преждевременной смертности, и въ особенности дѣти вымирали массами; населеніе не могло умножаться, и въ настоящее время оно вдвое незначительнѣе, чѣмъ въ Китаѣ,

несмотря на то, что живетъ на территоріи въ два съ половиною раза болѣе обширной. Если къ нимъ присчитать всѣхъ европейскихъ переселенцевъ, то и тогда они составятъ едва двѣ трети населенія Китая.

Геній и изобрѣтательность китайцевъ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Не говоря уже о томъ, что книгопечатаніе, порохъ, компасъ были изобрѣтены въ Китаѣ прежде чѣмъ въ Европѣ, что оттуда привезенъ былъ макадамъ, что до сихъ поръ китайцамъ извѣстны многія механическія и техническія производства, съ которыми европейцы незнакомы,—они вполнѣ доказали свою способность къ самымъ сложнымъ производствамъ съ наибольшимъ раздѣленіемъ труда. Утверждаютъ, что въ Китаѣ существуетъ городъ, гдѣ пятьсотъ фарфоровыхъ фабрикъ и до милліона рабочихъ; чашка проходитъ тутъ черезъ шестьдесятъ рукъ прежде, чѣмъ она закончится. Поэтому никакъ нельзя не сожалѣть о томъ, что историческая жизнь остановила въ немъ высшее умственное развитіе. Въ прежнія времена Китай былъ чисто аристократической страной и раздѣленъ на многія владѣнія. Конфуцій былъ учителемъ аристократовъ и проповѣдывалъ крупную поземельную собственность. Когда страна объединилась и императоры приняли на себя инициативу демократическаго движенія, народъ былъ ихъ поддержкой, а бюрократія ихъ орудіемъ. Въ это время ученое сословіе Китая, подобно ученому сословію во многихъ другихъ странахъ, сочувствовало преимущественно интересамъ высшихъ сословій, литература составляла рѣзкую оппозицію противъ правительства. Это была со стороны ученыхъ конечно великая ошибка; вмѣсто того, чтобы, защищая интересы народа, опереться на него, дать и себѣ и народу самостоятельность и дать ему средства къ отпору, на случай, еслибы бюрократія, побѣдивъ аристократовъ, вздумала съ своей стороны тѣснить народъ, ученые стали на сторону притѣснителей; народъ сталъ ихъ ненавидѣть настолько же, насколько онъ ненавидѣлъ аристократію. Не одни китайскіе ученые сдѣлали такую ошибку, но для китайскихъ по-

слѣдствія были самыя жалкія. Народъ былъ расположенъ къ одной литературѣ, къ литературѣ правительственной, и съ писателями можно было поступать безъ церемоніи: огромная масса ихъ сочиненій была сожжена и увѣряютъ, что 460 литераторовъ были погребены живыми. Немудрено, если литераторовъ постигла такая участь, когда демократическій духъ въ странѣ былъ такъ силенъ, что сами императоры не были въ состояніи ему противиться. Императоръ Ше-у былъ лишенъ престола за покушеніе установить наслѣдственныя должности. Народъ повторялъ и считалъ верхомъ мудрости слѣдующее изрѣченіе: «добродѣтель рѣдко господствуетъ между богатыми и родовитыми людьми, гордость внушаетъ имъ ненависть и презрѣніе къ людямъ добродѣтельнымъ и они охотно ихъ оскорбляютъ и притѣсняютъ.»

Пока продолжалась борьба между бюрократіею и наслѣдственною аристократіею, до тѣхъ поръ бюрократія, конечно, должна была заботиться о томъ, чтобы быть популярною; ея управленіе должно было быть благодѣтельно, и если она могла до такой степени окончательно раздавить и уничтожить аристократію и пріобрѣсти такое исключительное значеніе, какого она не пріобрѣтала нигдѣ, то это могло быть только плодомъ большой мудрости и умѣренности, которая въ глазахъ народа далеко превосходила аристократическую. Мы, однакоже, уже видѣли выше, что сама аристократія была сравнительно весьма умѣренна. Но послѣ окончательной побѣды нужно было ожидать, что бюрократія, не сдерживаемая никакимъ самоуправленіемъ, обратится въ бичъ народа и будетъ высасывать его всѣми средствами. Это тѣмъ болѣе было возможно, что государь продолжалъ считаться верховнымъ владѣльцемъ земель и на основаніи этого верховнаго права не только могъ облагать землю податями, но могъ отбирать участки запущенные и остающіеся безъ обработки. Вѣроятно, бюрократія скоро научилась бы неумѣренности, еслибы Китай не подвергался неоднократнымъ внѣшнимъ завоеваніямъ. Это обстоятельство заставляло бюрократію опасаться ра-

зомъ лишиться всего и быть ввергнутой въ бездну нищеты и несчастій. Чтобы оградить себя, ей нужно было составить себѣ самостоятельное и грозное положеніе, нужно было изъ всей націи организовать массу, способную къ энергическому сопротивленію и быть въ этой массѣ настолько популярной, чтобы она могла вполнѣ опереться и положиться на нее. Нельзя не сознаться, что китайская бюрократія выполнила эту задачу съ рѣдкой въ исторіи проницательностью, дальновидностью и силою воли. Китайскій народъ до сихъ поръ составляетъ обширные родовые союзы, имѣющіе внутреннюю организацію и начальниковъ. Союзы эти способны нетолько къ вооруженному сопротивленію, но и къ нападенію: они давали цѣлыя сраженія и притомъ оставались на мѣстѣ сотни убитыхъ. Цѣль этихъ союзовъ была ограждение своихъ членовъ, обидчики наказывались различными способами, сжигали ихъ имущество, убивали ихъ. Регулярное войско въ Китаѣ было незначительно, а огромное большинство военной силы состояло изъ народной милиціи—это были вооруженные земледѣльцы и ремесленники, которые жили отъ своихъ мирныхъ занятій, и всѣ послѣдствія дурнаго или хорошаго управленія отзывались на нихъ точно также, какъ на всякихъ другихъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ Китаѣ считалось 80,000 человѣкъ постояннаго войска и 700,000 ополченія. Государи, въ особенности изъ внѣшнихъ завоевателей, были нерѣдко склонны разыгрывать въ Китаѣ такихъ же деспотовъ жестокихъ и своевольныхъ, какихъ мы видимъ вообще на востокѣ, и относиться къ китайской бюрократіи съ высокомѣріемъ побѣдителей. Нужно было создать для нихъ узду, и китайская бюрократія понимала, что для этого непзбѣжно сохранить въ народѣ до извѣстной степени духъ самостоятельности и противодѣйствія. Поэтому, китайская бюрократія, сначала такъ энергически уничтожившая самостоятельную оппозиціонную литературу, при измѣнившихся обстоятельствахъ снова начинала покровительствовать ей. Она заботилась, чтобы въ памяти народа возобновлялись и распространялись

ученія вродѣ слѣдующихъ: «Дурной и порочный человѣкъ не можетъ быть императоромъ, народъ можетъ и обязанъ его оставить. Тотъ, кто свергаетъ его съ престола, исполняетъ волю небесъ. Погибель династіи, вотъ воздаяніе за дурное управленіе.» «Люди поступаютъ справедливо и хорошо, если они, спасаясь отъ тиранніи императора, примкнутъ къ подданному и дадутъ ему возможность завладѣть властью.» «Государямъ нужно сопротивляться, если они дѣлаютъ несправедливыя требованія, и повиноваться безпрекословно, если они довольствуются малымъ.» Такимъ образомъ, явилось въ Китаѣ общее убѣжденіе о непрочности династій. Мнѣніе это получило въ сознаніи народномъ послѣдовательное развитіе. По мнѣнію китайцевъ, начальству нужно повиноваться только тогда, когда оно хорошо и исполняетъ свои обязанности. Бунтъ народа считается тамъ самой дурной рекомендаціей для мѣстнаго начальника. По понятіямъ европейской бюрократіи нужно поддерживать начальника, возбудившаго своими поступками безпорядки, для того, чтобы не ослабить власть; въ Китаѣ начальникъ смѣняется за оказанное ему неповиновеніе, и потому начальники опасаются дѣйствовать и распоряжаться такъ, чтобы неповиновеніе могло послѣдовать. Противодѣйствуя императорамъ, когда они хотѣли выйти изъ поставленныхъ для нихъ рамокъ, китайскіе вельможи поступали иногда съ геройствомъ и самоотверженіемъ, которое должно было дѣлать ихъ весьма популярными. Все это не пропадало даромъ и приводило императоровъ къ весьма ощутительнымъ результатамъ. За дурное управленіе императоры дѣйствительно лишались престола, и содѣйствовавшіе ихъ паденію вельможи возвышались. Бюрократія достигала своей цѣли и удерживала императоровъ въ рамкахъ, которыя были для нихъ поставлены.

Независимая отъ народа бюрократія — это самая плохая поддержка для самостоятельной и свободномыслящей литературы. Сколько ни обвиняли китайское чиновничество въ революціонномъ духѣ, но такой образъ мыслей располагалъ бюрократовъ къ самостоятельной прессѣ только до

тѣхъ поръ, пока ихъ собственному положенію грозила опасность отъ деспотизма императоровъ. При первой возможности они были склонны слѣдовать аристократическому направленію Конфуція съ его наклонностью замѣнять дѣло напыщенными формальностями и церемоніями. Они чувствовали необходимость держать мысль и чувство народа въ строгой дисциплинѣ, не дозволять ему выходить изъ рамки и удалять его отъ наплыва непрошенныхъ, въ особенности иностранныхъ идей. Повидимому, это было самое раціональное, что они могли сдѣлать съ своей точки зрѣнія. Они имѣли дѣло съ народомъ въ высшей степени любознательнымъ и склоннымъ къ ученію. Въ каждой деревнѣ была школа; тѣ, которые не могли учиться въ ней днемъ, учились ночью. Не было никакого привилегированнаго служебнаго сословія, всякій могъ получить высшія государственныя должности, если онъ только выдерживалъ нужный экзаменъ, а такъ какъ всѣ обучались, то всякій могъ питать самыя заносчивыя, честолюбивыя надежды. На экзамены въ уѣздахъ, въ провинціяхъ и въ столицахъ являлось постоянно въ двадцать разъ болѣе экзаменующихся, чѣмъ могли получить степень; изъ получившихъ степень опять-таки цѣлыя массы оставались безъ мѣстъ. Что было бы, еслибы при такомъ положеніи дозволить свободное умственное движеніе? Еслибы вся эта масса, не выдержавшая экзаменъ, вздумала подвергать критикѣ свѣдѣнія, которыя требовались на испытаніяхъ, и способность этихъ свѣдѣній создавать хорошихъ чиновниковъ, вздумала бы предлагать народу свои системы управленія и стала бы убѣждать его отказывать чиновникамъ въ повиновеніи на основаніи издавна посѣяннаго въ немъ убѣжденія, что начальству нужно повиноваться только тогда, когда оно хорошо? Еслибы вся масса имѣющихъ степени и право на мѣста кинулась анализировать дѣйствія чиновниковъ и разъяснять публикѣ ихъ ошибки съ цѣлью ихъ вытѣснить и замѣстить собою? Въ Китаѣ каждые три года составляются списки чиновниковъ съ цѣлью исключенія негодныхъ; къ негоднымъ относятся шесть категорій: замѣчен-

ные въ лѣни, въ неспособности, легкомысленные, негодные, слишкомъ старые и болѣзненные. Еслибы дожидающіеся иногда въ теченіе всей своей жизни кандидаты стали безнаказанно и публично поставлять факты для этихъ категорій, въ какомъ положеніи очутились бы чиновники? Масса народа уже доказала свою наклонность къ перемѣнамъ,—она замѣнила религію Конфуція болѣе соотвѣтствующимъ ея демократическимъ чувствамъ буддизмомъ, и даже императоры, соблазняясь популярностью, принимали его. При первомъ появленіи христіанства, масса народа въ большомъ числѣ принимала это ученіе. Предпріимчивые китайцы большими партіями поселялись на берегахъ Америки, въ Соединенныхъ Штатахъ. Что если открыть свободное сообщеніе страны съ европейцами и американцами, если допустить среди этого грамотнаго, любознательнаго и вооруженнаго народа распространеніе, вмѣстѣ съ христіанствомъ, американскихъ политическихъ идей? При его демократическихъ чувствахъ, при его способности организоваться, въ какомъ положеніи могла бы очутиться китайская бюрократія? Всѣ эти соображенія, конечно, не разъ приходили ей на умъ и направляли ея политику. Каковъ, однакоже, оказался результатъ ея образа дѣйствій, повидимому, столь осторожнаго и дальновиднаго? Они лишили себя всѣхъ благъ европейской цивилизаціи, они поставили свое отечество въ самое жалкое и унизительное положеніе. Россія, слѣдуя Петровской политикѣ, сдѣлала слабое и далеко неудовлетворительное усиліе, чтобы привить себѣ цивилизацію Европы, и разомъ вошла въ составъ великихъ европейскихъ державъ. Населеніе Китая далеко болѣе умственно развито и цивилизовано, чѣмъ были русскіе до Петра; еслибы оно своевременно съумѣло воспользоваться европейской и американской цивилизаціей, еслибы китайская бюрократія, вмѣсто жалкой своей политики, взяла инпціативу просвѣщенія, китайцы не только не подверглись бы современной своей печальной участи, но составляли бы, вѣроятно, самое могущественное государство въ свѣтѣ. При всеобщей грамотности и

при привычкѣ къ школьному обученію европейскія и американскія идеи очень скоро бы тамъ привились. И въ настоящее время китайцы изумляютъ европейцевъ своимъ искусствомъ въ обработкѣ металловъ, поэтому они легко могли бы выучиться дѣлать совершенное оружіе, а при давно укоренившемся тамъ обычаѣ ополченія можно было бы легко вооружить весь народъ, а постоянное войско оставить въ прежнемъ ограниченномъ его количествѣ. Китай, при такомъ устройствѣ, тратилъ бы такъ же мало на войско, какъ Соединенные Штаты и Швейцарія, и представлялъ бы такую же непобѣдимую военную силу для отраженія внѣшнихъ враговъ. Если припомнить исторію нашего отечества въ теченіе XVIII-го и XIX-го столѣтія, если вспомнить, какъ у насъ создано было все тамъ, гдѣ не было ничего, то можно понять, какъ легко было бы китайцамъ сдѣлать еще несравненно большіе успѣхи, если-бы они объ этомъ подумали своевременно. Способность учиться у китайцевъ изумительная. Англичане разсказываютъ, что тамъ, гдѣ они поселялись, китайцы въ самомъ скоромъ времени пріучались удовлетворять всѣмъ ихъ потребностямъ. Они приготовляли для нихъ хлѣбъ, пищу и платье, такъ же, какъ это дѣлается въ Англіи и совершенно сносно; наперекоръ религіознымъ своимъ предразсудкамъ, они воспитывали для нихъ въ изобиліи быковъ и овецъ, и все это отличалось баснословной дешевизной. Быкъ стоилъ 8 долларовъ, баранъ три доллара. На своихъ магазинахъ они дѣлали европейскія вывѣски. Готоваго платья европейскаго покроя можно было найти въ магазинахъ сколько угодно. Многія издѣлія, въ особенности шелковыя, были превосходны. Для немногихъ англійскихъ дамъ явились уже женскіе портные и вышивали для нихъ узоры, которые ихъ приводили въ удивленіе. Они наживались отъ англичанъ такъ же успѣшно, какъ англичане отъ нихъ. Столѣтія XVIII-е и XIX-е это именно то время, когда въ Китаѣ такъ быстро возрастало населеніе и когда онъ находился въ самомъ удобномъ положеніи для привитія европейской цивилизаціи. Еслибы китайцы въ

это время принялп, вслѣдствіе сношеній съ европейцами, христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ пало бы запрещеніе буддизма употреблять въ пищу бычачье мясо и молоко, то въ Китаѣ распространился бы крупный рогатый скотъ, множество веществъ, способныхъ питать этотъ скотъ и которыя теперь пропадаютъ даромъ, получили бы назначеніе, населеніе сдѣлалось бы крѣпче и могло бы еще болѣе увеличиться. Или, можетъ быть, бюрократія, убивая движеніе и самостоятельность мысли, водворила и сохранила спокойствіе? — Нисколько. Китай подвергся униженію внѣшняго завоеванія и внутреннимъ революціямъ, вызваннымъ именно этой политикой застоя. — Кчему же, — я спрашиваю, — было держаться этой жалкой и дряблой политики, спасая страну отъ наплыва европейскихъ идей? Она создала еще новыя затрудненія для ея отмѣны: машинное дешевое производство, развившись въ Европѣ, породило въ китайскихъ прозводителяхъ отвращеніе къ свободной торговлѣ и наклонность къ запрещеніямъ.

ГЛАВА IV.

Какъ распространяются взгляды на политическія формы.—Отсутствіе свободы рѣчи умеьшаетъ внѣшнюю силу государства, уничтожаетъ патріотизмъ и порождаетъ вапосчивую политику; повтому въ подобныхъ государствахъ финансы всегда разстроены; примѣры.—Въ странахъ, гдѣ рѣчь не свободна, постоянно дѣлаются коренныя реформы и все-таки нѣтъ благоденствія, а въ странахъ съ свободной рѣчью является благоденствіе и безъ реформъ —Политическая устойчивость при свободѣ рѣчи и отсутствіе этой устойчивости при стѣсненіи.

Изучая исторію Китая, опять-таки можно было бы подумать, что правительство мѣрами, направленными къ уничтоженію свободнаго и самостоятельнаго мышленія, и не допуская внѣшняго вліянія, можетъ помѣшать распространенію извѣстныхъ политическихъ чувствъ и идей. Однакоже, стоитъ только взглянуть на исторію человѣчества съ болѣе широкой точки зрѣнія, чтобы снова разубѣдиться въ этомъ. Исторія убѣждаетъ насъ, что политическія чувства и идеи постоянно распространяются по сосѣдству и влекутъ за собою такое же распространеніе политическихъ формъ и что при тѣхъ же формахъ сущность политическихъ отношеній опредѣляется геніемъ и характеромъ народа. Все это дѣлается совершенно независимо оттого, будетъ ли дѣятельность мысли въ народѣ совершенно свободна или совершенно стѣснена. Мы видимъ, что въ Америкѣ республиканская и демократическая форма — та форма, которая всего естественнѣе представляется мыслямъ народовъ; испанцевъ никакимъ образомъ нельзя заподозрить въ слишкомъ большой наклонности къ свободному слову,

а все-таки республиканская форма привилась во всѣхъ освободившихся отъ Испаніи колоніяхъ, и если бы острову Кубѣ удалось сбросить съ себя испанскія цѣпи, то тамъ, по всей вѣроятности, устроилось бы также республиканское правленіе. Въ Европѣ точно такимъ же образомъ распространяется и прививается идея конституціонной монархіи. Государство или даже какая-нибудь область освобождается революціоннымъ путемъ и тотчасъ призываетъ къ себѣ монарха. Это оказывается одинаково справедливымъ и тамъ, гдѣ народъ всего болѣе и гдѣ онъ всего менѣе привыкъ къ самоуправленію, и тамъ, гдѣ онъ пользовался полной свободой рѣчи, и тамъ, гдѣ рѣчь эта была вполнѣ стѣснена. Греція, Сербія, Румынія, Бельгія, Испанія, Италія, свергнувъ свое правительство путемъ революціоннымъ, одинаково стали искать для себя монарха. Какъ скоро въ Европѣ гдѣ-нибудь происходитъ революція. то и жители страны и всѣ сосѣди вполнѣ увѣрены, что возставшему народу не обойтись безъ монарха; напротивъ, американецъ не можетъ представить себя иначе, какъ республиканцемъ, и даже тамъ, гдѣ партіи пользуются своей властью съ невыносимымъ деспотизмомъ, народъ все-таки считаетъ республиканскую форму естественною, а монархическую такою, которая не можетъ удержаться. Монархія въ Америкѣ такое же исключеніе, какъ республика въ Европѣ; это зависитъ отъ привычки къ извѣстному образу мыслей, который прививается народу по сосѣдству точно также, какъ обычаи, формы вѣжливости и пр. Тотъ же самый испанецъ, который въ Америкѣ никакъ не могъ переварить имперію Максимиліана, въ Европѣ считаетъ невозможною республику даже въ первый моментъ революціи. Слѣдуя тому же закону привычки къ извѣстному образу мыслей, деспотическая форма распространилась по всей Азіи. Въ средніе вѣка точно такимъ же образомъ распространялись олигархическія формы въ управленіи городовъ и феодальныя—въ управленіи страною. Городскія управленія, сами возобновляющія свой составъ, феодальное дворянство, сбирающееся на земскія собранія, мы

встрѣчаемъ и въ Италіи, и въ Швейцаріи, и въ Бельгіи, и въ Англіи, и въ принадлежащемъ теперь намъ Остзейскомъ краѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что геній китайской націи создалъ, среди деспотизма, бюрократію и демократическія соціальныя формы жизни, при которыхъ возможно было самое быстрое размноженіе населенія, а геній народовъ западной Азіи къ тому же деспотизму присовокупилъ формы, приближающіяся къ феодальнымъ, и управленіе, убивающее культуру и жизнь. Геній населенія Соединенныхъ Штатовъ создалъ при республиканскихъ формахъ высшую степень просвѣщенія, матеріальнаго и гражданскаго развитія, а геній испанскаго населенія Америки болѣе всего анархію и неурядицу. Оппозиціонная литература не могла остановить демократическаго направленія идей въ Китаѣ, точно также какъ духовенство въ Европѣ, несмотря на всѣ свои средства вліять на умы, не могло остановить противнаго ему движенія, не имѣвшаго почти никакихъ средствъ. Свобода слова точно также мало способна была бы измѣнить привычныя политическія мысли и чувства китайцевъ, и еслибы Китаю суждено было когда-либо сдѣлаться конституціонной монархіей или представительной демократіей, то онъ сдѣлается и тѣмъ и другимъ также медленно и также скоро при свободной и при стѣсненной рѣчи, но при свободномъ и самостоятельномъ движеніи мысли онъ былъ бы уже теперь цвѣтущей и сильнѣйшей державой въ свѣтѣ.

Свобода рѣчи нетолько не имѣетъ способности порождать внезапные государственные и соціальные перевороты, но, напротивъ, она ихъ дѣлаетъ невозможными. Еслибы у насъ въ сороковыхъ годахъ существовала свобода рѣчи, неужели возможна была бы севастопольская катастрофа, неужели могло бы случиться, чтобы наша армія столкнулась лицомъ къ лицу съ могущественнымъ непріятелемъ безъ надлежащаго оружія и безъ достаточнаго числа способныхъ офицеровъ? Еслибы возможно было энергически нападать на дѣйствія бывшаго тогда военнаго министра, то развѣ могла бы у насъ такъ долго держаться мысль, что

хорошее вооруженіе не годно для нашего войска и что ему суждено одерживать побѣды и при плохомъ оружіи. Жалкая мысль, въ которой намъ такъ горько пришлось раскаиваться. Если вооруженіе нашей арміи и въ настоящее время не такъ хорошо, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, то что же этому причиною, если не недостатокъ свободы слова? У насъ можно дѣлать только общія замѣчанія о пользѣ, которую могло бы принести лучшее оружіе, и высказывать свое мнѣніе о томъ, что считается лучшимъ оружіемъ, какъ это дѣлаютъ «Московскія Вѣдомости». Ни одинъ высоко поставленный офицеръ не рѣшится у насъ энергически напасть въ печати на всю дѣятельность военнаго министра и доказать публикѣ возможность лучшаго у насъ вооруженія и лучшей организаціи войска. Каждый офицеръ будетъ слишкомъ опасаться, чтобы такой образъ дѣйствія не сочтенъ былъ съ его стороны нарушеніемъ долга подчиненности и не принесъ бы ему болѣе вреда, чѣмъ пользы. Между тѣмъ если мы хотимъ, чтобы армія была у насъ въ хорошемъ состояніи, то офицеръ отъ подобнаго образа дѣйствія долженъ только выиграть и выиграть даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ вполнѣ ошибался. Хотя бы онъ ошибся, но поступокъ показываетъ, что онъ заботится о своей спеціальности и о хорошемъ состояніи военнаго дѣла въ отечествѣ, поступокъ этотъ рекомендуетъ его и нисколько не показываетъ, что онъ неспособенъ понимать своего положенія и своихъ обязанностей. Еслибы Наполеонъ не былъ такимъ врагомъ свободнаго слова, то очень можетъ быть, что онъ бы не погибъ; въ послѣднее время всѣ его генералы признавали его предпріятія чистѣйшимъ безразсудствомъ, но онъ былъ такъ упрямъ и такъ привыкъ заставлять всѣхъ молчать, что при такихъ качествахъ могъ только погубить себя. Впрочемъ противъ отдѣльныхъ примѣровъ могутъ сдѣлать возраженія: вѣдь Карлъ V одержалъ же блистательную побѣду вступивъ въ сраженіе противъ единогласнаго мнѣнія своего военнаго совѣта, – я укажу на факты болѣе общіе. Во всѣхъ государствахъ, гдѣ прави-

тельство имѣло слабость зажимать ротъ непріятнымъ голосамъ, мы видимъ одинаково повторяющійся фактъ. Высшія сословія тамъ одинаково не понимали, что заносчивая внѣшняя политика требуетъ большихъ жертвъ, что для того, чтобы гордо выступать на международномъ поприщѣ, нужно много платить и что поэтому гораздо выгоднѣе и достойнѣе великаго народа держать себя скромнѣе. Они постоянно настаивали на самой заносчивой политикѣ и никогда не были способны приносить для этого какія бы то ни было жертвы. Поэтому всѣ подобныя государства приходили къ банкротству, повторяющемуся разъ за разомъ, и къ совершенному разоренію народа. Недостатокъ денегъ и разстроенные финансы были всюду причиной, вынуждавшей къ изданію конституцій. Исторія Австріи напр. есть исторія самой заносчивой и въ тоже время самой жалкой политики. Она постоянно старалась играть великую политическую роль и затѣвала великія войны, которыя кончались для нея самымъ несчастнымъ образомъ. Для пруссаковъ и французовъ она была постояннымъ случаемъ выказывать свое геройство и свое военное превосходство. Финансы ея были вѣчно въ самомъ жалкомъ состояніи. Уже во время Семилѣтней войны обнаружилась вся ея слабость. Съ тѣхъ поръ положеніе это ухудшалось съ году на годъ. По окончаніи этой войны въ теченіе двадцати пяти лѣтъ долгъ ея болѣе чѣмъ удвоился. Затѣмъ началась прославившаяся въ исторіи система постоянныхъ банкротствъ и обмановъ своихъ кредиторовъ, которая кончилась тѣмъ, что въ австрійскомъ бюджетѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1848 по 1858 годъ, оказался дефицитъ въ 1,181 милліонъ флор. Несмотря на это, въ теченіе всего этого времени Австрія играла самую заносчивую роль въ международной политикѣ; она бралась смирить французскую революцію, за что ей, какъ извѣстно, очень больно досталось отъ Наполеона, и потомъ въ теченіе первой половины XIX столѣтія стояла во главѣ политики вмѣшательства. Вступаясь въ дѣла, которыя до нея вовсе не касались, она вела войны, на которыя ее

ничѣмъ не вызывали. Только-что объявивъ банкротство, она въ 1821 году напр. сдѣлала новый заемъ для того, чтобы вмѣшаться во внутреннія дѣла Неаполя, которыя до нея нисколько не относились. Я спрашиваю, какимъ образомъ государство, состоящее изъ тридцати или болѣе милліоновъ, можетъ сдѣлаться банкротомъ, какимъ образомъ могутъ отъ него потребоваться издержки не соразмѣрныя съ его силами? Кто посмѣетъ его тронуть, если оно само не будетъ ни до кого касаться? Когда Пруссія захотѣла вмѣшаться въ дѣла Швейцаріи и когда Швейцарія возстала поголовно, тогда Пруссія не посмѣла этого сдѣлать. Кто же посмѣетъ напасть на великую державу, у которой финансы въ порядкѣ, народъ не притѣсненъ и находится въ цвѣтущемъ состояніи?

Сосѣдка Австріи, Баваріи, отличалась точно такимъ же образомъ. По величинѣ своей она равнялась приблизительно Верхотурскому уѣзду Пермской губерніи, была въ шесть разъ менѣе Мезенскаго уѣзда, по населенію она равнялась Пермской и Вятской губерніи. Несмотря на это она хотѣла играть роль великой державы, и какъ же ей было не играть такой роли, когда въ ея составъ входило столько князей и графовъ, зависѣвшихъ прежде только отъ одной германской имперіи и считавшихъ себя ровней всѣмъ владѣтельнымъ государямъ Германіи! Возбуждать правительство къ такому образу дѣйствій имъ было тѣмъ легче, что они сами на государственныя издержки ничего не платили. Европа не успѣла опомниться послѣ паденія Наполеона, какъ баварское правительство надѣлало уже 110 милліоновъ долгу. Сдѣлать это было очень легко, стѣсняя свободное проявленіе народной мысли и удерживая газеты посредствомъ цензуры отъ опасной болтливости. Правительство и высшія сословія дѣлали другъ другу постоянныя одолженія, чины принимали на народный счетъ частные долги государя, и такимъ образомъ составилась бо́льшая часть государственнаго долга, а государь щедрою рукой раздавалъ дворянамъ пенсіи, такъ что даже гораздо позже одно лицо, имѣвшее болѣе 20,000 фл. годоваго до-

хода, получало пенсію въ качествѣ сироты. Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать, вовсе скрывалось состояніе государственныхъ доходовъ и расходовъ. Скоро оказался однакоже такой дефицитъ, что управленіе сдѣлалось совершенно невозможнымъ, и правительство вынуждено было 26-го мая 1818 года дать конституцію и вмѣстѣ съ тѣмъ законъ о свободѣ слова. Но цензура для газетъ была удержана попрежнему, и попрежнему Баварія играла роль великой державы; подобно другимъ великимъ державамъ она принимала на себя порученія смирять мятежныхъ подданныхъ другихъ государствъ и потратила напр. на гессенскую экспедицію три съ половиной милліона. Зато же сумма, платимая ею въ видѣ процентовъ съ государственнаго долга, была относительно въ пятнадцать разъ значительнѣе, чѣмъ въ Швейцаріи, на армію она издерживала относительно втрое болѣе, а на народное просвѣщеніе и на благотворительность въ пять разъ менѣе. Такихъ примѣровъ можно было бы насчитать множество; всѣ правительства, имѣвшія слабость стѣснять свободу рѣчи, отличались самой заносчивой политикой и стремились къ расширенію предѣловъ государства, къ внѣшнимъ пріобрѣтеніямъ во что бы то ни стало, не обращая вниманія на то, что изъ этого выйдетъ. Въ то время когда Австрія набирала себѣ земли, которыя приготовили ей впослѣдствіи столько горя и униженій, въ странѣ свободы рѣчи, въ Англіи, каждое новое пріобрѣтеніе подвергалось самой строгой критикѣ; тамъ очень скоро было разъяснено, что расширеніе предѣловъ можетъ часто не укрѣпить, а ослабить государство, и что увеличеніе территоріи заключаетъ въ себѣ увеличеніе силы только при извѣстныхъ, довольно сложныхъ условіяхъ. На Ганноверъ напр. она никогда не смотрѣла завистливыми глазами и никогда не поставила бы себѣ безплодную задачу Франціи расширяться на европейскомъ материкѣ. Для этого она выбирала самыя плодоносныя мѣстности въ другихъ частяхъ свѣта, гдѣ милліоны англичанъ изъ всѣхъ классовъ общества находили для себя благосостояніе. Извѣстно напр. баснословное благосостояніе, котораго вся

масса англійскихъ рабочихъ достигала въ Австраліи, въ Канадѣ и на мысѣ Доброй Надежды. Несмотря на это вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли отказаться отъ колоній, постоянно возбуждается въ Англіи. Не мудрено послѣ этого, что государства Европы даже тогда, когда они только до извѣстной степени расширяли свободу рѣчи, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда поправляли и свои финансы.

Въ государствахъ, гдѣ общество не находится подъ вліяніемъ свободнаго и самостоятельнаго движенія мысли, мы видимъ въ населеніи рядомъ съ крайней политической заносчивостью крайнее легкомысліе. Самымъ лучшимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ служитъ Турція. При извѣстной гордости, при извѣстной ненависти турокъ къ христіанамъ, при извѣстномъ ихъ религіозномъ фанатизмѣ, они, конечно, должны сильно желать сохранить свое владычество и свою самостоятельность ввиду христіанъ. Между тѣмъ, оказывается, что они для этого не способны принести ни малѣйшей жертвы. Доходъ Турціи почти равняется доходу Бельгіи; изъ этого дохода большая половина идетъ на содержаніе султана, на пенсіи, на жалованье чиновникамъ; долгъ Турціи не значительнѣе долга Бельгіи. Между тѣмъ, въ Турціи финансы совершенно разстроены и она не имѣетъ никакого кредита, а въ Бельгіи они находятся въ совершенномъ порядкѣ и страна пользуется самымъ прочнымъ кредитомъ — вотъ результатъ свободы слова. Неужели турки при такомъ положеніи дѣлъ не могли бы снабдить свое правительство всѣми средствами, нужными для самостоятельности страны? Положимъ, что Бельгія богаче, но вѣдь въ Турціи одно магометанское населеніе въ четыре съ половиною раза больше всего бельгійскаго, а всего въ Турціи жителей въ шесть съ половиною разъ болѣе; Турція въ полтора раза населеннѣе Пруссіи. Ту же самую заносчивость и ту же самую неспособность приносить жертвы мы видимъ въ XVIII-мъ столѣтіи во всѣхъ государствахъ Европы, гдѣ господствовала цензура; всѣ задирали, всѣ хотѣли военной славы и побѣдъ и никто не хотѣлъ оплачивать эти войны и побѣды

и старались свалить все на бѣднѣйшую и безмолвную часть населенія. Финансовая исторія Франціи и Австріи слишкомъ извѣстна. Испанія въ началѣ XVIII-го столѣтія накопила огромный долгъ и потомъ, не затрудняясь, отказалась его платить; затѣмъ, правительство снова выпустило огромную массу бумажекъ и такъ хозяйничало, что въ концѣ XVIII-го столѣтія его доходы, и безъ того недостаточные, уменьшились на цѣлую треть,—они составляли только 34%, необходимаго для покрытія государственныхъ потребностей. До какой степени дошелъ повсемѣстный упадокъ патріотизма, произведенный этимъ дряблымъ состояніемъ, показала французская революція. Одинъ одушевленный народъ, среди внутреннихъ смутъ, свернулъ всѣ эти государства, которыя, съ свойственной имъ заносчивостью, первыя его задрали. Французамъ для этого не нужно было Наполеона, — первое отраженіе враговъ и значительная часть завоеваній сдѣланы были безъ него другими.

Вотъ каково послѣдствіе нетерпимости, отсутствія свободной мысли и свободной рѣчи въ дѣлахъ внѣшней политики. Но это еще самое ничтожное изъ послѣдствій, — несравненно важнѣе вліяніе свободы на отношенія населенія внутри государства. Австрійскіе политики уже въ прошломъ столѣтіи постоянно ставили себѣ такую задачу: всѣми мѣрами заботиться о матеріальномъ благосостояніи страны, о развитіи земледѣлія и промышленности, о распространеніи свѣдѣній, относящихся до этихъ предметовъ, и въ тоже время стараться удерживать народъ въ политическомъ невѣжествѣ, въ которомъ они видѣли залогъ спокойствія. Они съ наивностью вѣрили, что матеріальное благосостояніе возможно безъ политическаго развитія и что политическое невѣжество заключаетъ въ себѣ залогъ спокойствія. Первое послѣдствіе политическаго невѣжества — это презрѣніе высшихъ классовъ общества по отношенію къ народу, заносчивость и непомѣрная требовательность съ его стороны. Высшіе классы ставятъ себя въ такое положеніе, что они безъ всякаго умственнаго на-

пряженія могутъ получать большіе доходы. Землевладѣльцы живутъ оброками или барщинами и довольствуются первобытными пріемами сельскаго хозяйства, купцы и промышленники получаютъ огромные проценты на свой капиталъ при самомъ рутинномъ веденіи своего дѣла и ограждаютъ себя запретительными тарифами и т. д. Чиновники живутъ взятками. Агрономъ, техникъ, при такомъ положеніи, люди совершенно лишніе,—въ ихъ знаніяхъ никто не нуждается, съ ними обращаются высокомѣрно, и ни одинъ образованный человѣкъ не рѣшается выбрать себѣ эту карьеру. Какое же при такомъ положеніи возможно развитіе земледѣлія и промышленности и распространеніе знаній, относящихся до этихъ предметовъ? Между тѣмъ, населеніе увеличивается со дня на день, жизнь при прежнихъ условіяхъ дѣлается для него все болѣе тягостною и отношенія къ высшимъ сословіямъ все болѣе натянутыми. Какое же при этомъ условіи возможно спокойствіе? Такъ и было въ Австріи. Начиная съ половины XVIII-го столѣтія императоры постоянно принимали энергическія мѣры для возвышенія благосостоянія земледѣльческаго класса и для развитія промышленности. Благодѣтельныя реформы прославляли каждое царствованіе, ученые кричали, что мѣры эти уже слишкомъ радикальны и обидны для высшихъ сословій. И послѣ всѣхъ этихъ радикальныхъ мѣръ и благодѣтельныхъ реформъ рабочее населеніе оказывается въ такомъ же бѣдственномъ состояніи, какъ было прежде. Попрежнему оно платитъ непомѣрные сборы, попрежнему смертность въ его средѣ нетолько несравненно значительнѣе, чѣмъ въ странахъ свободнаго слова, въ Швейцаріи, въ Бельгіи, въ Англіи, но она значительнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ государствахъ центральной Европы. Тамъ существуетъ то же явленіе, которое характеризовало XVIII-й вѣкъ—огромное число рожденій и огромная смертность. Попрежнему народъ задавленъ массой дворянства и духовенства, пользующихся значительными преимуществами и непомѣрными доходами. Попрежнему фабриканты и мастера въ рукахъ у чиновниковъ, а рабочіе и ре-

мещанники въ рукахъ у фабрикантовъ и мастеровъ. По-прежнему земледѣліе на помѣщичьихъ земляхъ въ жалкомъ положеніи. Возможно ли ожидать что-нибудь другое тамъ, гдѣ высшія сословія не получили никакого нравственнаго подготовленія къ политической жизни и гдѣ правительство постоянно употребляло всѣ свои средства, чтобы поддерживать въ нихъ эгоистическія и узкія воззрѣнія, увѣряя ихъ, что въ этомъ-то именно и заключается государственное благо, гдѣ оно систематически старалось дѣлать народъ легкомысленнымъ и развращеннымъ. Во всѣхъ подобныхъ государствахъ всѣ государи прославляютъ себя благодѣтельными преобразованіями, каждый султанъ—великій реформаторъ, и намъ остается только удивляться, какъ это Турція по богатству и могуществу своему до сихъ поръ не превзошла Англію и Соединенные Штаты. Не было реформъ, про которыя бы кричали болѣе, чѣмъ про реформы, произведенныя Леопольдомъ въ Тосканѣ, а все-таки тамъ все сельское населеніе осталось въ бѣдственномъ положеніи и полной зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которымъ почти исключительно принадлежала вся земля, и все-таки тамъ духовенство по числу своему равнялось духовенству англійской господствующей церкви, хотя населеніе Англіи въ десять разъ многочисленнѣе и кромѣ того богаче. Не менѣе славны своими реформами государи Испаніи и Португаліи. И въ той и въ другой странѣ мы видимъ рядъ политическихъ и соціальныхъ реформъ; въ Португаліи мы видимъ даже самоотверженнаго реформатора государя, который добровольно отказался отъ своихъ неограниченныхъ правъ и защищалъ свои преобразованія вооруженною рукою, а все-таки въ Португаліи двѣ трети земли остается безъ обработки, и худшаго соціальнаго положенія, чѣмъ въ Испаніи и Португаліи, представить себѣ невозможно.

Если сравнить положеніе всѣхъ этихъ странъ съ тѣми, въ которыхъ господствуетъ полная свобода слова, то мы легко поймемъ причину всѣхъ этихъ явленій. Мы уже видѣли, что свобода слова не способна порождать крутые

переломы и необыкновенно быстрые переходы,—къ этому способны только государства съ стѣсненнымъ словомъ, когда въ нихъ вспыхиваютъ революціи. Въ странахъ съ свободнымъ словомъ иногда даже поразительно долго держатся устарѣлыя учрежденія, такъ напр. исключительное господство крупной поземельной собственности въ Англіи. Хотя страны, гдѣ господствуетъ свобода рѣчи, вообще дѣлаютъ болѣе политическихъ и соціальныхъ успѣховъ, чѣмъ тѣ, которыя не имѣютъ этого преимущества, но это не столько характеризуетъ ихъ, какъ то обстоятельство, что у нихъ потребности всего населенія удовлетворяются гораздо лучше, что нравственный уровень всѣхъ классовъ общества гораздо выше и что они гораздо лучше понимаютъ значеніе поступковъ, создающихъ непримиримую вражду и безвыходныя положенія. Въ особенности это послѣднее обстоятельство очень важно. Первый характеристическій признакъ человѣка, воспитаннаго въ странѣ, гдѣ отсутствуетъ свобода рѣчи, состоитъ въ томъ, что онъ не понимаетъ, какъ нужно поступать, чтобы избѣгать отношенія безвыходной вражды. Попытаемся составить себѣ наглядное понятіе о томъ, какъ совершается этотъ процессъ въ странѣ съ свободной рѣчью. Представьте себѣ, что вы каждый день фланируете въ странѣ съ свободной рѣчью съ цѣлью дѣлать наблюденія. Вотъ вы натолкнулись на священника съ Библіей въ рукахъ, который на улицахъ проповѣдуетъ народу. Что же онъ проповѣдуетъ?— Онъ проповѣдуетъ, что король — это исчадіе ада, а правительство — это антихристъ, и тотъ, кто имъ будетъ повиноваться, попадетъ въ адъ. Вы, конечно, чрезвычайно удивитесь безпечности полиціи, которая не обращаетъ никакого вниманія на подобные поступки. Въ другой разъ вы встрѣчаете человѣка, произносящаго на площади рѣчь и передъ нимъ два или три слушателя, вблизи нѣсколько торговцевъ, которые явно не обращаютъ на его слова никакого вниманія. Васъ удивляетъ ихъ равнодушіе къ его краснорѣчію и вы спрашиваете, что это за человѣкъ? Вамъ объясняютъ, что это человѣкъ, который постановилъ себѣ за

правило каждый день выходить на это мѣсто и объявлять гражданамъ, что они рабы, что они несутъ позорное иго и что имъ слѣдуетъ свергнуть правительство и водворить демократію—человѣкъ этотъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ неизмѣнно выполняетъ свое правило. Однажды вы встрѣчаете толпу молодыхъ людей, которые съ энтузіазмомъ разсказываютъ вамъ, что они только-что объявили правительство свергнутымъ и демократію водворенною и что они непремѣнно добьются того, что вся нація послѣдуетъ за ними. Проходя извѣстными улицами, вы замѣчаете на всѣхъ стѣнахъ надписи самаго возмутительнаго кощунства и вамъ разсказываютъ, что этимъ уже давно занимается общество атеистовъ для того, чтобы поселить въ народѣ безвѣріе. Какъ-то вы пришли въ судъ и застали тамъ человѣка, обвиняемаго за пародію на «отче нашъ», наполненную самыми грязными выраженіями. Адвокатъ обвиненаго доказываетъ, что пародія эта есть преступленіе противъ приличій и вкуса, но не противъ уголовныхъ законовъ, и присяжные освобождаютъ его. Въ брошюрахъ и газетахъ вамъ приходится читать самые фантастическіе и мечтательные проэкты, гдѣ все общество преобразовывается съ точки зрѣнія одной страсти или одного интереса. Неоднократно уже вамъ приходилось слышать и читать, что у землевладѣльцевъ нужно отобрать ихъ земли и раздать народу безъ всякаго вознагражденія, и нѣтъ такого крайняго соціальнаго или политическаго воззрѣнія, съ которымъ бы вы не встрѣтились. Наконецъ, вы встрѣчаетесь съ сочиненіями вполнѣ серьезными и учеными, гдѣ проводятся точно также самыя крайнія и мечтательныя идеи, напр., что никому нельзя повѣрить управленіе страною, ни представителямъ, ни министрамъ, что жители сами должны сходиться въ общинахъ и управлять дѣлами; если у нихъ будутъ какіе-нибудь органы, то органы эти должны быть подъ самымъ строгимъ контролемъ. Рядомъ съ этимъ самые рѣзкіе нападки на цѣлые классы, на партіи и на отдѣльныхъ лицъ, насмѣшки, карикатуры и иногда самыя гнусныя клеветы, не жалѣющія ни самыхъ высшихъ

сановниковъ, ни короны. Когда вы заговорите объ этомъ съ англичаниномъ, онъ вамъ приведетъ слова Макинтоша: «Въ Европѣ есть только одна страна, гдѣ человѣкъ безъ страха можетъ высказывать свое сужденіе о самыхъ гордыхъ и могущественныхъ тиранахъ. Пресса Англіи еще свободна... она падетъ только на развалинахъ Британіи.» Все это вамъ покажется какимъ-то хаосомъ и вы легко повѣрите, что народъ окончательно притупился ко всякимъ преобразовательнымъ проэктамъ и рѣзкимъ обвиненіямъ. Въ Англіи образованный классъ общества читаетъ преимущественно ежедневныя газеты, а масса народа—еженедѣльныя изданія. Въ этихъ еженедѣльныхъ изданіяхъ и проводятся преимущественно радикальныя воззрѣнія. Изданія эти, которыя имѣютъ нерѣдко по 500, по 800 подписчиковъ, вовсе не достигаютъ высшихъ слоевъ общества и даже ихъ имена остаются тамъ вовсе неизвѣстными. Увѣряютъ, что еслибы благовоспитанному джентльмену пришлось прочесть когда-нибудь передовую статью въ одномъ изъ подобныхъ листковъ, то онъ крайне удивился бы совершенно новымъ для него взглядамъ, которые тутъ высказываются,—что газеты образованныхъ людей гораздо болѣе извѣстны массѣ народа, чѣмъ изданія народныя высшему обществу. Если есть нѣсколько періодическихъ изданій, которыя читаются во всѣхъ слояхъ общества, то число ихъ очень ограниченно и половина вовсе не занимается политикой. Какое же послѣ этого, повидимому, можетъ быть дѣйствіе неограниченной свободы слова? Народъ возбуждается всѣми возможными средствами, въ немъ развивается совершенно отдѣльное міровоззрѣніе и все это остается неизвѣстнымъ въ высшихъ слояхъ общества, такъ что образованный и необразованный классъ народа должны все далѣе и далѣе расходиться другъ съ другомъ. Говорятъ о господствѣ общественнаго мнѣнія, но общественнымъ мнѣніемъ считаются воззрѣнія какой-нибудь «Теймсъ» въ то время, какъ истинныя воззрѣнія народа и провинцій, размельчающіяся въ сотняхъ мелкихъ изданій, остаются совершенно неизвѣстными. Но въ такомъ

видѣ дѣло представляется только при самомъ поверхностномъ его разсмотрѣніи. Если вникнуть сколько-нибудь глубже, то окажется, что образованный человѣкъ, землевладѣлецъ, капиталистъ, чиновникъ, въ странѣ, гдѣ господствуетъ свобода рѣчи, находится въ совершенно другомъ настроеніи духа, чѣмъ тамъ, гдѣ ея не существуетъ. Въ странѣ, гдѣ свободы рѣчи нѣтъ, его вовсе не безпокоятъ чувства и думы массы; чувства эти, которыя передаются только тихомолкомъ живымъ словомъ, остаются для него неизвѣстными именно настолько, насколько рѣчь ограничена. Онъ восхищается покорностью народа, отсутствіемъ его потребностей, совершенно ничего не знаетъ о его нуждѣ или знаетъ очень мало, и если гдѣ-нибудь проявятся безпорядки, то дѣло приписывается недоразумѣнію, подстрекательству двухъ, трехъ негодяевъ и совѣтуются энергическія мѣры. Отношеніе дѣлается уже непсправимымъ, вражда непримиримою, а высшіе классы все витаютъ въ своихъ заоблачныхъ сферахъ. Когда наконецъ все, болѣзненнымъ движеніемъ, разомъ проявится наружу, когда непримиримость чувствъ между различными слоями общества ярко обозначится, тогда притѣсненіе объявляется политической необходимостью, вытекающей изъ этой же непримиримости, создается фальшивое положеніе и питаются фальшивыя чувства въ теченіе десятковъ и сотенъ лѣтъ. При свободѣ слова дѣло совсѣмъ другое. Хотя карикатуры, клеветы и насмѣшки, появляющіяся въ такомъ изобиліи, оставляются повидимому безъ всякаго вниманія въ высшихъ слояхъ общества, но это только повидимому. Даже напр. такое лицо, какъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, на котораго онѣ сыпятся въ самомъ большомъ числѣ, не въ состояніи оставлять ихъ безъ вниманія. Человѣкъ, котораго каждый фальшивый шагъ, каждый бездушный поступокъ можетъ быть выставленъ на позоръ, осмѣянъ и изображенъ въ карикатурахъ, находится въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ тотъ, который не долженъ опасаться ничего подобнаго. Поэтому въ странахъ съ свободою рѣчи,

въ Англіи, Бельгіи, Америкѣ, человѣкъ, принадлежащій къ высшимъ слоямъ общества, несравненно осторожнѣе, чѣмъ въ мѣстахъ глухой рѣчи. Конечно, можетъ быть, непріятно носить на себѣ постоянно такую узду, но образованное общество, которое сбрасываетъ ее съ себя, дѣйствуетъ въ высшей степени неосторожно. Точно также, какъ нападки дѣйствуютъ на отдѣльныхъ лицъ, они дѣйствуютъ и на цѣлые классы. Пресса и народъ очень хорошо чувствуютъ вліяніе, производимое такимъ образомъ, и это видно изъ направленія, которое принимаетъ печатное слово. Въ Англіи производилось несравненно менѣе соціальныхъ реформъ, чѣмъ на материкѣ Европы, и реформы эти были несравненно менѣе радикальны. Министерства въ теченіе длинныхъ періодовъ времени занимались почти исключительно внѣшней политикой. Между тѣмъ даже именно въ теченіе этихъ періодовъ замѣчали, что пресса материка гораздо болѣе занимается дѣлами Англіи, чѣмъ Англія дѣлами материка. Внутреннія дѣла въ англійской періодической печати занимали несравненно болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ печати материка. По отношенію къ внутреннимъ дѣламъ, соціальные вопросы обращали на себя несравненно болѣе вниманія, чѣмъ политическіе. Ни одинъ изъ журналовъ, распространенныхъ во всѣхъ слояхъ общества, не чуждался ихъ и половина занималась ими исключительно. Неужели практическая, англійская пресса стала бы постоянно трезвонить ради одного удовольствія, трезвонить, не имѣя въ виду дѣйствительнаго и существеннаго вліянія на поступки людей? Пресса привыкла обращать вниманіе на всякій сколько-нибудь выдающійся случай, англійскій журналистъ привыкъ ежедневно просматривать сотни провинціальныхъ листковъ. Рѣзкое послѣдствіе бездушія высшихъ классовъ или безпомощности низшихъ быстро разносилось по странѣ, и случай, который въ другихъ мѣстахъ остался бы незамѣченнымъ, производилъ страшный шумъ и большое движеніе въ обществѣ. Такимъ образомъ положеніе, которое могло бы породить ожесточеніе и горькія непримиримыя чувства, очень рано выясняется. Съ

другой стороны чувства и взгляды, которые находятся въ хаотическомъ состояніи, тамъ гдѣ они передаются только изустно, принимаютъ, такъ сказать, организованный видъ. Тамъ, гдѣ господствуютъ газеты и періодическія изданія, при полной свободѣ высказываться по самымъ существеннымъ интересамъ, образъ мыслей людей принимаетъ несравненно болѣе единообразныя формы. Руководящія статьи газетъ одного направленія поютъ въ одну ноту, и ихъ читатели пріучаются думать точно также. Любители самостоятельности видятъ даже въ этомъ опасность для самостоятельнаго мышленія и нравственную гибель. Вотъ почему они предпочитаютъ брошюрную литературу. Брошюра, говорятъ они, пишется тогда, когда сердце полно, а руководящая статья, когда кошелекъ тощъ, — нравственность и убѣжденіе приносятся на жертву спекуляціи. Но это единообразіе придаетъ силу народнымъ убѣжденіямъ, и повторяемое во множествѣ мелкихъ изданій оно наконецъ заставляетъ обратить на себя вниманіе несмотря на пренебреженіе къ этой мелочи. Такимъ образомъ масса народа и руководящіе ею демагоги становятся постоянно дѣйствующей силой, которая даетъ себя чувствовать, способна порождать митинги, манифестаціи, петиціи. Сила эта, повидимому, не грозная; она состоитъ преимущественно изъ мелкихъ издателей, не отличающихся ни общественнымъ значеніемъ, ни талантами, они едва существуютъ своими газетами и часто даже не могутъ существовать безъ искусственной помощи. Но самая эта слабость порождаетъ для нихъ поддержку. Образованная часть общества, изъ которой набираются подписчики самыхъ вліятельныхъ и богатыхъ газетъ, не составляетъ единой, нераздѣльной массы; кромѣ того, что они раздѣлены на враждующія между собою партіи, ихъ отношенія къ народу весьма различны. Если напр. произойдетъ скандалъ на земляхъ какого-нибудь сельскаго джентльмена, пострадаютъ сельскіе работники и народные журналы забьютъ тревогу, то капиталисты готовы будутъ присоединиться къ нимъ по духу партіи, а остальныя части образованнаго

общества станутъ на ихъ сторону по чувству справедливости, и не грозная сила вдругъ превратится въ грозную и можетъ сдѣлать своему противнику большую непріятность. Народная пресса даетъ возможность соединять народъ и заставлять его дѣйствовать заодно. Поэтому при существованіи свободы рѣчи высшіе классы никогда не способны позабыть, что народъ — грозная масса, въ которой лежитъ вся матеріальная сила, они никогда не способны дойти до легкомысленнаго презрѣнія къ народу. Напротивъ, зная по опыту, какое грозное впечатлѣніе производятъ многочисленныя сборища взволнованнаго народа, партіи нерѣдко пользуются этимъ для своихъ цѣлей,—съ помощію массъ онѣ составляютъ монстръ-митинги и подписываютъ чудовищныя петиціи. Подачки, получаемыя народными изданіями за такое содѣйствіе, служатъ многимъ изъ нихъ искусственной поддержкой. Несмотря на то, что народъ не имѣетъ избирательныхъ правъ, движеніе народныхъ массъ можетъ оказать значительную помощь и рѣшить побѣду въ пользу партіи. Часть общества, которая ожесточила бы противъ себя всю массу рабочаго народа, приготовила бы быстрое паденіе и себѣ и своей партіи. Вотъ почему и землевладѣльцы, и капиталисты и всѣ партіи высшихъ слоевъ общества чувствуютъ потребность имѣть корни въ народѣ, пріобрѣсти себѣ въ массахъ столько приверженцевъ, чтобы они могли противупоставить митингъ митингу, манифестацію манифестаціи. Извѣстно, что пріобрѣтать приверженцевъ въ массахъ народа можно однимъ способомъ, это оказывать ему помощь. Вотъ почему положеніе народа, при тѣхъ же политическихъ учрежденіяхъ, всегда лучше въ странѣ, гдѣ господствуетъ свобода слова. Вглядитесь, какъ дѣлаются дѣла въ Англіи и въ Бельгіи. Партіи капиталистовъ и землевладѣльцевъ, которые не могутъ опереться на лучшую часть рабочаго класса, потому что она ихъ считаетъ эксплуататорами, опираются на бѣднѣйшую часть, которой они помогаютъ посредствомъ сборовъ для бѣдныхъ, но, помогая бѣднымъ, они замѣняютъ для рабочаго класса

до извѣстной степени страховое общество, дѣлаютъ его положеніе менѣе отчаяннымъ, и онъ не такъ легко соглашается понижать заработную плату; такимъ образомъ они косвенно способствуютъ повышенію этой платы; и въ странахъ съ свободной рѣчью заработная плата всегда выше. Извѣстны громадныя суммы, употребляемыя въ Англіи и въ Бельгіи на вспомоществованіе бѣднымъ; въ иномъ городѣ третья часть населенія получаетъ вспомоществованіе, существуютъ огромные капиталы, назначенные для этой цѣли, и народъ опасается всякаго безпорядка, чтобы не дать случая къ растратѣ этихъ капиталовъ. Во Франціи, когда вспыхнула революція, высшіе классы не имѣли никакой поддержки, кромѣ войска, но войско не поддержка во время революцій,—оно взято изъ того же народа и легко переходитъ на его сторону. Когда это случилось, высшіе классы очутились въ полномъ произволѣ народныхъ массъ и ихъ случайныхъ предводителей. Когда французская революція отразилась на Англіи и тамъ поднялись рабочія массы, имъ были противупоставлены точно такія же массы изъ того же народа. Англійскіе имущественные классы подверглись въ этомъ случаѣ упрекамъ за то, что на ихъ сторонѣ стали подонки общества и самая бѣдная часть изъ рабочаго народа, но тѣ же самые подонки общества, которымъ въ Англіи дана была полицейская власть, чтобы удержать народъ въ порядкѣ, во Франціи рѣзали священниковъ и аристократовъ. Каково бы ни было сужденіе наше объ этомъ предметѣ, но оно служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ устойчивости соціальнаго и политическаго положенія при свободѣ рѣчи. Пріемъ, порождающій естественную устойчивость партій въ странахъ съ свободной рѣчью и безъ демократическаго управленія, во время французской революціи отчасти употреблялъ Робеспьеръ, хотя его мѣры для помощи бѣднымъ напомнили не Англію и Бельгію, а скорѣе древнюю Грецію. Но результатъ оказался тотчасъ же, — Робеспьеръ былъ единственный изъ вожаковъ революціи, который не могъ быть свергнутъ однимъ рѣшеніемъ большинства въ законодательномъ собраніи и ко-

торый могъ представить грозное сопротивленіе съ помощью массъ; онъ едва не одолѣлъ законодательнаго собранія и одолѣлъ бы его, еслибы умѣлъ хотя сколько-нибудь энергически распорядиться находившимися въ его рукахъ силами. Но Робеспьеръ не понималъ другаго условія этой устойчивости; мало имѣть приверженцевъ, нужно не имѣть ожесточенныхъ враговъ. Этого послѣдняго правила въ странахъ съ свободной рѣчью почти и понимать не нужно, оно выходитъ само собою. Землевладѣлецъ или капиталистъ, который бы позволилъ себѣ возмутительное притѣсненіе относительно рабочихъ, тотчасъ же подалъ бы поводъ къ трезвону со стороны радикальныхъ газетъ, это подхватили бы его враги для того, чтобы унизить всю его партію. Слѣдовательно для каждой партіи очень не выгодно, если кто-либо изъ отдѣльныхъ ея членовъ неумѣренно пользуется своими правами и средп партіи образуется общественное мнѣніе крайне неблагопріятное для этой неумѣренности. Вотъ почему, напр., въ Англіи крупное землевладѣніе, которое въ Италіи и Испаніи порождало крайнюю бѣдность и даже обращало страну въ пустыню, оказалось согласимымъ съ цвѣтущимъ состояніемъ земледѣлія. Тотъ же духъ умѣренности и порядочности господствовалъ и между капиталистами, а это, въ свою очередь, способствовало водворенію въ промышленности довѣрія, понижало процентъ на капиталъ, дѣлало производительность цвѣтущею и заработную плату высокою. Съ другой стороны оно способствовало политическому равновѣсію, и во время волненій у имущихъ классовъ оказывались въ массѣ народа многочисленные защитники и мало оказывалось ожесточенныхъ враговъ. Такое устойчивое равновѣсіе приводитъ къ тому, что въ странахъ съ свободной рѣчью вовсе не боятся народныхъ волненій, а способность смотрѣть на нихъ болѣе или менѣе хладнокровно даетъ возможность своевременно удовлетворять народнымъ потребностямъ. Такъ напр. тѣ потребности, которыя произвели въ 1848 году революціи по всей Европѣ, дали себя почувствовать въ Бельгіи еще въ 1847 году и произвели

сильное радикальное народное движеніе. Людовикъ-Филиппъ писалъ королю бельгійскому, что если онъ не обуздаетъ прессу и не подавитъ волненіе, то онъ погубитъ себя и свое королевство, но король бельгійскій и не думалъ слѣдовать такому совѣту,—движеніе разрослось и руководители его получили власть конституціоннымъ путемъ; оказалось, что охотникъ до подавленія прессы и народныхъ движеній, Людовикъ-Филиппъ, лишился престола, а король бельгійскій безмятежно царствовалъ въ то время, когда надъ всей Европой разражалась буря. Вотъ почему въ странахъ съ свободной прессой народъ благоденствуетъ и безъ радикальныхъ реформъ, а въ странахъ, гдѣ рѣчь не свободна, радикальныя реформы такъ часто не приводятъ къ благоденствію. Мало этого, мы видимъ, что тамъ, гдѣ высшія сословія не хотятъ заискивать приверженности народа и хотятъ держать его въ униженномъ положеніи, они вовсе не могутъ соблюдать условій свободы рѣчи; такъ мы видимъ, что въ рабовладѣльческихъ штатахъ Америки плантаторы, чтобы притѣснять своихъ рабовъ, должны были зажимать ротъ свободному слову; хорошо ли они сдѣлали и много ли они отъ этого выиграли, показываютъ кровавыя послѣдствія ихъ политики.

ГЛАВА V.

Появленіе начала нетерпимости и его распространеніе. — Индія; язычники и христіане. — Исторія христіанской нетерпимости. — Послѣдствія нетерпимости и терпимости въ Азіи. — Почему развитіе народовъ должно сопровождаться размноженіемъ сектъ. — Религіозныя гоненія вредили несравненно болѣе тѣмъ народамъ, гдѣ нетерпимость торжествовала, чѣмъ тамъ, гдѣ она должна была уступить послѣ кровавой борьбы или вовсе была побита.—Нелѣпость религіозной и національной вражды и неосуществимость ихъ стремленій.—Свобода слова, какъ радикальное средство для излеченія этихъ болѣзней — Какъ наказываются народы, ограничивающіе свободу слова во время національной вражды; Голландія, Ирландія. — Какимъ процессомъ лечитъ свобода слова отъ національной вражды; Норвегія. — Польза свободы слова даже при неизлечимости.

На нашихъ глазахъ происходитъ странное и весьма интересное явленіе. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуетъ достовѣрная исторія, мы видимъ двѣ причины вражды между народами, которыя намъ кажутся совершенно неизбѣжными — это національность и религія. Вражда эта, повидимому, выступаетъ тѣмъ рельефнѣе, чѣмъ долѣе живетъ человѣчество. Съ сильнымъ національнымъ чувствомъ мы встрѣчаемся уже въ древности. Чувство это, какъ извѣстно, очень живо проявлялось у грековъ, китайцы считали всѣ другія національности варварами. Но даже грекамъ національное чувство не мѣшало нетолько ослаблять себя взаимными ссорами, но съ полнымъ отсутствіемъ патріотизма обращаться къ сосѣднимъ націямъ за помощью другъ противъ друга и навлекать на свою родину всѣ бѣдствія внѣшняго нашествія и иностраннаго завоеванія. Въ древней исторіи мы видимъ, что люди всего болѣе заботились о своемъ господствѣ и о своихъ привилегіяхъ, и если господство и привилегіи расширялись, то они

очень мало обращали вниманія на національности и религіи. Нетерпимость была принадлежностью только теократическаго направленія по очень понятнымъ политическимъ причинамъ. Въ это время понимали, что самостоятельная религія, точно также, какъ самостоятельная національная жизнь, создаютъ власть духовную и соціально-политическую; для того, чтобы облегчить себѣ завоеваніе, нужно сдѣлать уступки этой власти и самое лучшее принять ее въ свой составъ на извѣстныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, явилась особеннаго рода религіозная терпимость, которая состояла въ стремленіи изъ всѣхъ религій сдѣлать одну общую смѣсь и всѣ національности сбить въ одну общую массу. Были, впрочемъ, уже въ древности религіи и національности, которыя не соглашались на компромиссы, напр. евреи, индусы. Евреи не пропагандировали своей религіи и въ крайнихъ случаяхъ дѣлали уступки, хотя въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Индійцы самыми безжалостными мѣрами истребляли въ своей средѣ буддизмъ и дѣйствительно помѣшали его распространенію и загнали его за Гималай. Но вотъ среди язычества явилась религія, которая нетолько не соглашалась ни на какіе компромиссы, но всѣми силами старалась распространить себя и истребить другія. Такая религія заключала въ себѣ нетолько своеобразное религіозное воззрѣніе, съ чѣмъ можно было помириться, но политическую опасность. Поэтому на нее воздвигнуто было самое безжалостное гоненіе и даже источникъ, изъ котораго она произошла, евреи, были разсѣяны по лицу земли. Несмотря на это, христіанская религія распространялась, и причина ея распространенія очень понятна. Въ то время, когда язычникъ жилъ вполнѣ эгоистическою жизнію и не былъ способенъ приносить для своей религіи никакихъ жертвъ, христіанинъ, напротивъ, воспитывался въ такихъ правилахъ, что онъ способенъ былъ для своей вѣры жертвовать и всѣмъ своимъ имуществомъ и своей жизнію. Богатый язычникъ думалъ только о томъ, какъ бы возвыситься надъ своими ближними и высасывать изъ нихъ соки, богатый

христіанинъ считалъ для себя счастьемъ все свое имущество приносить въ жертву Богу. Съ помощью такихъ жертвъ духовенство помогало бѣднымъ, лечило больныхъ, освобождало рабовъ. Оно взывало къ народамъ: «придите сюда всѣ страждущіе и угнетенные, мы дадимъ вамъ утѣшеніе» — и страждущіе и угнетенные стекались толпами. Намъ трудно теперь себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе на умы производило это новое въ тѣ времена явленіе. Впечатлѣніе было одинаково велико и въ отношеніи самыхъ просвѣщенныхъ и цивилизованныхъ и въ отношеніи самыхъ невѣжественныхъ и грубыхъ. Христіанство распространялось съ изумительной быстротой, если принять въ соображеніе гоненія. Но лишь только оно сдѣлало первые успѣхи, какъ тотчасъ стало оказываться, что вмѣстѣ съ распространеніемъ уменьшался въ религіи доблестный духъ и христіане, по нравственному своему настроенію, все болѣе и болѣе приближались къ язычникамъ. Христіанство распространялось благодаря тому, что христіане первые стали жить не эгоистическою, но міровою жизнью. Оказалось, что жить не эгоистическою, а міровою жизнью—это одна изъ самыхъ глубокихъ потребностей человѣческаго духа. Какъ скоро послѣ первыхъ своихъ успѣховъ, еще далеко до своего распространенія, христіанство начало утрачивать первоначальный свой характеръ, тотчасъ же въ немъ стали появляться расколы. Каждое новое вѣроученіе было заражено тѣмъ же самымъ духомъ нетерпимости и тѣмъ же самымъ духомъ пропаганды—оно для себя одного отмежевывало весь земной шаръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно дѣйствовало тѣми же средствами — жизнь самоотверженная, способность жертвовать всѣмъ для религіи, помощь бѣднымъ и угнетеннымъ. Можно было бы ожидать, что изъ этого произойдетъ соревнованіе въ добрыхъ дѣлахъ, постоянно будутъ появляться новыя секты, которыя будутъ превосходить нравственностью предъидущія, склонять этимъ на свою сторону и все болѣе и болѣе способствовать усовершенствованію человѣчества. Но законы человѣческой природы не таковы, ей не дано возможности такъ

легко развиваться. Христіанское духовенство скоро научилось пользоваться всѣми средствами для утвержденія и распространенія своего господства. Оригинальное зрѣлище представляли въ это время римскіе города. Въ одномъ и томъ же городѣ жили священники нѣсколькихъ христіанскихъ сектъ и языческіе жрецы, всѣ дѣлали чудеса, уличали другъ друга въ обманѣ и привлекали на свою сторону всѣми средствами. Тутъ-то христіанское духовенство научилось узнавать всю силу, которую способна придавать тѣсная связь и строгая подчиненность, оно узнало, что фанатизмъ можетъ пережить время добродѣтели и самоотверженія и питаться одними дурными страстями. Когда они сдѣлались достаточно сильны, они преслѣдовали язычество съ той же самой безпощадностью, съ которой язычество преслѣдовало ихъ, они замучивали язычниковъ пытками и тюрьмами, истребляли ихъ библіотеки, уничтожали училища и разгоняли ученыхъ. Съ помощью фанатизированныхъ массъ они поднимали рѣзню, смѣло пускались къ варварамъ, указывали имъ на богатую добычу, обращали въ свою секту и накидывались съ ними на центры богатства въ Римской имперіи. Случалось притомъ, что мѣстная секта убѣждала варваровъ побѣдителей въ выгодахъ союза съ нею для полнаго господства надъ мѣстнымъ населеніемъ и варвары легко оставляли прежнее христіанское вѣроученіе для того, чтобы принять новое. Трудно сказать, кто болѣе способствовалъ уничтоженію греко-римской цивилизаціи: варвары или христіанское духовенство. Благодаря всеобщему невѣжеству духовенство въ средніе вѣка сдѣлало большіе успѣхи въ искусствѣ фанатизировать массы, развивать въ нихъ предразсудки и страхъ за будущую жизнь. Это дотого способствовало его обогащенію, что при Меровингахъ оно владѣло большею частью французской земли, а въ Испаніи водворилось настоящее теократическое господство и король долженъ былъ кланяться духовенству въ ноги. Богатства эти возбуждали зависть военнаго сословія, которое старалось воспользоваться ими и успѣвало въ этомъ. Духовенство было разъединенно и слабо и ему очень труд-

но было защищаться. Оно состояло изъ элементовъ крайне противуположныхъ. Съ одной стороны мы въ VI вѣкѣ видимъ двухъ епископовъ, которые были предводителями разбойниковъ, были удалены за это отъ своихъ мѣстъ, но возстановлены папою, съ другой — благочестивую и безупречную жизнь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Это было причиною и внѣшняго разъединенія. Кромѣ большихъ и могущественныхъ сектъ, въ составъ которыхъ входили многіе народы, епископы и митрополиты изъ честолюбія вводили въ своихъ округахъ отличительные догматы и обряды, старались такимъ образомъ создать отдѣльную церковь и фанатизируя своихъ духовныхъ дѣтей возстановлять ихъ противъ всего остальнаго христіанства. Религіи грозило распаденіе на микроскопическія единицы. Злу этому старались противодѣйствовать соборы, и если они не могли помѣшать церкви распасться на двѣ большія половины, то, внушая духовенству и христіанамъ необходимость единства, они старались помѣшать дальнѣйшему дробленію. Въ то же время высшее духовенство, въ особенности римскій первосвященникъ, старались возбуждать свѣтскихъ владѣльцевъ съ мечомъ въ рукахъ истреблять секты и распространять толкъ, къ которому они принадлежали. Аріяне, Бургунды, Визиготы, Ломбарды относились къ папѣ съ жгучею ненавистью и стремились къ его пониженію. Противъ нихъ папы обращались къ защитѣ Франковъ; Пепинъ, Карлъ Великій были великими апостолами католичества съ мечомъ въ рукахъ, истребляли его враговъ и обращали сектаторовъ и язычниковъ. Удачно усилившись такими путями, католичество шло по нимъ все далѣе. Оно ставило духовенство въ положеніе независимое отъ свѣтской власти, давало ему крѣпкую, централизованную организацію, захватывало въ свои руки народное образованіе, фанатизировало все болѣе массы и направляло ихъ на истребленіе еретиковъ и невѣрныхъ. Всѣмъ извѣстно, какое могущественное и блестящее положеніе составилъ себѣ такимъ образомъ папа.

Въ то время, когда христіанство переживало такія

судьбы, въ западной Азіи явился новый великій учитель, Магометъ. Пророкъ и его послѣдователи очень хорошо знали, какую силу и какое распространеніе дали христіанству фанатизмъ и нетерпимость. Ихъ плѣняло не то христіанство, которое проповѣдывалъ Христосъ босой и сопровождаемый бѣдными двѣнадцатью учениками, которымъ онъ мылъ ноги въ знакъ того, чтобы они не возвышались надъ толпою, а христіанство гордое, облитое золотомъ и царившее на высокомъ престолѣ, сложенномъ изъ окровавленныхъ труповъ своихъ враговъ. Великій пророкъ и его послѣдователи не шли по стопамъ Христа и Будды, не являлись бѣдными, смиренными проповѣдниками добродѣтели, а, фанатизируя народъ, съ мечомъ въ рукахъ разнесли свое ученіе до береговъ Атлантическаго и острововъ Тихаго океана. Но и это ученіе, также, какъ и христіанское, тотчасъ же раздѣлилось на множество сектъ, среди которыхъ выросли двѣ большія группы. Между суннитами мы видимъ тѣ же пріемы, какъ и между католиками: строгую духовную іерархію, которая захватывала въ свои руки народное воспитаніе съ тѣмъ, чтобы всегда и исключительно составлять въ его средѣ интеллигенцію и фанатизируя массы истреблять все для него неблагопріятное. Такимъ образомъ по лицу земли разливался духъ фанатизма и нетерпимости, всюду разносилъ онъ кровь и слезы, всюду водворялъ пустыню и безлюдье; въ Индіи уменьшалось населеніе, въ прочей Азіи зарастали сооруженія для искуственнаго орошенія, погружались въ землю опустѣвшіе города, Египетъ, эта житница Средиземнаго моря, ничего не производилъ. Въ Европѣ было не лучше, всюду можно было видѣть только кровь, междоусобія и развалины. Если на всемъ огромномъ пространствѣ этого фанатическаго міра гдѣ-нибудь бывало лучше, то только на самый короткій періодъ, на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ это самое время, на крайнемъ востокѣ Азіи, мы видимъ самое странное явленіе, которое когда-либо представлялось исторіею. Мы видимъ духовенство, въ рукахъ котораго сосредоточивалась и вся свѣтская власть и которое

отличалось крайней вѣротерпимостью и совершеннымъ отсутствіемъ фанатизма. Въ Китаѣ императоръ—сынъ неба, верховный жрецъ господствующей религіи, по толку Конфуція, чиновники—ея служители. Это духовенство нетолько допустило, что громадное большинстоо народа исповѣдуетъ другую религію—буддизмъ, а теперь и христіанство, имѣетъ для этого храмы и отдѣльное духовенство, но не показывало этому духовенству даже и тѣни ревности. Все, чего оно требуетъ, это—преподаваніе господствующей религіи въ школахъ и знаніе на экзаменахъ. Результатъ такого различнаго образа дѣйствія — на западѣ Азіи безлюдье, а въ Китаѣ — самое густое населеніе въ свѣтѣ.

Чѣмъ болѣе возрастало вліяніе духовенства, тѣмъ болѣе исчезали христіанскія добродѣтели и развивался дикій фанатизмъ и духъ нетерпимости. Духовенство проповѣдывало, что невѣрные и еретики это не люди, что они не могутъ имѣть ни собственности, ни человѣческихъ правъ, мало этого, что они должны быть всѣ поголовно истреблены. Тамъ, гдѣ католики были сильны и не могли встрѣтить сопротивленія, такая проповѣдь обращалась въ ужасную дѣйствительность. Секты были почти истреблены, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и религія и нравственность, отъ религіи остался одинъ голый формализмъ, суевѣріе и фанатизмъ. Духовенство очень хорошо понимало, что только тогда, когда человѣчество будетъ удержано на самомъ низкомъ уровнѣ варварства, будетъ возможно сохранять въ немъ подобныя чувства. Оно должно было нетолько съ безпримѣрной энергіей убивать всякое сколько-нибудь сильное, а слѣдовательно и самостоятельное проявленіе мысли и чувства, но оно должно было служить Богу на невѣдомомъ народу языкѣ и, объявивъ евангеліе книгой нецензурной, показать, какія цѣли у цензуры. Такимъ образомъ духовенство вздумало поступать на территоріи, гдѣ столпились самыя способныя племена, когда-либо населявшія земной шаръ. Античная цивилизація уже доказала способности южно-европейскаго населенія, точно также отличалось ими и сѣверное. Скандинавы еще въ дикомъ

состояніи дотого усовершенствовали свое оружіе, что оно давало имъ возможность въ маломъ числѣ бить многочисленныхъ враговъ. Они умѣли строить такія суда и образовывать изъ себя такихъ мореходовъ, что превзошли все, что существовало до нихъ въ этомъ родѣ на земномъ шарѣ. Чтобы судить о способностяхъ и изобрѣтательности тогдашняго европейскаго населенія, стоитъ сравнить средневѣковаго рыцаря разныхъ эпохъ въ полномъ вооруженіи съ вооруженіемъ современныхъ ему воиновъ въ разныхъ другихъ частяхъ земли. Заглушить развитіе ума въ такомъ народѣ было невозможно, и также невозможно заглушить развитіе чувства. Средства, которыя предоставлены намъ природою для того, чтобы составлять себѣ понятіе объ окружающемъ насъ мірѣ, такъ ограничены, что мы никакимъ раціональнымъ путемъ не можемъ объяснить нашу солидарность съ міромъ или отсутствіе этой солидарности. Что такое міръ? Можетъ быть земля и всѣ звѣзды, которыя мы видимъ — это только атомы какого-нибудь огромнаго тѣла, которое въ свою очередь относительно другихъ тѣлъ столь же безконечно мало, какъ человѣкъ относительно видимаго для него міра? Имѣетъ ли это тѣло душу и какое вліяніе имѣетъ эта душа на насъ? Но можетъ быть все это не такъ, все это совершенно иначе? Религія, отличающаяся самымъ глубокимъ раціонализмомъ, китайская, вынуждена сказать, что она о Богѣ ничего не знаетъ. Ни одинъ человѣкъ не дастъ мнѣ раціональнаго отвѣта на вопросъ, почему я долженъ міровые интересы предпочитать своимъ собственнымъ. Все, что можетъ отвѣтить на это наука, это то, что при узкомъ эгоизмѣ личностей народы дичаютъ и погибаютъ. Но вѣдь погибаютъ другіе, а не я; можетъ быть для міровой жизни мое существованіе такъ важно, что гибель всѣхъ другихъ ради умащенія моей утробы есть міровое благо? Кто знаетъ, какую роль я играю въ міровой экономіи: если мнѣ даны такія силы, что я могу губить и дѣлать несчастными другихъ ради собственнаго благополучія, то я изъ этого заключаю, что я долженъ такъ поступать и что

если отъ этого гибнетъ земное населеніе, то происходитъ благо для не земнаго міра, въ которомъ земной міръ не составляетъ даже одного атома. Я долженъ или признать безцѣльность созданнаго и существующаго или разсуждать такъ, какъ я разсуждаю, а такъ какъ я безцѣльности созданія не признаю, то и считаю свое разсужденіе вѣрнымъ. Нѣтъ раціональной аргументаціи, которая способна была бы опровергнуть такое разсужденіе; оно не опровергается, но противъ него возмущаются наши чувства. Солидарность между нами и міромъ, способность жертвовать своими интересами для интересовъ міра и людей — это есть чувство. Когда это чувство развито, то поступки, расположеніе на землѣ счастье, доставляютъ человѣку несравненно болѣе благополучія, чѣмъ удовлетвореніе какимъ-нибудь мелкимъ личнымъ интересамъ; онъ способенъ не задумываясь пожертвовать своей жизнью, если онъ будетъ убѣжденъ, что отъ этого на землѣ расплодится болѣе счастья, чѣмъ онъ можетъ испытать въ теченіе своей жизни. Такое развитіе чувства порождаетъ на землѣ самое счастливое и самое способное къ развитію населеніе, потому что тогда интересы всѣхъ людей дѣлаются солидарными и они думаютъ только о томъ, какъ бы доставить другъ другу болѣе благополучія, между тѣмъ какъ, при неразвитомъ чувствѣ, интересы эти противуположны, и они дѣлаютъ другъ друга настолько несчастными, насколько только могутъ. Никакое развитіе невозможно прежде развитія этого чувства, и вотъ почему первое стремленіе къ цивилизаціи всегда начинается съ его развитія. Оно развивается отъ восторженныхъ настроеній и питается имп и гибнетъ отъ мертвящаго формализма. Вотъ почему лишь только средневѣковая Европа почувствовала потребность развитія, въ ней проснулось желаніе замѣнить прежнихъ своихъ учителей-формалистовъ людьми, способными возбуждать восторженныя настроенія и наклонность къ самоотверженію. Всюду проявились секты съ безчисленными поклонниками; глубоко укоренившійся духъ нетерпимости вооружился на нихъ всѣми средствами—школьнымъ уче-

ніемъ, цензурой, огнемъ и мечомъ. Послѣдствія извѣстны: въ теченіе двухъ столѣтій онъ опустошалъ Европу и обращалъ ее къ варварству. Притомъ оказалось то, что потомъ повторялось по отношенію къ другимъ народнымъ движеніямъ. Всего болѣе пострадали не тѣ страны, гдѣ духъ нетерпимости боролся совершенно безуспѣшно, и не тѣ, гдѣ послѣ кровавой борьбы онъ долженъ былъ болѣе или менѣе уступить, а тѣ, гдѣ онъ царилъ спокойно и безраздѣльно, гордый своимъ могуществомъ. Такъ, отъ движенія 1848 года всего болѣе пострадали не тѣ страны, гдѣ были возстанія и революціи, а тѣ, гдѣ стѣсненіе народной мысли и народныхъ стремленій было вполнѣ успѣшно и страны оставались спокойными. Германія въ теченіе XVI и XVII вв. покрывалась грудами кровавыхъ развалинъ; она одичала и запустѣла, и несмотря на эту ужасную борьбу только половина ея населенія осталась въ католичествѣ. Какими средствами достигнутъ былъ этотъ результатъ, видно напр. изъ того, что въ XVII вѣкѣ изъ маленькой Богеміи однимъ указомъ выгнано было 30.000 семействъ. Между тѣмъ оказывается, что въ окончательномъ результатѣ кромѣ Англіи отъ религіозныхъ гоненій всего менѣе пострадала Германія. Самыя ужасныя послѣдствія сосредоточились на Испаніи, гдѣ нетерпимость царила безраздѣльно и гдѣ еретики не могли представлять даже такого сопротивленія, какъ во Франціи. Въ XV вѣкѣ Пиренейскій полуостровъ былъ гораздо богаче и населеннѣе Франціи; въ теченіе XVI и XVII вв. его населеніе уменьшилось на двѣ трети и страна пришла въ такое ужасное положеніе, что въ теченіе XVIII и XIX вв. не могла даже достигнуть той густоты населенія, которою она пользовалась прежде; теперь ея населеніе составляетъ всего три четверти прежняго и оно въ два съ половиною раза менѣе густо, чѣмъ во Франціи. Въ американскихъ владѣніяхъ своихъ испанцы истребили пятнадцать милліоновъ индѣйцевъ. Въ свою очередь Франція до реформаціи была гуще населена, чѣмъ Англія. ея промышленность была гораздо болѣе развита и работники ея были гораздо искуснѣе. Послѣ двухъ вѣковъ религіоз-

ной борьбы первенство на промышленномъ рынкѣ перешло на сторону Англіи всего болѣе потому, что искусныя руки изъ Франціи переселились къ ея болѣе вѣротерпимой соперницѣ. Какъ ни безчеловѣчна была дѣятельность духовенства въ этомъ случаѣ, но она объясняется эгоистическими мотивами. А спрашивается, какая цѣль была у народа, который способствовалъ ему, который съ звѣрскою радостью накидывался на его жертвы и поощрялъ его къ жестокости? Какую пользу извлекъ французъ-католикъ изъ притѣсненій, отъ которыхъ онъ и его потомство пострадали болѣе, чѣмъ даже притѣсненные, отъ которыхъ его родина сдѣлалась бѣднѣе и утратила свое промышленное превосходство? Самоотверженіе, съ которымъ въ это время люди и народы бичевали себя, изумительно. Мы увидимъ ниже, какъ Польша ради нетерпимости упустила случай сдѣлаться самой могущественной державой Европы, а въ Англіи король въ угоду папѣ повелъ себя такъ, что лишился престола. Но все это крайнее извращеніе чувствъ и здраваго смысла все-таки не измѣнило неизбѣжнаго пути, по которому идетъ человѣческое развитіе. Въ массѣ народа тамъ, гдѣ всего болѣе чувствуется потребности прогресса, всего болѣе появляется и религіозныхъ сектъ. Въ Америкѣ ихъ болѣе, чѣмъ въ Англіи, въ Англіи болѣе, чѣмъ на материкѣ Европы.

Глядя на то, что дѣлается кругомъ насъ, можно подумать, что духу нетерпимости суждено до конца быть бичемъ современной цивилизаціи. Лишь только кровавый призракъ религіозной нетерпимости началъ блѣднѣть и его громадные размѣры начали уменьшаться, съ другаго конца Европы сталъ подниматься призракъ не менѣе страшный и сталъ поить землю человѣческой кровью. Этотъ призракъ—вопросъ о національностяхъ. Я спрашиваю, какую выгоду имѣетъ нѣмецъ, который пашетъ землю около Зальцбурга, оттого, что онъ будетъ питать вражду къ чеху, сапожнику въ Прагѣ, и обратно? Если отъ этого произойдетъ война, то ихъ разорятъ податями, а если они не поддадутся слабости вражды и будетъ миръ, то

съ нихъ податей этихъ не потребуютъ, промышленность разовьется и они оба выиграютъ. Понятно, что между католическимъ ксендзомъ и лютеранскимъ пасторомъ вопросъ о религіи—это вопросъ о хлѣбѣ, вопросъ о томъ, кому будутъ платить жители извѣстнаго прихода — тому или другому? Точно также вопросъ о національностяхъ между чехомъ и нѣмцемъ-чиновникомъ, а можетъ быть и землевладѣльцемъ — это вопросъ о томъ, кому достанется извѣстная должность, кому удастся дешево купить извѣстное имѣнье? По народамъ-то что́ до этого за дѣло? А вѣдь между тѣмъ чиновники и священники не могутъ поднять знамя вражды, если народы за ними не послѣдуютъ. Какъ же не стыдно послѣ этого народамъ позволять себя до такой степени водить за носъ и замѣшивать себя въ кровавое дѣло, отъ котораго они могутъ только проиграть? Вражда эта, высасывая въ теченіе вѣковъ всѣ матеріальныя средства народа, одинаково деморализируетъ и побѣдителей и побѣжденныхъ, развиваетъ въ нихъ страсть къ насилію и придаетъ самымъ грубымъ и дикимъ наклонностямъ видъ благороднаго патріотизма. Дѣло можетъ доходить дотого, что цѣлыя государства превращаются въ притоны разбойниковъ, разбойники обращаются въ народныхъ героевъ и при случаѣ могутъ занимать высшія мѣста въ государствахъ; Турція слишкомъ извѣстна, какъ примѣръ такого печальнаго положенія. Національная и религіозная вражда можетъ мѣшать государству принять необходимые для его безопасности предѣлы, и если предѣлы эти сохраняются подъ давленіемъ внѣшней силы, то изъ этого выходитъ слабость, которая часто хуже ограниченныхъ предѣловъ. Мѣстности съ смѣшаннымъ населеніемъ дѣлаются жертвою безконечныхъ раздоровъ и безконечнаго взаимнаго притѣсненія, а если мы бросимъ взглядъ на карту цивилизованнаго міра, то мы убѣдимся, что мѣстностей съ вполнѣ однороднымъ населеніемъ въ національномъ и религіозномъ отношеніи вовсе нѣтъ, а мѣстности, гдѣ люди другой національности и вѣры живутъ только въ ничтожномъ числѣ, составляютъ

значительное меньшинство. Къ мѣстностямъ однороднаго населенія можно отнести: Италію, почти всю Швецію, Норвегію, значительныя части Испаніи, Португаліи, Франціи и Даніи и нѣкоторыя губерніи Россіи. Изъ всего пространства Европы въ 178,000 квадратныхъ миль только 54,000 кв. м., т. е. менѣе трети, покрыты сплошными массами однороднаго въ религіозномъ и національномъ отношеніи населенія. Только Италія, Испанія, Франція и Россія могли бы составить изъ мѣстностей однороднаго населенія государства достаточныя для своей собственной защиты. Изъ трехъ сотъ милліоновъ европейскаго населенія только девяносто могли бы жить въ такихъ государствахъ; слѣдовательно значительно болѣе двухъ третей европейскаго населенія были бы вѣчною жертвою или внѣшней слабости или внутреннихъ междоусобій и взаимныхъ преслѣдованій. Можно ли воспитывать въ себѣ чувства болѣе противуположныя своему собственному счастью и общественному благу? Не есть ли это тяжкая болѣзнь, высасывающая всѣ здоровые соки изъ современной цивилизаціи и могущественно задерживающая прогрессъ человѣчества?

Какъ, воскликнетъ кто-нибудь, вы такъ легко обращаетесь съ національнымъ и религіознымъ вопросомъ, вы выставляете народы слѣпыми орудіями какихъ-нибудь священниковъ или чиновниковъ! По-вашему это узкость ума и чувства, при которой, ради эгоизма нѣсколькихъ тысячъ, милліоны поднимаютъ на себя самоубійственно руки; для того, чтобы какого-нибудь чиновника избавить отъ необходимости выучиться какому-нибудь языку, сотни тысячъ людей перерѣзываютъ другъ другу горло! Неужели естественна связь народа цивилизованнаго и способнаго жить при весьма совершенныхъ политическихъ формахъ съ варварскимъ и полудикимъ, который будетъ стремиться притянуть его къ своему уровню? — Я вполнѣ согласенъ, что связь между мѣстностью, способной къ высокой политической формѣ, и такой, гдѣ можетъ царить только азіатскій деспотизмъ, связь неестественная, но развѣ это во-

просъ національностей? Такое явленіе такъ же часто можетъ встрѣтиться среди одной и той же національности, какъ и среди различныхъ. Бельгія и Франція говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, но для бельгійцевъ и для Европы было бы несчастье, еслибы онѣ составили одно государство, и нѣтъ никакого несчастья отъ связи Франціи съ нѣмцами Эльзаса и Лотарингіи, хотя это другая національность. У различныхъ національностей, точно также, какъ среди одной и той же, можетъ быть для раздѣла множество весьма основательныхъ политическихъ и соціальныхъ причинъ. Такъ отдѣлились Соединенные Штаты и испанскія колоніи. Но это будетъ вопросъ политическій и соціальный, а не вопросъ національностей—религіозная и національная вражда тутъ не причемъ. Мы уже видѣли, что политическія идеи и чувства распространяются по сосѣдству, и рѣзкое различіе тутъ такъ же рѣдко можетъ встрѣтиться среди одной, какъ и у сосѣднихъ національностей. И въ томъ и въ другомъ случаѣ это можетъ встрѣтиться только при исключительныхъ обстоятельствахъ, между которыми первое — продолжительное, вполнѣ отдѣльное существованіе.

Чѣмъ ближе мы будемъ разсматривать этотъ предметъ, тѣмъ болѣе мы убѣдимся, что національная и религіозная ненависть — это извращеніе чувствъ и верхъ нелѣпости, что это плодъ грубаго эгоизма немногихъ, которые пользуются слабостями народовъ. Если тутъ виноваты народы, а не ихъ подстрекатели, отчего же въ демократіяхъ религіозная и національная вражда исчезаетъ, отчего въ Швейцаріи мы не видимъ національной вражды, а видимъ религіозную, которая поддерживается крѣпко соединеннымъ и единодушно дѣйствующимъ іерархическимъ духовенствомъ?

Есть одно средство для излеченія отъ этой болѣзни — это свобода рѣчи. Вездѣ, гдѣ водворяется свобода рѣчи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность показать народамъ ихъ интересы въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, религіозная и національная вражда блекнетъ и исчезаетъ. Исторія Англіи и

Америки показываетъ намъ, какъ, постепенно расширяясь, свобода рѣчи уничтожала все болѣе и болѣе религіозные и національные предразсудки и водворяла широкую національную и религіозную терпимость. Духовенство мутило и мѣшало великому дѣлу настолько, насколько это отъ него зависѣло. Что же вышло изъ этого? Оно возбудило противъ себя всѣ партіи. Американецъ, несмотря на глубокую свою религіозность, постоянно смотритъ на духовенство недовѣрчивыми глазами. Въ Америкѣ не допускаютъ священниковъ до преподаванія въ школахъ, имъ не дозволяютъ даже учить религіи въ школахъ воскресныхъ; полагается предѣлъ церковному имуществу для того, чтобы духовенство не могло сдѣлаться слишкомъ могущественнымъ, и іерархическая связь путемъ закона дѣлается недѣйствительною. Плантаторы возбудили вражду и подозрѣніе къ неграмъ, увѣривъ бѣлыхъ, что еслибы черными даны были гражданскія права, то всякій узурпаторъ имѣлъ бы три съ половиною милліона рукъ, готовыхъ къ порабощенію американской свободы. Несмотря на это, американцы проливали свою кровь за свободу негровъ, и плантаторы скоро пожнутъ тѣ же плоды, которые пожало духовенство. Въ Бельгіи духовенство употребляло всѣ усилія для отдѣленія королевства. Оно надѣялось, что создавъ самостоятельное королевство, почти исключительно католическое, оно успѣетъ тамъ водворить духъ нетерпимости, но жестоко ошиблось. Оно не могло уничтожить свободу слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозную терпимость; всѣ его интриги привели только къ тому, что демократизація страны пріостановилась, потому что вліяніе духовенства на народныя массы, которымъ вручена была бы власть, повредило бы свободѣ. Въ Швейцаріи мы видимъ три національности, которыя почти сплошными массами покрываютъ совершенно отдѣльныя территоріи, однакоже, ни одна изъ нихъ и не думаетъ объ отдѣленіи и о присоединеніи къ Италіи, Франціи или Германіи. Единственное послѣдствіе этого состоитъ въ томъ, что конституціи швейцарскія написаны на нѣмецкомъ, французскомъ

и итальянскомъ языкахъ. Въ Бельгіи различныя національности также сплошными массами покрываютъ отдѣльныя части территоріи. Вся сѣверная половина Бельгіи населена фламандцами, которые говорятъ голландскимъ нарѣчіемъ, а юго-восточный уголъ—валлонами; однакоже, они и не думаютъ о раздѣлѣ. Отъ этого выходятъ послѣдствія только вродѣ того, что въ бельгійскомъ парламентѣ можно говорить рѣчи на какомъ угодно языкѣ, лишь бы нашлись слушатели. Фламандцы политическія причины до такой степени предпочитали національнымъ, что во время бельгійскаго возстанія они вмѣстѣ съ другими отдѣлились отъ Голландіи. Если бы въ странахъ съ свободной рѣчью религіозная и національная вражда играла такую же роль, какъ и тамъ, гдѣ рѣчь не свободна, то Англія была бы такая же слабая и разъединенная держава, какъ Турція и Австрія. На самомъ островѣ Англіи Шотландія отличается и національностью и религіею до такой степени, что къ господствующему въ Англіи вѣроисповѣданію тамъ принадлежитъ только 100,000 человѣкъ; валлійцъ также отличается національностью; въ Америкѣ, въ Нижней Канадѣ, господствуетъ французское и ирландское населеніе; во всѣхъ англійскихъ владѣніяхъ англичане составляютъ только десятую часть населенія.

Только одно свободное слово способно доводить до терпимости и внутренняго мира государства съ населеніемъ, принадлежащимъ къ различнымъ національностямъ и къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Степень нетерпимости, натянутыхъ отношеній внутри государства и неизбѣжнаго послѣдствія всего этого — внѣшней слабости, прямо соотвѣтствуетъ стѣсненію свободы рѣчи. Въ Испаніи и Португаліи мы видимъ такое же отсутствіе терпимости, какъ и свободы, и если Испанія и даже Франція менѣе страдаютъ отъ вліянія клерикальной партіи, то только потому, что ихъ населеніе почти сплошь принадлежитъ къ одной религіи и къ одной національности. Въ Германіи свобода совѣсти дается въ такихъ же условныхъ размѣрахъ и опредѣленныхъ дозахъ, какъ и свобода слова, и страна эта постоянно гото-

вить себѣ этимъ новые безпорядки и страданія. Исторія показываетъ намъ, что государства, которыя имѣли слабость даже только временно или отчасти устранить свободу слова, готовили себѣ этимъ безвыходныя затрудненія со стороны національностей и вѣроисповѣданій. Когда Голландія соединена была съ Бельгіею, тогда голландцы вздумали первенствовать и господствовать въ странѣ. Бельгійцы сочли это для себя обиднымъ и отстаивали себя посредствомъ прессы. Не столько властолюбивая, сколько упрямая, голландская администрація скоро увидала, что бельгійцы своей энергической защитой производятъ такое сильное вліяніе на общественное мнѣніе, что она никакъ не будетъ въ состояніи удержаться на выбранномъ ею пути: она стала добиваться ограниченія прессы; и нація имѣла слабость уступить. Послѣдствія были самыя печальныя; обыкновенная борьба партій выродилась въ непримиримую народную вражду, вспыхнуло возстаніе и Бельгія отдѣлилась. Мудрая голландская политика создала бельгійскую національную вражду къ себѣ съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ австрійская создала венгерскую, и теперь она пожинаетъ плоды. Еслибы она не дозволила себѣ этой слабости, она бы теперь имѣла двадцать шесть съ половиною милліоновъ жителей, т. е. болѣе, чѣмъ Пруссія и Италія, въ томъ числѣ въ Европѣ болѣе восьми милліоновъ самаго промышленнаго и богатаго населенія; она была бы держава вполнѣ самостоятельная, способная отстоять себя противъ всякихъ покушеній на нее, и дипломатія не могла бы распоряжаться ею сообразно своимъ видамъ. Теперь же она нетолько потеряла въ Европѣ большую половину своего населенія, но создала себѣ на границахъ врага, ненавидящаго ее отъ всей души.

Другой не менѣе замѣчательный примѣръ представляетъ отношеніе Англіи къ Ирландіи. Въ то время, какъ въ Англіи, точно также, какъ и во всей Европѣ, господствовала нетерпимость, Ирландія была центромъ борьбы противъ англійскихъ протестантовъ. Ирландію Филиппъ II-й избралъ операціоннымъ пунктомъ для того, чтобы угро-

жать государственной самостоятельности Англіи. Когда Англія боролась со Стюартами, Ирландія служила самой могущественной опорой деспотизма и постоянно грозила ей порабощеніемъ. Англичане имѣли столько причинъ ненавидѣть ирландцевъ, сколько только могъ имѣть народъ: ирландцы поголовно исповѣдывали единственную религію, которую англичане ненавидѣли отъ всей души, они были чуждое, ненавистное имъ племя, наконецъ для англійскихъ работниковъ они были ненавистная конкуренція, которая уничтожала ихъ въ борьбѣ съ капиталистами и грозила уменьшить ихъ благосостояніе. Всякій могъ бы почитать вражду эту непримиримою. Исторія показываетъ, однакоже, что на свѣтѣ было много вражды еще болѣе жгучей, которая исчезала и испарялась отъ дуновенія вольнаго слова. Въ Америкѣ сходилось и жило рядомъ другъ съ другомъ то, что всего болѣе ненавидѣло другъ друга и желало взаимнаго истребленія. Тутъ видите рядомъ руководителей самыхъ ненавистныхъ другъ другу сектъ. Другъ возлѣ друга сплошными массами занимаютъ различныя мѣстности французы съ закоренѣлой національной и религіозной ненавистью къ англичанамъ, испанцы, поборники инквизиціи и истребленія еретиковъ огнемъ и мечомъ, и самыя крайнія протестантскія секты англичанъ, поселенныя тамъ самыми неуступчивыми своими предводителями, но—живительная сила свободнаго слова уничтожила всѣ эти противуположности, погасила всю эту вѣковую ненависть и соединила всѣ эти крайніе элементы въ одно сильное и цвѣтущее государство. Крайній поборникъ религіозной нетерпимости, испанецъ, живетъ въ странѣ крайней терпимости и нетолько не имѣетъ на нее вреднаго вліянія, но даже притягивается къ ней симпатіей. Когда разсуждали о калифорнійской конституціи, тогда возникалъ вопросъ, можно ли предоставить право голоса неграмъ, китайцамъ, опасались ихъ рабольпія, но отъ гордаго и самостоятельнаго испанца не ожидали никакого вреда. Американскіе испанцы сильнѣе притягиваются симпатіею къ крайне терпимымъ Соединеннымъ Штатамъ, чѣмъ къ не-

терпимой своей родинѣ. Куба, несмотря на революцію въ Испаніи, стремится отдѣлиться отъ нея и питаетъ честолюбивыя надежды Соединенныхъ Штатовъ. Англія, однако, не поняла этого урока исторіи, но англиканское духовенство и землевладѣльцы Ирландіи очень скоро его почувствовали. Они скоро поняли, что при свободѣ рѣчи англійская нація не будетъ способствовать ихъ узкимъ цѣлямъ и примиреніе съ Ирландіею совершится. Поэтому они постарались поставить Ирландію въ такое положеніе, чтобы судъ былъ вполнѣ въ ихъ рукахъ, и они до такой степени успѣли въ этомъ, что тамъ однажды послѣдовало осужденіе въ убійствѣ, несмотря на то, что для оправданія обвиненнаго въ судъ приведенъ былъ мнимо имъ убитый живымъ. Никто не могъ безнаказанно оскорбить этихъ террористовъ ни словомъ, ни дѣломъ. Къ чести англійскихъ государственныхъ людей надобно сказать, что они понимали опасность и желали другаго образа дѣйствій, но публика, подъ вліяніемъ страсти, имѣла слабость вѣрить внушеніямъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ Ирландіи и, можетъ быть, даже воображала, что тамъ существуетъ такая же свобода слова, какъ въ Англіи. Послѣдствія вышли самыя жалкія, вражда разрослась и Ирландія сдѣлалась для Англіи болящей язвой, съ помощью которой Соединенные Штаты Америки висятъ надъ нею вѣчною грозою.

Вотъ великіе уроки исторіи, которые научаютъ народы понимать, что противъ религіозной и національной вражды свобода рѣчи единственное и радикальное средство. Къ несчастью, имъ слишкомъ часто не достаетъ здравости и силы воли, чтобы его употребить, и они накликаютъ на себя тысячи бѣдъ. Національная и религіозная вражда чувства такія ложныя, безцѣльныя и безусловно зловредныя, что они не могутъ не пасть отъ дуновенія свѣжей струи свободнаго слова; но положимъ даже, что мозгъ и сердце у двухъ народовъ будутъ устроены такъ уродливо, что вражда между ними будетъ неискоренима. Прибѣгать къ стѣсненію свободы слова оттого, что мы лишились на-

дежды на примиреніе, еще несравненно менѣе благоразумно. Люди, которые такъ сильно защищаютъ стѣсненіе рѣчи, опасаясь національной вражды, не составляютъ себѣ достаточно яснаго представленія о положеніи. Представьте себѣ, что передъ вами два врага, одинъ водитъ васъ по своему лагерю, показываетъ вамъ свои силы и свое расположеніе, разсказываетъ о своихъ враждебныхъ къ вамъ намѣреніяхъ и т. д.; у другаго все прикрыто величайшей тайной и вы видите только высокія насыпи, изъ-за которыхъ грозно и сурово выглядываютъ чугунные концы пушекъ — что для васъ выгоднѣе? Исторія показываетъ теперь уже совершенно ясно, что съ враждебной и подвластной національностью можно дѣйствовать только однимъ путемъ—это путемъ уступокъ. И Турція должна дѣлать уступки, и Австрія, и Англія. Оказывается, что уступки дѣлаются тѣмъ менѣе кстати и тѣмъ менѣе достигаютъ цѣли, чѣмъ менѣе въ странѣ свободы рѣчи. Турецкая политика—болѣе жалкая, чѣмъ австрійская, австрійская далеко уступаетъ англійской. Англичане уже много сдѣлали для уменьшенія вражды религіозной и соціальной; заработная плата въ Ирландіи удвоилась. Это имѣло огромное вліяніе на феніанское движеніе и придало ему характеръ, въ которомъ было несравненно болѣе угрозы, чѣмъ дѣла. Сравните его съ венгерскимъ возстаніемъ 1848 года или съ борьбою кандіотовъ, а между тѣмъ Ирландія, еслибы она вооружилась единодушно, могла бы оказать несравненно болѣе энергическое противодѣйствіе, чѣмъ Венгрія или Кандія. Ясно, что вражда тамъ была сильно парализована уступками и современное движеніе парализуетъ ее еще болѣе.

Въ странѣ, гдѣ нѣтъ свободной рѣчи, каждая изъ подобныхъ уступокъ, въ концѣ концовъ все-таки неизбѣжныхъ, представляется побѣдою одной національности надъ другою; одна озлоблена тѣмъ, что считаетъ для себя униженіемъ, другая торжествуетъ, и вражда нетолько не уничтожается ими, но питается и распаляется; слабая національность обыкновенно полагаетъ, что она уступками обя-

зана внѣшнему вмѣшательству и все усерднѣе ищетъ покровительства иностранныхъ государей. Роль, которая при этомъ выпадаетъ иностраннымъ державамъ, придаетъ ненависти мотивъ патріотическій. Патріотъ, въ странѣ, гдѣ зажимаютъ рты, не въ состояніи понять, что ненавистью онъ только распложаетъ тѣ интриги, которыя возмущаютъ его народную гордость. Вотъ путь, которымъ Турція дошла до совершеннаго распаденія. Въ странѣ свободнаго слова мы видимъ процессъ совершенно другаго рода. Тутъ среди самаго народа является партія, которая усердно защищаетъ слабую національность отъ всякихъ несправедливостей противъ обскурантизма и нелѣпой ненависти. Между этой партіей и слабой національностью является связь любви и взаимнаго довѣрія. Партія разростается, дѣлается господствующей и уничтожаетъ несправедливость. Такимъ образомъ, мало по малу вражда національная вырождается въ борьбу партій, не мѣшающую государственному единству, нелѣпость чисто національной вражды дѣлается все очевиднѣе для обѣихъ сторонъ и она исчезаетъ. Такимъ путемъ идутъ теперь дѣла въ Англіи. Въ Америкѣ краснокожіе, живущіе разбоемъ, и тѣ имѣютъ партію, которая ихъ поддерживаетъ и защищаетъ. Силы враждующихъ національностей опредѣляются естественной ихъ численностью, свобода рѣчи можетъ ихъ уменьшить, но ни въ какомъ случаѣ не увеличить; она мѣшаетъ тѣмъ искусственнымъ мѣрамъ, которыя только безполезно раздражаютъ и не могутъ привести ни къ какому результату. Если Англія никогда не прибѣгала къ подобнымъ мѣрамъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе послѣдняго столѣтія, и постоянно дѣлала только то, что способно было уменьшать, а не увеличивать народную вражду, то она обязана этимъ исключительно свободѣ рѣчи; благодаря отсутствію этой свободы, Австрія воскресила венгерскую національность среди глубокомысленныхъ заботъ о германизаціи края, она заплатила тяжелымъ опытомъ за урокъ, что не слѣдуетъ играть въ жмурки, когда люди готовы перерѣзать себѣ горло. Великое преимущество свободы рѣчи заключается

въ томъ, что тутъ дѣло ведется всегда на-чистоту. Если одна сторона будетъ открыто и гласно выражать свою ненависть, то тѣмъ же самымъ она дастъ возможность заблаговременно приготовить къ борьбѣ умы въ другой, тутъ не будутъ дремать, пока противники будутъ подготовлять сердца тайными путями. Если отъ этого произойдетъ взрывъ, то та же самая свободная печать разъяснитъ весь вредъ, который перенесли обѣ стороны, нелѣпость и самоубійственный характеръ ихъ дѣятельности, и дальнѣйшихъ бѣдствій не послѣдуетъ. Какъ устраиваются въ этихъ случаяхъ дѣла, мы ясно видимъ на примѣрѣ Норвегіи. Въ 1814 году великимъ державамъ заблагоразсудилось присоединить Норвегію къ Швеціи. Между норвежцами и шведами существовала давнишняя, закоренѣлая національная вражда; норвежцы числомъ были въ два съ половиною раза малочисленнѣе шведовъ. Союзъ этотъ грозилъ соединенному королевству тѣми же бѣдствіями, какія испытывали Турція, Австрія, Нидерланды и Англія, и сильная и слабая національности должны были истощать другъ друга враждой и постоянно уменьшать уровень своей собственной силы и силы всего государства. Лишь только въ Норвегіи узнали объ этомъ, пресса разразилась крикомъ отчаянія, норвежцы вооружились и произвели единодушное возстаніе. Возстаніе было подавлено, но къ счастью шведы не отомстили за это норвежцамъ или не считали себя достаточно сильными, чтобы отомстить, — въ странѣ сохранилась свобода слова, которая усердно отстаивала всѣ національные интересы. Несмотря на всѣ старанія короля и шведской администраціи, въ Норвегію не были введены ни шведскіе чиновники, ни шведская школа, ни шведскія аристократическія учрежденія, однимъ словомъ всѣ тѣ мѣры, которыя обыкновенно администрація считаетъ необходимыми для объединенія національностей, оказались невозможными. Изъ этого вышло, однакоже, то, что въ Норвегіи сохранялось спокойствіе и какъ Швеція, такъ и Норвегія процвѣтали мирно даже въ революціонныя эпохи тридцатыхъ и сорокъ восьмаго годовъ, напе-

рекоръ узкости и недальновидности королей и ихъ чиновниковъ. Въ это время такая же узкость и недальновидность правителей и администраціи накликали на Турцію и Австрію всѣ бѣдствія, какія только могутъ повредить сплѣ, развитію и благосостоянію народовъ, въ Нидерландахъ она привела къ раздѣленію страны на двѣ половины, въ Британской имперіи только свобода рѣчи, господствовавшая въ самой Англіи, спасла отъ ужасныхъ послѣдствій кроваваго междоусобія, которыя въ тридцатыхъ годахъ непремѣнно имѣли бы мѣсто, еслибы рѣчь въ Лондонѣ хотя сколько-нибудь была ограничена. Вы, которые желаете своему отечеству спокойствія, счастія и величія, не имѣйте слабость тушить среди окружающаго насъ мрака свѣтильникъ свободнаго слова,—вы затушите маякъ, которому предназначено спасти вашъ корабль отъ крушенія. Еслибы даже случилось невозможное, еслибы національная ненависть оказалась непзлечимою и свободная рѣчь со дня на день ненѣе обнаруживала это, то даже и въ такомъ случаѣ лучше придти быстро къ развязкѣ, чѣмъ тянуть канитель въ теченіе вѣковъ и мѣшать какъ собственному, такъ и чужому счастью — развязка все-же будетъ необходима. Всякій народъ имѣетъ извѣстный, ограниченный размѣръ силъ, онъ будетъ тѣмъ болѣе великъ и счастливъ, чѣмъ лучшее онъ изъ нихъ сдѣлаетъ употребленіе; истощать ихъ въ безплодной борьбѣ вмѣсто того, чтобы давать имъ плодоносное употребленіе — это значитъ вредить себѣ. Что выиграла Франція отъ своей шумной, но безплодной борьбы съ Европой, на которую она употребила несравненно болѣе силъ, чѣмъ Англія для доставленія себѣ всѣхъ источниковъ своего богатства, торговаго и промышленнаго совершенства. Будь Франція благоразумнѣе, лучшія мѣста въ Америкѣ и въ Азіи были бы ея, а не англійскими колоніями. Триста лѣтъ тому назадъ на свѣтѣ жило вчетверо болѣе французовъ, чѣмъ англичанъ, и французы эти были промышленнѣе и богаче; теперь англичанъ на треть болѣе, чѣмъ французовъ, и англичане эти, даже въ массѣ рабочаго класса, несравненно

богаче. Три пятыхъ англійскаго племени живетъ внѣ Европы и рабочее населеніе тутъ пользуется такимъ богатствомъ, какого до сихъ поръ еще не видано на свѣтѣ. О богатствѣ высшихъ классовъ, какъ въ Англіи, такъ и внѣ ея предѣловъ, нечего и говорить. Только двадцатая часть французовъ живетъ внѣ Европы, да и тѣ бѣднѣе англичанъ. Зато англичане если и обладали непрактическимъ честолюбіемъ, то все-таки не настолько, какъ французы, и были отъ души рады, когда въ средніе вѣка у нихъ отвоевали земли, которыми они обладали на нынѣшней французской территоріи; еслибы они упрямо держались этихъ владѣній, они едвали когда-либо сдѣлались бы великимъ народомъ. Народъ долженъ искать себѣ счастья, богатства и величія тамъ, гдѣ они достаются легко, а не тамъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ неодолимое или почти неодолимое сопротивленіе.

ГЛАВА VI.

Многія учрежденія не могутъ правильно дѣйствовать при отсутствіи свободы рѣчи,—судъ,—выборы,—чрезъ нее удовлетворительно дѣйствуютъ учрежденія самыя странныя.—Норвежскіе чиновники.—Почему не понимаютъ значеніе свободы рѣчи.—Восточный деспотизмъ и правильныя отношенія между государемъ и государственными людьми.—Исторія цензуры.—XVI и XVII вѣкъ.—Что перенесли государи и народы чрезъ стѣсненіе рѣчи; почему не было бы религіозныхъ войнъ, еслибы рѣчь не была стѣснена, и народное развитіе было бы правильнѣе.—Почему короли не могли этого понять.—Страданія XVI и XVII вѣка не научили Европу.—XVIII вѣкъ.—Франція, Германія. Въ Англіи народъ понимаетъ, что нельзя преслѣдовать тенденціозную и обличительную печать, а государственные люди не понимаютъ этого.—Испанская энергія принесла ту пользу, что показала ясно, что еслибы государи имѣли достаточно силы воли, чтобы поступать такъ, какъ они думали, то Европа была бы такъ же бѣдна и невѣжественна, какъ Азія.—Къ чему привела ихъ безхарактерность.—Свобода рѣчи спасла Англію.

Мы видѣли, что свобода слова не въ состояніи создать идеальнаго счастья и разомъ перенести страну въ среду совершенныхъ политическихъ и соціальныхъ учрежденій, но что она увеличиваетъ внѣшнюю ея безопасность, даетъ ей спокойное и правильное внутреннее развитіе, смягчаетъ и уничтожаетъ національную и религіозную вражду. Сверхъ того свобода слова весьма полезна, а иногда и неизбѣжна для правильнаго дѣйствія и усовершенствованія различныхъ учрежденій. Замѣчательно, что способность свободнаго слова улучшать административныя учрежденія замѣчена была тотчасъ же, какъ скоро появилась въ Европѣ печать. Въ 1513 году, когда печать еще вездѣ была свободна и только одинъ предусмотрительный папа подумалъ о цензурѣ, Людовикъ XII объявлялъ: «отъ искусства пе-

чатанія произошло для нашего государства великое благо, и изобрѣтеніе это кажется болѣе божественное, чѣмъ человѣческое... наша католическая вѣра отъ этого много выиграла, правосудіе лучше отправляется и правильнѣе понимается... распространяется и публикуется множество хорошихъ и полезныхъ ученій и наше государство дѣлается превосходнымъ надъ всѣми другими. Такія и безчисленныя другія блага исходили и исходятъ отъ печати каждый день.» Извѣстно, что на востокѣ распространено публичное и устное судопроизводство, но такъ какъ тамъ нѣтъ свободной прессы, которая была бы уздою для судей, то судъ подаетъ поводъ къ самому безстыдному взяточничеству и къ самой безчеловѣчной небрежности. Судьи нерѣдко пользуются значительной независимостью отъ администраціи и могутъ оказывать ей противодѣйствіе, но это вовсе не служитъ гарантіей для общества. Несмотря на все это судъ на востокѣ въ такомъ положеніи, что даже письменное, коллегіальное производство съ его проволочками, формальностями и взятками—шагъ къ улучшенію. Точно также жестоко ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что гласное и устное судопроизводство въ Европѣ во всѣхъ случаяхъ есть благодѣяніе. Судопроизводство это приноситъ мало пользы и составляетъ судъ весьма несовершенный вездѣ, гдѣ дѣятельность судей не находится подъ контролемъ общественнаго мнѣнія или потому, что печать стѣснена, или потому, что не вездѣ, гдѣ производится судъ, имѣются мѣстные органы печати, защищающіе интересы разныхъ партій. Точно также при отсутствіи свободной прессы выборы и представительныя собранія почти утрачиваютъ свое значеніе. Только стимулируемые печатью жители начинаютъ интересоваться своими правами въ этомъ отношеніи и понимать, что такимъ образомъ можно истреблять злоупотребленія и приносить себѣ и обществу пользу. У насъ напр. давно существовало выборное начало въ городскомъ управленіи. При этомъ въ руки и въ распоряженіе выборныхъ лицъ попадали иногда огромныя суммы, они распоряжались постройками, которыя стоили

сотни тысячъ. и сооруженіями. на одно исправленіе которыхъ употреблялись десятки тысячъ въ годъ. Кромѣ этого они могли имѣть существенное вліяніе на безопасность недвижимой собственности въ городахъ. посредствомъ выдачи данныхъ на дома, и на кредитъ, посредствомъ оцѣнки домовъ. представляемыхъ для залоговъ и т. д. Несмотря на это всѣ подобные выборы производились самымъ небрежнымъ образомъ. Выбирали людей сомнительной честности, при управленіи которыхъ постройки нетолько стоили баснословно дорого. но огромныя суммы въ сотни тысячъ просто пропадали. Начинались дѣла, которыя тянулись безконечно и по нѣскольку разъ восходили до высшихъ установленій, напр. до Комитета Министровъ. Когда на городское хозяйство въ послѣднее время обратили вниманіе, то почти всюду оказались дефициты. Данныя на дома выдавались такъ небрежно, что въ цѣлыхъ городахъ недвижимая собственность оказывалась лишенною всякихъ гарантій и процессы плодились какъ грибы. Оцѣнка домовъ производилась въ прямомъ разсчетѣ на обманъ залогопринимателей. Въ южной Россіи, въ городахъ встрѣчались заложенные дома на милліоны, которые оцѣнивались такимъ образомъ, что залогопринимателя никакъ не могли добиться продажи. Избиратели оцѣнщиковъ. въ случаѣ неправильной оцѣнки, по закону должны были заплатить эти милліоны, но и такой рискъ не дѣлалъ ихъ внимательнѣе.

Мы видѣли, что при отсутствіи свободной прессы учрежденія, представлявшія наиболѣе огражденія, выборы, вовсе лишались характера гарантій. Наоборотъ, при существованіи свободной рѣчи могли держаться и достигать своей цѣли самыя странныя учрежденія. Такъ напр. мы видимъ, что въ Норвегіи всѣ чиновники, за исключеніемъ немногихъ, пользуются такой же независимостью какъ судьи; король не можетъ ихъ ни отрѣшать отъ должностей, ни даже переводить съ одного мѣста на другое; онъ имѣетъ только право предавать ихъ суду. Подозрительность норвежская такимъ образомъ ограждала себя отъ произво-

ла высшей администраціи. При такомъ законѣ, назначаемые отъ правительства и независимые отъ гражданъ чиновники должны были бы выродиться во что-то похожее на турецкихъ пашей. Французскій бюрократъ рѣшилъ бы, что управленіе при такомъ условіи совершенно невозможно,—чиновникъ нетолько не былъ обязанъ дѣйствовать въ духѣ администраціи, но могъ ей упорно сопротивляться, и чѣмъ смѣлѣе онъ дѣйствовалъ, тѣмъ болѣе онъ могъ разсчитывать на популярность; даже въ конституціи было сказано: «если совѣтникъ найдетъ, что рѣшеніе короля противно государственному устройству или законамъ страны или очевидно вредно для государства, то онъ обязанъ сдѣлать противъ него сильныя возраженія и занести свое мнѣніе въ протоколъ. Кто не протестовалъ такимъ образомъ, считается согласнымъ съ королемъ и подлежитъ за это отвѣтственности.» Вотъ положеніе радикально противорѣчащее всѣмъ нашимъ административнымъ понятіямъ французскаго закала. Однакоже оказывается, что при такихъ формахъ дѣла могутъ приводить ко всеобщему удовольствію народа и къ процвѣтанію страны точно также, какъ въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ каждый чиновникъ избирается отдѣльно и независимъ отъ стоящей надъ нимъ іерархіи. Свобода рѣчи сглаживаетъ всѣ шероховатости и устраняетъ всѣ неудобства. Всѣ усилія, которыя дѣлались королемъ и его высшей администраціей для измѣненія этого порядка, оставались безуспѣшными. Учрежденіе оставалось популярнымъ и представители народа упорно сопротивлялись всякой перемѣнѣ.

Если свобода рѣчи имѣетъ такое благодѣтельное и успокоительное дѣйствіе, если дѣйствіе это одинаково обнаруживается на всѣхъ ступеняхъ соціальнаго и политическаго развитія государства, то можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ ея господство не водворилось повсюду въ цивилизованныхъ странахъ. Но при болѣе глубокомъ анализѣ причина обнаруживается очень ясно. Свобода рѣчи—это одно изъ тѣхъ явленій, которыхъ значеніе очень трудно понять и противъ котораго вооружаются инстинкты

поверхностныхъ людей. Рѣчь, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, способна безпокоить и возбуждать опасенія, ей приписываютъ силу производить волненія и государственные перевороты, но это совершенно ложно. Рѣчь, сама по себѣ, никогда не можетъ произвести ни волненія, ни безпорядка, она всегда есть только проявленіе болѣе глубоко лежащей причины и нетолько не увеличиваетъ раздраженія и страданія, но облегчаетъ его и не даетъ ему пускать глубокихъ корней. Поэтому благоразумный государственный человѣкъ никогда не долженъ стѣснять свободу рѣчи, а долженъ лечить источникъ, изъ котораго происходитъ въ странѣ волненіе, свободу же рѣчи разсматривать какъ барометръ, по которому онъ можетъ судить о дѣйствіи своего лекарства. Нерѣдко стоящіе во главѣ извѣстныхъ партій громко заявляютъ при свободной рѣчи, что партія ихъ успокоится только тогда, когда свергнутъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, но трусость—д. ное качество и менѣе всего прилична государственному человѣку, она для него даже опасна. Нѣтъ партіи, которая бы не успокоилась на благоразумныхъ уступкахъ, самаго популярнаго предводителя можно лишить такимъ образомъ приверженцевъ, если онъ не будетъ настолько благоразуменъ, что послѣдуетъ за ними. Что сказали бы про медика, который бы выступившую наружу съ жаромъ сыпь, напр. сифилитическую, вогналъ бы внутрь и объявилъ потомъ больнаго здоровымъ? Однакоже государственный человѣкъ, стѣсняющій свободу рѣчи, поступаетъ именно такимъ образомъ. Стѣсненіе рѣчи составляетъ вовсе не единственную ошибку подобнаго рода, онѣ дѣлаются, въ теченіе столѣтій, самыми способными государственными людьми во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ истинный путь трудно понять. Для восточнаго деспота очень не выгодно казнить своихъ приближенныхъ смертью, выкалывать имъ глаза, держать въ неволѣ или въ почетной ссылкѣ членовъ своего семейства и убивать ихъ при первомъ подозрѣніи. Такимъ образомъ каждый приближенный деспота постоянно находится въ отчаянномъ положеніи, — его жизнь, счастье

и имущество находятся всегда въ зависимости отъ минутнаго каприза, онъ также подозрительно смотритъ на деспота, какъ деспотъ на него, и при первой несчастной случайности съ отчаянья поднимаетъ на него руку ради собственной безопасности. Чрезъ это жизнь восточнаго деспота дѣлается мученьемъ, и по большей части онъ кончаетъ насильственной смертью. Въ Турціи въ теченіе двухсотъ лѣтъ, съ 1608 по 1808 годъ, десять разъ свергали султановъ съ престола, убивали ихъ, а всѣхъ султановъ было пятнадцать. Въ Персіи въ теченіе трехсотъ лѣтъ изъ двадцати восьми—пятнадцать государей были свержены съ престола или убиты. Кажется не трудно тутъ было понять всю негодность такого образа дѣйствій и всѣ выгоды, которыя выпали бы на долю государя, обезопасившаго жизнь и имущество своихъ приближенныхъ; однакоже восточные деспоты не понимали этого въ теченіе сотенъ лѣтъ, и до сихъ поръ плохо понимаютъ. Самые способные люди, напр. Надиръ-Шахъ, дѣйствовали такъ же нелѣпо, какъ и ихъ предшественники, и даже современный турецкій султанъ живъ въ изгнаніи. Какъ въ самомъ дѣлѣ не наводить страха на людей, которые каждую минуту могутъ строить противъ насъ козни и убить насъ, какая нелѣпость приблизить къ себѣ тѣхъ, которые всего болѣе заинтересованы въ нашей смерти и въ нашемъ паденіи, и позволить имъ спокойно жить возлѣ насъ? Восточные деспоты никакъ не могли понять, что именно эта спокойная и пріятная жизнь будетъ главнымъ стимуломъ для приближенныхъ не рисковать своимъ положеніемъ и не пускаться на отчаянныя мѣры. Политика восточныхъ деспотовъ такъ заразительна, что она тотчасъ же привилась къ русскимъ государямъ. Іоаннъ IV былъ въ полномъ смыслѣ восточный деспотъ. Его приближенные перенесли всѣ страданія и не отвѣтили на зло зломъ. Этимъ они его не исправили, — Іоаннъ умеръ такимъ же, какимъ онъ жилъ; но они все-таки носили въ себѣ сѣмя другаго взгляда на вещи, своей безропотной смертью они по-своему уничтожили на Руси восточную подозрительность и своими тѣлами

проложили путь, по которому Россія перешла отъ восточнаго деспотизма къ европейской монархіи. Но и послѣ этого еще много прошло времени прежде, чѣмъ между русскими государями, ихъ семействами и государственными людьми установились правильныя отношенія. Петръ казнилъ государственныхъ людей, любилъ пытки и самъ присутствовалъ при нихъ, едва не казнилъ даже своего сына,—въ немъ еще бьется жила восточнаго деспотизма. Его наслѣдники ссылали государственныхъ людей въ Сибирь. Екатерина II-я была первая, при которой падшіе государственные люди жили спокойно въ Москвѣ и составляли даже что-то вродѣ оппозиціонной партіи. Но и при Екатеринѣ Павелъ жилъ въ уединеніи къ великому несчастью для него и для Россіи. Александръ удалилъ Сперанскаго въ Сибирь. Можно сказать, что правильныя отношенія установлены только Александромъ II, который дѣлаетъ выборъ людей сообразуясь съ ихъ государственными взглядами и при перемѣнѣ политики обращаетъ имъ содержаніе въ пенсіи. На такія пенсіи безтактно было бы жаловаться, иначе государственные люди лишались бы своей самостоятельности и не высказывали бы истиннаго своего образа мыслей, но конечно мы должны желать вообще уменьшенія содержаній государственныхъ людей, которыя чрезмѣрно велики и обременительны для государства. Спрашивается, почему такія отношенія не установились гораздо раньше? Причина очевидно одна—правителямъ очень трудно было понять ихъ достоинства.

Точно такое же явленіе представляетъ намъ отношеніе правительствъ и народовъ къ печатному слову. Правильное отношеніе во всѣхъ случаяхъ представляетъ свобода слова,—но правильность его трудно понять. Лишь только появилось книгопечатаніе, какъ правителями уже замѣчено было, что посредствомъ печати можно быстро распространять мысли, и мысли непріятныя. Поэтому въ нихъ естественно прежде всего порождалось желаніе помѣшать такому распространенію. И вотъ уже въ 1501 году папа установляетъ цензуру. Въ двадцатыхъ годахъ шестнадца-

таго столѣтія всюду является гоненіе на печать. Въ Англіи Генрихъ VIII въ 1527 году сжигаетъ массу книгъ, въ Германіи 18 апрѣля 1524 года появляется постановленіе, въ силу котораго всякое начальство обязывалось наблюдать за типографіями и смотрѣть, чтобы не появлялось пасквильныхъ книгъ и изображеній, а 22 апрѣля 1529 года установлена уже цензура: всякую новую книгу слѣдовало представлять начальству, которое запрещало печатаніе и продажу, если находило въ ней что-либо предосудительное. Во Франціи цензура установлена Франциском I 13 августа 1526 года, и всякая книга должна была предварительно просматриваться парламентомъ. Вотъ какъ быстро привилась къ государственнымъ людямъ идея цензуры. Значеніе печати, какъ источника просвѣщенія, которое можетъ дать государству силу и увеличить счастье всѣхъ, начиная отъ государя и кончая послѣднимъ работникомъ, совершенно не понималось. Въ тридцатыхъ годахъ появляются мѣры еще болѣе энергическія. 17 марта 1532 года въ Парижѣ осматриваются всѣ книжныя лавки и захватываются всѣ книги, содержащія въ себѣ дурныя ученія, а 7 іюня Францискъ I хочетъ издать указъ, воспрещающій во Франціи книгопечатаніе. На этотъ разъ его удерживаютъ благоразумные совѣтники, но въ 1534 году возмущенный противъ лютеранъ онъ опять хочетъ воспретить книгопечатаніе, но опять удерживается. Въ 1535 году онъ уже не въ силахъ противустоять соблазну и 13 января дѣйствительно воспрещаетъ книгопечатаніе: указъ этотъ отмѣняется чрезъ нѣсколько времени только по представленію парламента. Хорошо было бы положеніе Франціи, еслибы парламентъ не отстоялъ книгопечатанія: она, въ этомъ случаѣ, безъ всякаго сомнѣнія, представляла бы теперь бѣдную и невѣжественную провинцію какого-нибудь германскаго государства. Фактически въ 1535 году печатаніе всякой самостоятельной мысли во Франціи было уничтожено, книгопечатаніе сдѣлалось монополіею 12 лицъ, назначенныхъ парламентомъ для выпуска книгъ, одобренныхъ и необходимыхъ для общественнаго блага. Несмотря

на это запрещенныя книги появлялись, потребовали дальнѣйшихъ мѣръ, и множество книгъ и сочинителей было сожжено. Германія шла тѣмъ же путемъ, хотя нѣсколько умѣреннѣе; въ 1530 году требовалось, чтобы на книгахъ обозначалось имя типографщика и такимъ образомъ мысль поставлена была въ зависимость отъ денежнаго интереса; относительно прессы изданы были уголовные законы, неопредѣленные и предоставлявшіе произвольное право личныхъ и имущественныхъ наказаній.

Въ это время каждое десятилѣтіе приносило новости. 11 декабря 1547 года во Франціи появляется указъ, который воспрещаетъ печатать книги безъ королевскаго дозволенія и требуетъ, чтобы на нихъ выставлено было имя автора, типографщика и книгопродавца. Въ 1548 году въ Германіи установлены были наказанія для тѣхъ, которые продаютъ, покупаютъ и держатъ у себя запрещенныя книги; типографщики лишались права заниматься своимъ ремесломъ и облагались денежными пенями.

По мѣрѣ оживленія религіозной борьбы оживляется и ожесточается движеніе противъ свободы рѣчи. 10 сентября 1563 года появляется знаменитый указъ Карла IX, изъ котораго мы уже видимъ, какими разнообразными средствами пользовались протестанты для распространенія своихъ мнѣній посредствомъ печати и какую ненависть они возбуждали этимъ въ католикахъ. Указомъ этимъ запрещается печатать книги, письма, рѣчи, брошюры, объявленія и всякія другія сочиненія, распространять и выставлять ихъ публично безъ королевскаго дозволенія, подъ опасеніемъ быть повѣшеннымъ и удавленнымъ. Въ Германіи прежніе законы получаютъ дальнѣйшее развитіе. Въ Англіи въ 1583 году даются обширныя права духовной коммиссіи, которая истребляетъ книги, написанныя въ духѣ католичества и всякой другой, кромѣ господствующей, религіи. Въ Англіи всего ярче проявляется вся нелѣпость этой преслѣдующей прессу дѣятельности. Тутъ поперемѣнно жгутся и распространяются книги самыхъ противуположныхъ направленій. Тутъ въ самыхъ яркихъ краскахъ выясняется

карикатурность преслѣдованія за тенденціи и направленія; при Елисаветѣ же появляется указъ, запрещающій писать, печатать и издавать книги возмутительнаго содержанія или заключающія въ себѣ клеветы на королеву. Суду присяжныхъ при этомъ предоставлялось только рѣшать, дѣйствительно ли обвиненный сочинилъ представленную въ судъ книгу. Почти въ тоже время вводится цензура. Но тогдашняя цензура отвергала или дозволяла только всю книгу, а не измѣняла ея содержаніе.

Въ самомъ концѣ XVI-го столѣтія еще вѣшали во Франціи безъ всякихъ формальностей за печатное слово, но при Генрихѣ IV-мъ всѣ эти безобразія прекращаются, и въ парламентскихъ постановленіяхъ 1597 года относительно прессы о смертной казни не упоминается. Но Германія не унимается. 15 марта 1608 года тамъ является императорскій указъ объ обязательномъ представленіи правительству экземпляровъ каждаго напечатаннаго сочиненія. Тенденціозная цензура тутъ еще карикатурнѣе, чѣмъ въ Англіи, тутъ постоянно въ одно и то же время въ одной странѣ признаются зловредными книги, которыя распространяются правительствомъ въ другой. Послѣ смерти Генриха IV-го во Франціи тотчасъ же возобновляются прежнія строгости. Въ 1610 году (годъ смерти Генриха IV-го) три книгопродавца были повѣшены въ Парижѣ въ одинъ день. 1 апрѣля 1620 года воспрещаются тамъ такъ-называемыя ручныя газеты, составляющія первую попытку періодическихъ изданій. Во время управленія Ришелье появляется рядъ строгихъ постановленій противъ печати, которыя не даромъ уподобляются драконовскому законодательству. Въ 1626 году возстановлена смертная казнь для всякаго писавшаго безъ позволенія короля о вѣрѣ, нравахъ и о чемъ бы то ни было другомъ. Такой характеръ мѣры противъ печати сохраняютъ вездѣ до самаго конца великой религіозной борьбы. Въ Англіи время республиканскаго управленія не измѣняетъ взглядовъ на это дѣло, и въ 1653 году, при Кромвелѣ, мы встрѣчаемъ предписаніе, чтобы никто не осмѣливался публиковать ка-

кое-либо сочиненіе безъ дозволенія государственныхъ секретарей.

Если мы сравнимъ всю эту дѣятельность государственныхъ людей въ періодъ религіозныхъ войнъ съ положеніемъ, въ которомъ находились народы, то нельзя достаточно надивиться ихъ недальновидности и неумѣнію угадывать самую выгодную для нихъ политику. Уже гораздо ранѣе мы видимъ, что массы народа не питаютъ никакой ненависти къ еретикамъ, которые живутъ въ ихъ средѣ, ненависть эта является только тамъ, гдѣ еретиковъ нѣтъ и гдѣ народъ объ нихъ знаетъ только по ложнымъ слухамъ, распускаемымъ духовенствомъ. Такъ напр. еретики, жившіе на югѣ Франціи, пользовались всеобщею любовью и всеобщимъ уваженіемъ населенія, среди котораго они жили; если мѣстные католики и заражались къ нимъ ненавистью, то ненависть эта была напускная, пришедшая извнѣ. Чѣмъ ближе подступаетъ XVI-й вѣкъ, тѣмъ благопріятнѣе становятся отношенія между католиками и еретиками, живущими въ одномъ мѣстѣ. Въ началѣ XVI-го вѣка мы видимъ всеобщую ненависть народовъ противъ высшаго духовенства и дворянства и искреннюю, неискоренимую преданность королямъ. Изъ этого настроенія уже ясно можно было видѣть, какая должна была бы быть настоящая политика королей. Когда началась реформація, она быстро распространялась всюду, и не подлежало никакому сомнѣнію, что еслибы короли имѣли политическій тактъ, то къ концу XVI-го столѣтія на свѣтѣ католики считались бы сотнями и папа по своему значенію сравнялся бы съ какимъ-нибудь ничтожнымъ архіереемъ. Для достиженія этого результата королямъ стоило только не вмѣшиваться въ дѣла религіозныхъ мнѣній, не преслѣдовать ни книгъ, ни учителей и наказывать только тѣхъ, которые производили бы безпорядки, нападая другъ на друга вооруженною рукою. Вышло бы безъ сомнѣнія нѣчто похожее на то, что мы видимъ въ Китаѣ, гдѣ императоры держались такой политики. Вся масса народа и все среднее и промышленное сословіе, капиталисты и люди

науки отпали бы отъ католичества и сдѣлались бы сектаторами; вмѣстѣ съ тѣмъ, значеніе королей возросло бы очень быстро, государства сдѣлались бы многолюднѣе и сильнѣе, промышленность и просвѣщеніе развились бы скорѣе. Мы видимъ, что въ Англіи королю стоило только объявить себя противъ папы и католики очутились въ меньшинствѣ; въ Германіи секты распространялись такъ быстро, что соединенныя усилія духовенства и правителей едва успѣли мѣстами обуздать ихъ, и если бы германскіе правители послѣдовали примѣру англійскаго короля, то вся Германія была бы теперь протестантскою. Въ Даніи, на Скандинавскомъ полуостровѣ все населеніе приняло лютеранство. Въ Нидерландахъ, въ Шотландіи фанатическое преслѣдованіе со стороны правительства и духовенства не помѣшало всеобщему отпаденію. Во Франціи, несмотря на безпощадное преслѣдованіе со стороны правительства и духовенства, новый духъ такъ распространялся, что, какъ мы видѣли выше, побудилъ Франциска I-го воспретить книгопечатаніе, и король сдѣлалъ это по просьбѣ ученыхъ Сорбонны, слѣдовательно вся вліятельная пресса была противъ католичества. Послѣ преслѣдованія, продолжавшагося съ неслыханнымъ звѣрствомъ и энергіей въ теченіе двухъ поколѣній, еретики были еще такъ сильны, что могли посадить короля изъ своей среды, а потребность религіозныхъ преслѣдованій въ народѣ такъ была слаба, что царствованіе этого короля, а съ нимъ вмѣстѣ и царство терпимости, было самымъ мирнымъ и счастливымъ для Франціи. Въ Испаніи народъ и средній классъ отъ всей души ненавидѣли высшее духовенство и дворянство, и короли, пользуясь этимъ, легко сломили ихъ могущество. Когда въ концѣ XV-го вѣка введена была инквизиція, то народъ возсталъ и убилъ инквизитора; — доказательство, что и въ Испаніи вѣротерпимость была возможна. При такомъ положеніи ясно, какъ день, что если бы короли не мѣшались въ религіозныя дѣла и не налагали никакихъ цензурныхъ стѣсненій, то не было бы религіозныхъ войнъ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ

служатъ тутъ Англія и Франція Генриха IV-го; въ то время, когда тамъ господствовала терпимость не вполнѣ, а только отчасти, страна уже была спокойна. Къ чему же привела королей ихъ политика? Испанія лишилась лучшихъ своихъ владѣній и изъ страны богатой и цвѣтущей превратилась въ бѣдную и невѣжественную. Народы, преданные королямъ, были всюду возбуждаемы противъ нихъ и дѣйствовали столько же противъ своихъ собственныхъ интересовъ, сколько и противъ интересовъ королей. Въ Шотландіи духовенство выставляло народу королей исчадіемъ ада, и жалкая Марія Стюартъ сдѣлалась жертвою своей близорукой преданности католичеству. Въ Англіи одинъ безтактный король, близоруко ставшій на сторону дворянства и католическаго духовенства, возвелъ себя на эшафотъ, а другой, совершенно ограниченный, въ угоду католическому духовенству, довелъ себя дотого, что долженъ былъ позорно бѣжать изъ страны, не имѣя даже защитниковъ. Въ Польшѣ король и высшее дворянство изъ близорукой преданности католичеству нетолько упустили случай сдѣлаться могущественнѣйшей державой въ Европѣ, но до такой степени ослабили себя, что даже дальнѣйшее существованіе государства сдѣлалось невозможнымъ. При королѣ Сигизмундѣ, въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го вѣка, Польша нетолько соединена была съ Швеціею подъ однимъ скипетромъ, но къ ней едва не присоединилась Россія, и вѣроятно бы присоединилась, еслибы русское духовенство и русскіе бояре не опасались гоненій за вѣру. Но Сигизмундъ былъ совершенно въ рукахъ іезуитовъ; онъ нетолько не съумѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ по отношенію къ Россіи, но потерялъ даже и шведскую корону, а Польшу разорилъ до такой степени и такъ притѣснилъ ее своимъ религіознымъ фанатизмомъ, что поселилъ тамъ безвыходную религіозную и національную вражду, отъ которой страна была уже не въ силахъ излечиться. Такой участи подверглась та самая Польша, которая когда-то гордилась вѣротерпимостью и свободой. Въ Германіи императоры своей политикой като-

ической нетерпимости уничтожили свою власть въ то время, когда другая политика должна была бы привести къ объединенію Германіи. Еслибы вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать сектамъ, императоры стали имъ покровительствовать, то сторону католичества приняли бы другіе владѣльцы, но секты все-таки бы распространились и владѣльцы пали бы; вмѣстѣ съ тѣмъ императоры сдѣлались бы единственными государями.

Рядомъ съ религіознымъ началось соціальное движеніе. Государи испугались этого и дурно сдѣлали,—они должны были бы не испугаться, а воспользоваться имъ. Въ Китаѣ государи воспользовались соціально-религіознымъ движеніемъ въ народѣ, и оно придало имъ такое могущество, что высшія сословія, духовенство и землевладѣльцы не могли представлять имъ никакого сопротивленія и обратились въ ихъ чиновниковъ. Китай сдѣлался самой населенной, самой просвѣщенной и наиболѣе промышленно-развитой страной въ Азіи. Въ западной Европѣ, въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкѣ, государи постоянно дѣйствовали во вредъ себѣ и съ какимъ-то жалкимъ самоотверженіемъ работали для враждебныхъ имъ элементовъ. Несмотря на это, они не могли уничтожить естественнаго хода событій,—высшіе классы были унижены, власть королей увеличилась и породила бюрократію, но процессъ совершился болѣзненно и далъ уродливые результаты. Еслибы напр. во Франціи католическая ревность королей и ихъ цензурное усердіе не помѣшали распространенію сектаторства и просвѣщенія, то они скоро могли бы опереться на организованную духовенствомъ массу народа, въ которую бы входили все городское сословіе, вся интеллигенція и еретическая часть дворянства. Это составило бы такую силу, противъ которой высшему дворянству и духовенству не было бы никакой возможности бороться,—они нетолько покорились бы гораздо скорѣе, но во Франціи не было бы привилегированныхъ сословій, какъ ихъ нѣтъ въ Китаѣ, соціальное развитіе было бы правильное и не было бы надобности ни въ великой революціи, ни во всѣхъ ея наслѣдникахъ. Но короли были

игрушкою духовенства и усердно подавляли сектаторское движеніе. Этимъ они сдѣлали то, что католическое духовенство могло фанатизировать массы и соединять ихъ въ одну партію съ враждебнымъ королямъ дворянствомъ. Положеніе королей сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ, они въ одно и тоже время должны были бороться и съ еретиками и съ своими подданными католиками подъ предводительствомъ враждебнаго имъ дворянства; въ этой борьбѣ они едва удерживали на головѣ корону. Несмотря на это, естественное притяженіе силъ къ нимъ было такъ велико, что они были въ состояніи одолѣть и тѣхъ и другихъ и создать монархію Людовика XIV-го. Борьба эта, веденная такимъ непрактическимъ образомъ, однакоже крайне истощила государства и дала королямъ только такую недостаточную побѣду, при которой они не могли управлять, не отягощая народа, и должны были привести къ революціонной развязкѣ. Въ то время, когда Генрихъ IV-й увеличилъ благосостояніе страны и поправилъ финансы, Ришелье снова разорилъ страну и финансы разстроилъ, и въ такомъ видѣ передалъ Францію Людовику XIV-му, чтобы тотъ сдѣлалъ положеніе окончательно непоправимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти хваленые политики, не жалѣвшіе ни денегъ, ни крови, все-таки не могли обуздать высшіе классы и, создавъ изъ нихъ привилегированное сословіе, отдали имъ на разграбленіе народъ.

Конечно, такая безобразная политика королей объясняется тѣмъ жалкимъ воспитаніемъ, которое они получали. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ ихъ умами овладѣвало высшее духовенство и часто вкушало имъ самыя рабольпныя чувства по отношенію къ папѣ и къ католической религіи. Они ставили интересы католической религіи выше всего на свѣтѣ, нетолько выше интересовъ своего народа, но выше всякой здравой политики и даже чувства самосохраненія. Таково было громадное большинство королей, которые царствовали въ Европѣ, начиная отъ Пиренейскаго полуострова и кончая Польшей. Даже въ Англіи и Шотландіи тѣмъ же духомъ заражены были Стюарты и изъ

Тюдоровъ напр. Марія. Великій урокъ правителямъ, позволяющимъ воспитывать своихъ дѣтей въ идеяхъ партіи, осужденной жизнью на погибель! Невозможно себѣ представить всю громадность вреда, который причиненъ былъ человѣчеству этой ложной политикой правителей. Они заковали нетолько религіозное движеніе и помѣшали этимъ развитію нравственнаго чувства, но и для движенія научнаго они поставили такія неодолимыя преграды, которыя задержали цивилизацію и приготовили человѣчеству безконечныя бѣдствія. Мы уже видѣли, что во Франціи двѣнадцать лицъ получили исключительное право на печатаніе сочиненій. Въ Германіи такое исключительное право печатанія и изданія получали университеты и къ нему присовокуплялось право цензуры. Такимъ образомъ могли породиться взгляды, которые считали неприличнымъ и непочтительнымъ выражать мнѣнія, противныя господствующимъ воззрѣніямъ ученыхъ.

При такихъ условіяхъ развитіе могло идти только путемъ запрещенной или замаскированной литературы. Литература эта была въ тѣ времена почти исключительно теологическая. Теологическія сочиненія дотого читались всѣми и дотого были популярны, что знаменитые ученые считали свои научныя заслуги за ничто и непремѣнно хотѣли быть теологами. Эта плодовитая литература, которая теперь кажется намъ неодолимо скучною и безплодною, конечно имѣла значительное вліяніе на воззрѣнія и нравы, но религіозныя преслѣдованія придали ей чрезмѣрное и искусственное значеніе и такимъ образомъ послужили тормазомъ развитію человѣческаго ума. Послѣ религіозныхъ всего болѣе интереса возбуждали идеи политическія, но появленіе и распространеніе ихъ было такъ затруднено, что иногда нужны были не десятки, а сотни лѣтъ, чтобы какое-нибудь ученіе изъ одной страны перешагнуло въ другую.

Итакъ вотъ результатъ цензурной политики XVI и XVII вѣковъ. Отъ религіознаго движенія должна была бы пострадать власть одного человѣка—папы. А между тѣмъ

пострадали всѣ государи, бывшіе источникомъ этой политики, не стремившіеся отказаться отъ нея. Въ теченіе почти двухъ вѣковъ вся Европа сдѣлалась театромъ неслыханныхъ кровавыхъ сценъ и междоусобій, цѣлыя страны, напр. Испанія, запустѣли и развитіе остановилось въ нихъ не на десятки, а на сотни лѣтъ; другія, напр. Нидерланды, разорялись систематически и должны были переносить страданія, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ. Неужели всѣхъ несчастій, всѣхъ неисчерпаемыхъ страданій этихъ двухъ вѣковъ было недостаточно для того, чтобы убѣдить человѣчество? Увы, нѣтъ! Опытъ политическій дѣлается не такъ, какъ опытъ въ естественныхъ наукахъ. Тутъ одинъ консеквентный ученый посредствомъ нѣсколькихъ дней занятій въ кабинетѣ можетъ убѣдить въ истинѣ цѣлый міръ, передъ истинами же политическими народы въ теченіе вѣковъ слѣпо закрываютъ глаза, несмотря на то, что непониманіе этихъ истинъ непрерывно бичуетъ ихъ безконечными страданіями. Къ концу XVII вѣка Европа нетолько не убѣдилась въ необходимости свободнаго слова, она не поняла даже пользу и необходимость вѣротерпимости, всѣ ея страданія пропали почти даромъ. Если мы сравнимъ результатъ этихъ двухъ вѣковъ съ результатами жизни въ Азіи и въ Африкѣ, то мы извлечемъ изъ этого знаменательный урокъ для человѣчества. Мы убѣдились, что опытъ не способенъ научить людей; для того, чтобы они научились полезнымъ для нихъ идеямъ и выработали полезныя для нихъ чувства, необходимо истины вырабатывать путемъ научнаго анализа и распространять путемъ свободнаго слова. Азія и Африка въ теченіе вѣковъ питали чувства и взгляды, при которыхъ они погибали среди бѣдности и невѣжества, отъ которыхъ страдали всѣ, начиная отъ деспота и кончая послѣднимъ его подданнымъ, но опытъ этотъ не заставилъ ихъ искать свѣжаго воздуха. Двухвѣковыя страданія Европы на обширныхъ пространствахъ ея территоріи ничему ее не научили и оставили ее во тьмѣ азіатскаго невѣжества; тамъ же, гдѣ она научилась хотя чему-нибудь, она обязана этимъ

духу анализа, которому препятствія не помѣшали хотя отчасти распространить свои ученія.

По отношенію къ свободѣ печати XVIII вѣкъ отличается отъ предъидущихъ только тѣмъ, что тутъ менѣе говорится о повѣшеніи и сожженіи, да и это измѣненіе зависѣло исключительно отъ смягченія нравовъ, а вовсе не отъ измѣненія взглядовъ на дѣло. Во Франціи въ теченіе XVIII вѣка дѣйствовали законы отъ 28 февраля и 9 іюня 1723 года. Этими законами введена была строгая цензура, и книгопродавцы, типографщики и граверы могли выпускать въ свѣтъ только цензурныя книги и рисунки, въ противномъ случаѣ ихъ заведенія закрывались и на нихъ накладывались пени и другія наказанія. Подтвержденіе этихъ законовъ мы встрѣчаемъ еще при Людовикѣ XVI въ 1778 и въ 1785 году. Всѣ французскіе государи и правители XVI и XVII вѣковъ, начиная отъ Франциска и кончая кардиналомъ Ришелье и Людовикомъ XIV, которые запрещали книгопечатаніе и предписывали вѣшать и казнить за самыя невинныя книги, прославлялись однакоже какъ покровители наукъ; точно тоже мы видимъ въ XVIII в. Даже уже пропущенныя цензурою книги сжигались, если ихъ содержаніе не нравилось кому-нибудь изъ имѣвшихъ доступъ къ королю и его министрамъ. Благодѣтельное вліяніе прессы было совершенно невозможно и авторы, которые распространяли во Франціи великія идеи, должны были жить заграницею. Указомъ 1728 года авторы недозволенныхъ религіозныхъ сочиненій изгонялись, а типографщики присуждались къ цѣпямъ, галерамъ или и къ высшимъ наказаніямъ, не смягчая ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Къ такимъ же наказаніямъ приговаривались и за политическія и безнравственныя сочиненія. Книга дозволенная одной властью запрещалась другою. Запрещать и преслѣдовать за книгу могли и король и министры и духовенство и парламентъ. Дозволеніе, данное одной властью, не ограждало отъ запрещенія со стороны другой, даже если дозволеніе исходило отъ короля. При запрещеніяхъ, власти не ограничивались тѣмъ, къ чему онѣ побуж-

дались чувствомъ самосохраненія, а руководствовались исключительно своими капризами; такъ канцлеръ запретилъ философію Ньютона, потому что онъ былъ приверженецъ Декартовой. При такомъ положеніи лучшія сочиненія авторы печатали заграницею, а періодическія изданія были беззащитны противъ всѣхъ капризовъ сильныхъ. По подобному капризу военный министръ Сенюръ запретилъ писать о военныхъ дѣлахъ одному изъ самыхъ извѣстныхъ французскихъ журналовъ «Меркурій», который существовалъ почти въ теченіе цѣлаго столѣтія и сверхъ того вовсе не былъ въ оппозиціи съ правительствомъ.

Въ XVII вѣкѣ мы видимъ, что въ Англіи запрещенныя сочиненія расходятся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Тоже самое мы видимъ во Франціи въ XVIII в. Обвинительные приговоры присоединялись типографами къ осужденнымъ книгамъ для того, чтобы облегчать ихъ продажу, и на дворѣ парламента, во время исполненія приговора, продавались брошюры вмѣстѣ съ приговоромъ объ ихъ уничтоженіи. Запрещенныя книги приносили иногда огромныя деньги, и утверждаютъ, что авторы изъ денежныхъ разсчетовъ иногда искали запрещенія. Такимъ образомъ цензура во Франціи возбуждала столько же ненависти, сколько и презрѣнія. Замѣчательна крайне низкая степень развитія чувствъ и взглядовъ всего общества во Франціи въ это время. Люди, которымъ было присуще сознаніе о необходимости свободы рѣчи, составляли крайнее исключеніе, да и среди этихъ исключеній нужно подозрѣвать болѣе стремленія къ личнымъ выгодамъ, чѣмъ правильнаго пониманія дѣла. Были люди, которые желали свободы для себя, но не допускали ее для другихъ, напр. Боссюетъ. Были извѣстные ученые, напр. д'Аламберъ, которые просили о запрещеніи непріятныхъ имъ возраженій.

Въ Германіи положеніе было нисколько не лучше. Духовенство съ особенной ревностью преслѣдовало книги, и іезуиты въ Австріи прославились своей систематической дѣятельностью въ этомъ отношеніи. Вражда между государями и различными частями Германіи порождала множе-

ство пасквилей и позорящихъ сочиненій. Владѣльцы сорплись изъ-за этого и все менѣе и менѣе были расположены къ свободному слову. По Германіи расплодилась самая мелочная и придирчивая цензура. Являлось множество указовъ и предписаній, направленныхъ протпвъ печатп. Съ истинно-нѣмецкимъ педантствомъ различныя правптельства сочпняли для себя пи па чемъ не основанныя теоріи о полезной и вредной печатп. Такъ напр. появлялось мнѣніе, что книги опасны и вредны, а періодпческая печать такъ себѣ ничего, но прп первомъ случаѣ теоретики правители хватались за голову и убѣждались, что и то и другое одпнаково пагубно. Такое жалкое нравственное состояніе нисколько не мѣшало имъ завидовать французской литературѣ, которую они считали блестящею, и мечтать о томъ же для своей родины. Благомыслящіе люди не могли однакоже не видѣть глубокаго политическаго и соціальнаго упадка страны, который грозплъ ей великими бѣдствіями. Поэтому они желали сдѣлать хоти что-нибудь для обузданія зла, но оказывалось, что почти ничего невозможно сдѣлать. Самое смѣлое періодпческое изданіе иногда не рѣшалось отпечатать совершенно достовѣрнаго заграничнаго извѣстія даже тогда, когда оно имѣло въ своихъ рукахъ доказательства достовѣрности: за отпечатапіемъ извѣстія слѣдовала казнь сообщителя. Государи безпрерывно жаловались другъ другу на непріятную имъ печать и имъ слишкомъ не трудно было убѣждать въ ея зловредности.

Среди всей этой грязп, которая толкала въ гибельную пропасть и правительство и народы, съ нѣкоторымъ достоинствомъ вела себя одна только Англія. Къ счастію человѣчества урокъ XVI и XVII вѣковъ привелъ тамъ къ совершенно другимъ результатамъ, чѣмъ на материкѣ Европы. Необходимость свободы рѣчи сдѣлалась тамъ всеобщимъ народнымъ убѣжденіемъ, и въ 1694 году цензура была отмѣнена. Слѣдовало бы ожидать, что убѣжденіе это, какъ научная идея, должно было бы прежде всего распространиться въ мірѣ ученомъ, затѣмъ перейти къ самой просвѣщенной части общества и затѣмъ нпзойти въ

народъ. Вышло наоборотъ, убѣжденіе это прежде всего распространилось и ясно выразилось въ сознаніи народа и затѣмъ въ теченіе всего XVIII столѣтія не могло сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ ни между учеными, ни между государственными людьми. Самый извѣстный изъ ученыхъ авторитетовъ и записныхъ юристовъ Англіи стоитъ еще на весьма низкомъ уровнѣ въ дѣлѣ пониманія условій свободной рѣчи и во всякомъ случаѣ несравненно ниже массы англійскаго народа. По мнѣнію Блакстона для сохраненія мира и порядка необходимо наказывать опасныя и оскорбительныя сочиненія съ дурной тенденціей. Онъ полагаетъ, что распространеніе мнѣній, мѣшающихъ цѣлямъ общества, есть преступленіе. Итакъ онъ стоитъ на томъ же пунктѣ, на которомъ стояли правительства материка Европы въ началѣ XVI вѣка. Считая справедливымъ наказывать за тенденцію, которая будетъ признана вредною частнымъ судомъ, Блакстонъ показалъ самое грубое непониманіе только-что пережитой исторіи. Испанецъ католикъ вполнѣ честно признавалъ всякое другое религіозное мнѣніе злобреднымъ и истребилъ на этомъ основаніи въ Нидерландахъ сотни тысячъ, а въ Испаніи и Америкѣ милліоны людей, превратилъ свою родину въ пустыню и убилъ въ ней промышленность и просвѣщеніе. Точно также честно поступали католики всѣхъ странъ, признавая тенденціи другихъ сектъ зловредными и преслѣдуя ихъ. Однакоже они этимъ въ теченіе двухъ столѣтій порождали нескончаемыя религіозныя войны, разорили цѣлыя страны и остановили ходъ цивилизаціи. Такимъ образомъ двухсотлѣтній опытъ Европы показалъ, что право суда осуждать за мнѣнія и тенденціи и признавать ихъ преступленіями—это гибельное для счастія и спокойствія народовъ право. Мнѣніе Блакстона до самаго конца XVIII столѣтія раздѣлялось государственными людьми, и даже по законамъ Георга III судъ имѣлъ право осуждать за направленіе. Рядомъ съ этимъ процвѣтало законодательство, которое предоставляло судамъ обширныя права осуждать за клеветы и оскорбленія. Такіе законы въ особенности плодились въ тѣ періоды XVIII

столѣтія, когда англійская конституція приходила въ упадокъ и парламентъ почти лишался своего значенія. Къ счастію, нетолько для Англіи, но для всего цивилизованнаго міра, судъ надъ печатью былъ тамъ въ рукахъ присяжныхъ. Народъ очень хорошо понималъ, что осужденіе за тенденціи, которыхъ не раздѣляешь, а слѣдовательно признаешь болѣе или менѣе вредными, должно убить всякую свободу мнѣній, а съ ней вмѣстѣ и цивилизацію, а поощреніе обидчивости, въ особенности въ сферахъ администраціи, неизбѣжно должно ухудшить управленіе и можетъ сдѣлать его даже никуда негоднымъ и крайне вреднымъ для страны. Поэтому общественное мнѣніе иногда весьма энергически противодѣйствовало примѣненію этихъ законовъ и стремилось превратить ихъ въ мертвую букву. Такое направленіе въ особенности рѣзко проявлялось во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда деспотизмъ грозилъ снова водвориться въ странѣ. Если правительству даже удавалось достигнуть осужденія, то общество на осужденномъ сосредоточивало все свое вниманіе и стократъ вознаграждало его за понесенныя страданія. Рѣчь въ Англіи была вслѣдствіе этого дѣйствительно въ довольно значительной степени свободна, но для материка Европы это было весьма прискорбнымъ обстоятельствомъ—тамъ стали воображать, что стоитъ только уничтожить цензуру и рѣчь будетъ свободна.

Послѣ Англіи понятіе о необходимости свободы слова въ XVIII столѣтіи всего болѣе развилось въ сознаніи народномъ на устьяхъ Рейна, но къ несчастью австрійское управленіе могло вносить туда и свое педантство и свои грубые взгляды на вещи.

Грянули громы французской революціи, и державамъ Европы въ другой разъ пришлось горько поплатиться за то, что онѣ не понимали необходимости свободнаго слова для нормальной и спокойной жизни народовъ и имѣли слабость прибѣгать къ цензурѣ и стѣсненіямъ. Въ то время когда они переносили всѣ униженія, всѣ страданія, которыя были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ихъ поведенія, они

все-таки не поняли въ чемъ дѣло. съ малодушнымъ страхомъ смотрѣли на идеи и на людей и, желая поправить свои дѣлишки, окончательно губили себя въ глазахъ современниковъ и потомства. Когда въ нашемъ воображеніи проходитъ исторія государственныхъ людей трехъ послѣднихъ столѣтій, XVI, XVII и XVIII, то они невольно передъ нами раздѣляются на двѣ большія группы. Въ одной мы видимъ государственныхъ людей Испаніи, въ другой всѣхъ прочихъ. Испанцы рѣзко отличаются отъ всѣхъ тѣмъ, что они всегда имѣли достаточно силы воли, чтобы дѣлать такъ, какъ они думали. Они считали необходимымъ водворить въ Испаніи исключительное господство католической религіи и водворили его, они считали необходимымъ внушить народу восторженныя чувства обожанія къ религіи и къ королю и сдѣлали это. Припоминая государственныхъ людей Испаніи, сожалѣешь о томъ, что эти люди не имѣли правильныхъ убѣжденій; еслибы они въ необходимости господства свободы рѣчи были такъ же убѣждены, какъ они были убѣждены въ необходимости католической религіи, то они не зажали бы ротъ глубокомысленному писателю потому, что его великая идея оскорбила мелочность какого-нибудь придворнаго льстеца,—они не были бы способны сегодня запретить писателя, а завтра выпрашивать для себя пару экземпляровъ его сочиненія, соблазниться вмѣстѣ и атеизмомъ и суевѣріемъ и испугавшись народнаго волненія кидаться изъ одной крайности въ другую, они прошли бы свой путь съ той же величавой твердостью, съ которой они проходятъ его теперь, и мы имѣли бы передъ собою страну, которая развивалась бы быстрѣе и правильнѣе, чѣмъ всякая другая въ Европѣ, гдѣ рѣчь пользовалась бы безусловной свободой и мысль имѣла бы всѣ средства къ развитію народа. Припомнивая государственныхъ людей Европы, чувствуешь, что безполезно было бы жалѣть о неправильности ихъ убѣжденій; еслибы они и понимали значеніе свободнаго слова, это ни къ чему бы не привело,—они не были въ состояніи осуществлять своихъ убѣжденій, къ нимъ можно было чувствовать только

то, что чувствуешь къ человѣку, который не имѣетъ ни достаточно ума, чтобы понять истину, ни достаточно воли, чтобы слѣдовать тому, что онъ считаетъ истиннымъ путемъ. Всѣ эти государи завидовали Людовику XIV, Людовикъ XIV завидовалъ турецкому султану, но ни одинъ не былъ въ состояніи дѣлать такъ, какъ онъ думаетъ, а Филиппъ II былъ въ состояніи. Никто не смѣлъ говорить съ нимъ иначе, какъ на колѣнахъ; самые гордые гранды стояли у его порога какъ лакеи,—великій полубогъ, онъ только изрѣдка являлся людямъ и то лишь для того, чтобы внушать имъ суевѣрный страхъ подобно небеснымъ метеорамъ. Ни одинъ деспотъ, самъ Надиръ-Шахъ, который и наединѣ сохранялъ свою натянутую, грозную осанку, не могъ бы сдѣлать болѣе. Онъ дѣйствовалъ всегда подъ вліяніемъ самаго глубокаго убѣжденія, и для его осуществленія у него было и достаточно мужества и достаточно силы воли; онъ производилъ этимъ настолько на окружающихъ, но на весь народъ неотразимое впечатлѣніе. Испанцамъ мы обязаны тѣмъ, что мы теперь ясно видимъ, къ чему бы привели взгляды и чувства государственныхъ людей Европы, еслибы послѣдніе имѣли достаточно силы воли, чтобы ихъ осуществить. Они бы обратили Европу въ бѣдную и невѣжественную страну; они бы сдѣлали государей настолько же несчастными и жалкими, насколько и ихъ подданныхъ; это было достаточно объяснено выше, когда мы сравнивали жизнь восточнаго деспота и европейскаго государя. Въ Испаніи не только рабочіе, но все населеніе голодало, страна наполнялась разбойниками и шайки составлялись даже въ самыхъ многолюдныхъ городахъ, король былъ такъ бѣденъ, что ему не доставало денегъ на уплату прислугѣ и на ежедневныя хозяйственныя издержки. Нищіе появлялись въ городахъ десятками тысячъ. Въ тоже время испанцы показали намъ значеніе энергическаго образа дѣйствій и результаты, которые онъ даетъ. Испанцы были такимъ же народомъ, какъ и всѣ народы Европы. Они были склонны и заразиться ересью и соблазниться научнымъ скептицизмомъ. Они чаще и радикальнѣе мѣ-

няли свои религіозныя убѣжденія. чѣмъ другія племена, и принадлежали къ тѣмъ католикамъ, среди которыхъ ранѣе другихъ явилась анти-католическая ересь; они настолько же, какъ и другіе, были способны ненавидѣть инквизицію и поддаваться ей. Теологія стояла тамъ такъ же высоко, какъ и въ другихъ странахъ, и если Ньютонъ и Пристлей считали ничтожными свои научныя открытія и теологію единственнымъ занятіемъ способнымъ возвеличить ученаго, то мы можемъ заключить, что пристрастіе къ теологіи вовсе не было исключительнымъ свойствомъ испанцевъ. Высшія сословія въ Испаніи, также какъ и въ прочихъ частяхъ Европы, были склонны унижать короля и его власть. Стоитъ только вспомнить мѣры, которыя они принимали для ея ограниченія, или слова присяги королю, употреблявшейся въ Испаніи: «Мы, изъ числа которыхъ каждый сто́итъ столько же, сколько и вы, а всѣ вмѣстѣ мы болѣе значимъ чѣмъ вы, мы обѣщаемъ вамъ повиновеніе, если вы будете сохранять наши права и ограждать нашу свободу; въ противномъ случаѣ мы вамъ не повинуемся.» Глубокое убѣжденіе и непреклонная воля правительства все это измѣнила; наперекоръ пистинктамъ развитія и самосохраненія народъ обнаруживалъ искреннюю и восторженную преданность религіи и монархамъ, которые плодили въ его средѣ нищету, неслыханное невѣжество и безъисходное горе, въ то время, когда въ остальной Европѣ народъ никогда не зналъ хорошенько — слѣдуетъ ли ему обожать своихъ монарховъ или презирать и ненавидѣть ихъ.

Испанская система, которая нетолько убивала всякое самостоятельное проявленіе мысли, но имѣла достаточно энергіи, чтобы заставлять думать такъ, какъ она думала, и восторженно увлекаться тѣми чувствами, которыя она чувствовала, оказалась способною породить только всеобщее и безпримѣрное несчастье. Настолько же никуда негоднымъ оказалось отсутствіе системы у другихъ европейскихъ государей. Общество на материкѣ Европы въ XVIII вѣкѣ было еще такъ мало развито, что оно не было въ состояніи измѣнить тѣ политическія и соціальныя формы,

средп которыхъ оно жило. Между тѣмъ населеніе увеличивалось, средства для своего обезпеченія добывались все съ бо́льшимъ трудомъ, увеличивающееся число промышленныхъ рабочихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и предметовъ роскоши, порождало въ одно и тоже время новыя потребности и рискованное и трудное положеніе всѣхъ работниковъ, занятыхъ и матеріальнымъ и интеллектуальнымъ трудомъ; развитіе просвѣщенія породило новыя чувства и сдѣлало невыносимыми прежнія грубыя и безцеремонныя отношенія между людьми. Все это дѣлало крайне необходимымъ, чтобы учрежденія дѣйствовали совершенно иначе и чтобы люди въ пользованіи предоставленными имъ правами, сообразовались съ измѣнившимися чувствами и нравственнымъ настроеніемъ общества. Такъ бы и было, еслибы тогда существовала свобода рѣчи. Еслибы какое-нибудь лицо воспользовалось своими правами крайне отвратительно для другихъ или, воспользовавшись ихъ беззащитностью, глубоко оскорбило чужія чувства, то заинтересованные конечно подняли бы въ печати шумъ и надѣлали бы виновнику столько непріятностей, что отбили бы охоту такъ злоупотреблять своими правами. Но правители не были въ состояніи ни убить просвѣщеніе, ни дать ему полную свободу проявиться. Просвѣщеніе развило уже болѣе деликатныя чувства, а между тѣмъ гордость и заносчивость, съ которою высшія сословія обращались нетолько съ низшими, но и между собою, ожесточали всѣхъ и дѣлали всѣхъ недовольными. Во Франціи дворяне столько же были ожесточены униженіемъ, которое они должны были переносить отъ интендантовъ, сколько интенданты униженіемъ, которое они должны были переносить отъ дворянъ. Въ Германіи ученые, чиновники и дворянство смотрѣли другъ на друга съ одинаковымъ презрѣніемъ. Еслибы печать была свободна, она бы очень скоро отучила отъ глубоко оскорбительнаго поведенія, выставляя на позоръ всю его пошлость. Это чувство униженія заставляло каждаго изъ кожи лѣзть, чтобы возвыситься,—развилась непомѣрная роскошь, а такъ какъ про-

тивъ всякаго обличенія можно было найти легкое средство въ цензурѣ, то и непомѣрная безсовѣстность. Все это ложилось тяжелымъ гнетомъ на народъ и порождало всеобщую нищету, которая равнялась только всеобщей безнравственности и всеобщему легкомыслію. Замѣчателенъ результатъ такого состоянія. Никто не былъ доволенъ въ это время,—подавленные классы народа такъ же томительно желали перемѣны, какъ и привилегированные, тѣ, которые были поощряемы, настолько же, насколько и тѣ, которые преслѣдовались. Во всемъ обществѣ развилась мечтательность, эта необходимая принадлежность всѣхъ прогрессирующихъ обществъ, гдѣ стѣснено слово. Какъ поучительно, для разъясненія себѣ подобныхъ состояній, вникать въ положеніе французскаго общества конца XVIII вѣка: при первыхъ народныхъ волненіяхъ внезапно со всѣхъ сторонъ оказывалось неповиновеніе. Дворъ Людовика XVI, который распоряжался имъ какъ хотѣлъ, могъ даже заставлять его выучивать наизустъ деспотическія рѣчи, который менѣе всего задумывался пускать въ ходъ для усмиренія народа штыки и пушки, оказывался безъ всякихъ средствъ къ сопротивленію, не могъ помѣшать полной анархіи, не могъ даже запретить журнала, который очень безцеремонно возбуждалъ народъ вѣшать и рѣзать высшихъ. Какъ смѣшно послѣ этого читать разсказы людей порядка о революціяхъ, въ которыхъ они съ негодованіемъ жалуются на то, что такой-то генералъ не былъ разстрѣлянъ за неповиновеніе, а тогда-то народъ не былъ разогнанъ войскомъ. Въ томъ-то и дѣло, что во время революціи всякое повиновеніе прекращается и власти внезапно оказываются безъ поддержки. Не слѣдуетъ допускать до подобныхъ состояній, а когда дѣло однажды дошло до нихъ, то никакая распорядительность, никакая энергія не поможетъ. Положеніе другихъ народовъ Европы сдѣлалось до такой степени невыносимымъ, что они нетолько смотрѣли равнодушно на иностранное господство, но иногда даже желали его какъ избавителя. Нужны были чудовищныя злоупотребленія французовъ, чтобы возбудить въ на-

родахъ патріотизмъ и чувство своего достоинства. Паденіе Испаніи въ началѣ XVIII вѣка и водвореніе тамъ иностраннаго господства были прямымъ послѣдствіемъ взглядовъ и чувствъ тогдашнихъ государственныхъ людей, приведенныхъ въ исполненіе съ неумолимою послѣдовательностью. Господство это имѣло точно тотъ же источникъ, какой имѣетъ господство англичанъ въ Индіи, вліяніе европейскихъ кабинетовъ въ Турціи, потому что Испанія въ это время настолько же отстала отъ остальной Европы, какъ Индія и Турція. Явленіе точно такого же рода и столь же неизбѣжное представляетъ господство Франціи надъ остальною Европою. Въ то время какъ въ Европѣ способности заглушались и парализировались, онѣ во Франціи вдругъ получили свободный исходъ. Въ Испаніи система дѣйствовала сильнѣе и расплата наступила скорѣе.

Рядомъ съ этими явленіями, вызывавшими то революцію, то иностранное господство, мы видимъ дѣйствіе свободы рѣчи въ Англіи. Никакъ нельзя сказать, чтобы въ теченіе XVIII столѣтія счастье благопріятствовало Англіи. Напротивъ, на нее обрушилось слишкомъ много несчастій. Ею управляли короли иностранцы, которые не любили ни этой страны, ни ея обитателей, старались окружать себя любимцами, привезенными съ родины и находились подъ ихъ вліяніемъ. Короли эти, вслѣдствіе своихъ страстей и своего воспитанія, то старались вовлечь страну въ ненужную войну съ материкомъ Европы, то покушались деспотировать надъ нею. Ея государственные люди были не чужды раболѣпія, заражены идеями материка и дотого расходились съ народомъ, что едва не довели страну до разложенія, подобно тому, какъ Филиппъ II довелъ Испанію; поэтому она лишилась лучшей своей американской колоніи. Торговля у нея стѣснялась монополіями, а земледѣльческій классъ лишался своей самостоятельности чрезъ быстрые успѣхи крупнаго землевладѣнія. Даже конституція утрачивала свою силу, подкупленный парламентъ лишался уваженія и значенія въ странѣ. Противъ всѣхъ

этихъ бѣдствій у Англіи остался одинъ оплотъ — это свобода рѣчи. Этотъ оплотъ вынесъ страну на своихъ плечахъ и доказалъ всѣмъ, какія это могучія плечи. Что было бы съ Англіею, еслибы англичане не отстояли себя въ дѣлѣ о возможности порицанія рѣчью короля? Что было бы, еслибы противъ подкупнаго парламента, противъ навязываемыхъ странѣ министровъ нельзя было возбуждать общество прессой? Въ Англіи водворился бы материковый деспотизмъ. Англія, съ ея крупнымъ землевладѣніемъ, низошла бы до того состоянія, въ которомъ мы находимъ въ началѣ XIX вѣка Италію. Значеніе свободной рѣчи было такъ велико, что только со второй половины XVIII столѣтія англичане стали считать институтъ присяжныхъ политической гарантіей, потому что онъ охранялъ эту рѣчь. Самый лучшій судъ не въ состояніи спасти страну отъ паденія и деморализаціи, если онъ не будетъ охранять свободу рѣчи.

ГЛАВА VII.

Декларація правъ; пресса 1789 года; законы о печати изъ времени Революціи, законы Наполеона; урокъ, который могли бы изъ этого извлечь Европа, Англія, Америка; ошибки Дантона и Робеспьера; они чувствовали ихъ, но отрѣзали себѣ отступленіе, что перенесла Франція чрезъ стѣсненіе прессы во время Революціи и Наполеона. — Какъ смотрѣли тогда на свободу рѣчи въ Германіи; Генцъ; германскіе ученые, баварскій законъ. — Шведскіе законы о печати; законы 1809 и 1812 годовъ; какъ раздиралась Швеція междоусобіями до того времени и какъ ее успокоила свобода слова; невозмутимость Швеціи въ тридцатыхъ и въ сорокъ осьмомъ году.

Уже въ самомъ началѣ политическаго движенія, которое привело во Франціи къ революціи, заведена была рѣчь о свободѣ слова. Въ деклараціи правъ было сказано: «Право сообщать свои мысли и мнѣнія составляетъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка; всякій гражданинъ можетъ свободно говорить, писать и печатать, но отвѣтствуетъ за злоупотребленіе этой свободы въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ.» Законъ этотъ надѣлалъ въ Европѣ страшнаго шума; увѣряютъ, что въ Германіи въ то время въ первый разъ явилось выраженіе свобода прессы (Pressfreiheit). Ничто не обличало яснѣе жалкаго неразвитія, которое господствовало въ это время на материкѣ Европы. Законъ этотъ по смыслу своему не представлялъ никакой гарантіи для свободы рѣчи. Честнѣе и лучше ничего не объявлять, чѣмъ объявить рѣчь свободною за исключеніемъ какихъ-то ограниченій и объ ограниченіяхъ этихъ умолчать. Ясно, что путемъ этихъ ограниченій можно было заковать мысль такъ же, какъ она была

скована въ Испаніи. Но въ тѣ времена и подобный шагъ считался уже великимъ. Дѣйствительно печать въ значительной степени сбросила свои оковы, и въ одномъ 1789 году во Франціи явилось 150 новыхъ періодическихъ изданій. Скоро оказалось, что понятія объ условіяхъ, при которыхъ рѣчь можетъ быть свободна, были еще весьма слабы, а убѣжденія въ необходимости свободы рѣчи для счастья и спокойнаго развитія общества вовсе не существовало. XVIII-й вѣкъ развилъ у французовъ и на материкѣ Европы много прекрасныхъ убѣжденій, которыя навсегда остались ихъ неотъемлемымъ достояніемъ, напр. всѣ тѣ убѣжденія, которыми уничтожены феодальная система и привилегированныя сословія. Но, къ несчастью, къ этимъ убѣжденіямъ не принадлежало убѣжденіе въ необходимости свободы рѣчи, да и не могло принадлежать. Свобода рѣчи—это вѣстникъ мира и нормальнаго развитія, а въ тѣ времена никто мира не желалъ, всѣ желали безпорядковъ и насилій, надѣясь такимъ путемъ отвоевать какъ можно болѣе или возвратить утраченное. Поэтому мы видимъ, что законъ о свободѣ рѣчи, предложенный въ 1790 году, не могъ состояться. Съ одной стороны онъ написанъ былъ очень неловко, а съ другой они казался партіямъ стѣснительнымъ при взаимныхъ ихъ враждебныхъ намѣреніяхъ. Конституціею 1791 года воспрещаются всякая цензура и надзоръ надъ сочиненіями, предназначенными для печати, прежде ихъ опубликованія. Но въ этомъ же году уже успѣли появиться декреты, которые показывали, какъ мало цѣны французы придавали свободѣ слова. Декретами, изданными въ маѣ и въ іюнѣ 1791 года, опредѣлялась бумага для публикацій частныхъ лицъ, запрещалось дѣлать коллективныя публикаціи, собраніямъ гражданъ запрещалось публиковать свои постановленія или рѣшенія въ обязательной формѣ и требовалось, чтобы всѣ публикаціи были подписаны именами составителей. Полиціи предоставлялось право наказывать пенями во сто ливровъ. Потребность въ свободѣ рѣчи во время самой революціи была, однакоже, такъ велика, что въ теченіе де-

сяти лѣтъ тамъ появилось 750 различныхъ періодическихъ изданій. Это вполнѣ убѣждаетъ, что при свободѣ рѣчи Франція могла бы пользоваться печатью, способной сглаживать недостатки общественнаго устройства. Но французамъ не суждено было пользоваться такимъ счастьемъ. Свобода рѣчи была въ тѣ времена такое понятіе, которое нужно было излагать на бумагѣ для того, чтобы о французахъ кричали заграницей, но на которое на дѣлѣ ни народъ, ни практическіе люди не обращали никакого вниманія. Поэтому напр. въ 1792 году были арестованы всѣ журналисты такъ-называемыхъ аристократическихъ органовъ и ихъ станки были переданы патріотамъ. Теорія также была плоха. Каковы были въ это время теоретическія понятія французовъ о свободѣ слова и свободѣ дѣятельности человѣка, видно напр. изъ декрета Конвента отъ 9—14 мая 1793 года, которымъ постановляется, что члены Конвента, которые издаютъ журналы, должны выбирать между званіемъ депутата и редактора. Въ конституціи 24 іюня 1793 года говорится: «Право выражать свои мысли и мнѣнія прессой не можетъ быть воспрещаемо». Эта слишкомъ громкая фраза менѣе всего была выраженіемъ убѣжденія, потому что уже въ іюлѣ того же года мы видимъ законъ, обязывающій авторовъ представлять правительству экземпляры своихъ сочиненій. Образъ мыслей террористическаго правительства не дозволялъ и думать о свободѣ рѣчи. Въ законѣ о подозрительныхъ лицахъ предписывалось арестовать всѣхъ, которые выразятъ устно или печатнымъ словомъ свою приверженность къ тиранніи, къ федерализму и покажутъ себя врагами свободы. Актеры были доведены до того, что они сами просили о цензурѣ. Послѣ паденія террористовъ и Робеспьера было не лучше. Въ IV-мъ году республики Конвентомъ изданъ былъ законъ, который предписывалъ наказывать смертью всякаго, кто будетъ сочинять или печатать что-нибудь способное побуждать къ уничтоженію республиканскаго управленія, къ возстановленію королевской или всякой другой власти, склонной покуситься на самодержавіе на-

рода. Въ томъ же году появляется законъ, требующій, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, обозначенія имени типографщика и сочинителя. Въ слѣдующемъ году собственники, редакторы и типографщики сорока двухъ журналовъ отправлены въ ссылку въ одинъ день; вскорѣ въ ссылку отправлено еще шестьдесятъ журналистовъ. Въ томъ же году всѣ журналы отданы были подъ полицейскій надзоръ, съ правомъ воспрещать ихъ по произволу, и введенъ штемпель. Конституція VIII-го года обращается уже очень безцеремонно съ свободой рѣчи, и въ томъ же году воспрещается часть періодическихъ изданій, а для остальныхъ требуется предварительное разрѣшеніе правительства.

Наполеонъ былъ человѣкъ замѣчательно неразвитой въ политическомъ отношеніи. Можно было бы даже подумать, что онъ получилъ свое воспитаніе не среди европейцевъ, а въ какомъ-нибудь восточномъ сералѣ. Во время своей египетской экспедиціи онъ поступалъ совершенно точно такъ же, какъ дикіе азіатскіе завоеватели; онъ былъ напр. способенъ вырѣзать гарнизонъ сдавшейся крѣпости. Лишь только истощенный Египетъ покорился, какъ тотчасъ же снова возсталъ отъ жестокостей его управленія — это, впрочемъ, не помѣшало французамъ прославлять необыкновенную мудрость администраціи Наполеона въ Египтѣ. Точно также восхвалялись его административныя способности во Франціи, хотя вся его административная мудрость ограничивалась большимъ пристрастіемъ къ единоличному и неотвѣтственному управленію. Онъ дѣйствительно вынужденъ былъ принять многія полезныя мѣры, но даже и въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ такъ мало, какъ только могъ сдѣлать. Наполеонъ въ своемъ родѣ напоминаетъ испанскихъ государственныхъ людей, и поэтому нельзя не пожалѣть, что при его энергіи, при огромныхъ его военныхъ способностяхъ, при умѣньи оцѣнивать отдѣльныхъ людей, онъ былъ такъ односторонень и отличался такой непроходимой политической тупостью. Когда читаешь объ его административныхъ сооруженіяхъ и прочихъ совершенствахъ его внутренней политики, восхва-

ляемыхъ французами, то невольно навязывается сравненіе съ тѣмъ, что восточные писатели говорятъ о великихъ своихъ завоевателяхъ; изъ всѣхъ этихъ похвалъ можно было бы сдѣлать длинный списокъ подвиговъ, который бы примѣнялся одинаково ко всѣмъ, но если посмотрѣть на эти подвиги безпристрастными глазами, то оказывается, что они плодили только разореніе и опустошеніе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что блистательныя качества Наполеона давали ему полную возможность даровать Франціи свободу рѣчи, а съ тѣмъ вмѣстѣ правильное развитіе. Въ тоже время онъ бы обезпечилъ и свою будущность и будущность своего семейства. Но при своихъ восточныхъ деспотическихъ идеяхъ онъ былъ менѣе всего способенъ поступить такимъ образомъ. Могъ ли дать свободу рѣчи человѣкъ, который писалъ: «Недостаточно, чтобы журналы не были противъ правительства, нужно требовать, чтобы они показывали полнѣйшую преданность царствующей династіи.» Такими взглядами Наполеонъ обрекалъ себя на гибель, и дѣйствительно погибъ.

Лишь только онъ утвердился на консульствѣ, онъ повернулъ дѣла по-своему. Консульство – говорится въ мотивахъ къ закону о французской печати 1868 года—принудило журналы и книги къ необходимому въ тѣ времена молчанію. Во время Имперіи вводится опять цензура уже безъ всякой церемоніи. Сначала вводится строгая цензура для театральныхъ пьесъ и для духовныхъ книгъ, а черезъ три года является знаменитый законъ 1810 года. Закономъ этимъ установляется монополія типографскаго дѣла и строго ограничивается число типографій. Типографщикъ долженъ представить доказательства своей преданности отечеству и государю; онъ обязывается присягой, что не напечатаетъ ничего противнаго интересамъ государя и государства. Затѣмъ вводится цензура, но и дозволенная цензурою книга можетъ быть снова остановлена и запрещена. Книгопродавцы были поставлены въ тѣ же условія и должны были давать ту же присягу, какъ и типографщики. Въ томъ же году запрещается издавать въ каждомъ депар-

таментѣ болѣе одного журнала. Сдѣлавъ изъ журнальнаго дѣла монополію, Наполеонъ употребилъ журналы какъ средство для обогащенія своихъ родственниковъ, сдѣлавъ ихъ пайщиками въ самыхъ распространенныхъ газетахъ. Трудно отыскать болѣе безсовѣстную спекуляцію насчетъ народнаго образованія. Франція замолчала, умственное движеніе въ ней прекратилось и Наполеонъ началъ дѣлать такія вещи, которыя были бы простительны развѣ только для умалишеннаго, ради его болѣзненнаго состоянія. Когда журналы отказывались льстить и ограничивались только тѣмъ, что удерживались отъ всякой оппозиціи, то ихъ запрещали и конфисковали. Пресса была окончательно подавлена и скована, но Наполеону казалось, что этого все еще мало, и постоянно появлялись новые законы. Замѣчательны напр. строгіе уголовные законы, направленные на духовенство; всякое сужденіе, даже самое невинное, о правительствѣ, о законахъ или даже о чиновникахъ, не только печатное, но письменное и словесное, могло повлечь за собою для нихъ самыя опасныя послѣдствія.

Все это было проведено въ жизнь Наполеономъ съ самой строгой послѣдовательностью, и общество нетолько допускало это безропотно, но окружало его восторгами и лестью, которая прилична была только для какого-нибудь восточнаго деспота. А когда для Наполеона наступили дни несчастья, когда иностранныя пушки разрушили его силу и славу, тогда французы вздумали произносить надъ нимъ приговоръ и перечислять его преступленія: «Свобода прессы составляетъ установленное и освященное право націи; онъ постоянно подчинялъ ее произвольной цензурѣ полиціи и въ тоже самое время онъ пользовался прессою, чтобы наполнять Францію и Европу ложными правилами, ученіями, выгодными, для деспотизма и оскорбленіями противъ иностранныхъ державъ.» Вѣдь это звучитъ точно также, какъ гордыя обвиненія, произнесенныя противъ короля, въ актѣ объ американской независимости. Какъ видно, французы позабыли, что американцы ополчились противъ тиранiи не тогда, когда она была сброшена

на землю иностранными штыками, а тогда, когда она возвышалась гордая и могущественная и когда ее нужно было побѣдить геройскимъ сердцемъ. Французы могли бы избавить себя отъ этого послѣдняго униженія и не давать себѣ этой оплеухи. Зачѣмъ употреблять гордый языкъ свободы, когда, послѣ жалкой заносчивости побѣдоносныхъ рабовъ, приходится прибѣгать къ еще болѣе жалкому раболѣпію рабовъ побѣжденныхъ.

Всѣ эти пропетествія, которыя надѣлали въ Европѣ столько шума и заставили такъ внимательно вникать во всѣ ихъ подробности, — убѣдили ли они наконецъ ее? Кажется убѣдиться было не мудрено. Обнаружилось ясно дня, какую противуположность, какую безвыходную ненависть поселила между сословіями система XVIII вѣка, подавляющая свободу рѣчи, а съ тѣмъ вмѣстѣ свободное развитіе ума и характера въ народѣ; какими она сдѣлала всѣ слои общества грубыми и склонными къ насилію. Въ особенности ярко это обрисовывалось при сравненіи съ Англіею и съ Америкою. Французская революція произвела сильное впечатлѣніе въ Англіи и въ Америкѣ,—жажда свободы живо воскресла въ этихъ двухъ народахъ, въ особенности въ Англіи сильно завидовали энергіи, съ которою французы уничтожали устарѣлыя и тягостныя для народа учрежденія. Передовые люди Англіи старались всѣми силами произвести тамъ подобный же переворотъ; во время возбужденныхъ этими усиліями народныхъ волненій даже государственные люди дотого старались раздуть пламя, что сами на улицахъ поощряли толпу, но изъ всего этого ничего значительнаго не вышло, народъ оказался вовсе не ожесточеннымъ, и сдѣлалось только яснымъ какъ день, что посредствомъ свободной прессы нельзя производить революцій, точно также, какъ посредствомъ стѣсненія мысли нельзя помѣшать ихъ появленію. Въ самый разгаръ революціи въ 1792 году мы встрѣчаемъ въ Англіи изданіе закона объ устраненіяхъ сомнѣній насчетъ участія присяжныхъ въ сужденіяхъ о преступленіяхъ по дѣламъ печати; закономъ этимъ постановляется, что вліяніе при-

сяжныхъ на эти дѣла должно быть точно такое же, какъ на всякія другія уголовныя дѣла. Все, что могло сдѣлать перепугавшееся правительство, состояло въ томъ, чтобы присяжнымъ предоставлено было право осуждать за направленія, а намъ уже извѣстенъ взглядъ англійскихъ присяжныхъ на этотъ предметъ.

Во время всѣхъ этихъ происшествій во Франціи, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, вскормленныхъ свободою слова, появилось нѣсколько новыхъ конституцій. Такъ въ 1792 году принята была конституція Нью-Гампшира. Эта гуманная конституція объявляетъ, что всѣ люди рождены одинаково свободными и независимыми. Свобода слова признается существенной для свободы государства и должна быть сохраняема ненарушимо. Эта статья конституціи обезпечивается тѣмъ, что никакое наказаніе не можетъ быть накладываемо иначе какъ присяжными и что въ силу 18 ст. конституціи воспрещаются наказанія жестокія и не соразмѣрныя съ преступленіемъ. 4 іюля 1733 года утверждена конституція Вермонта, въ которой также признаются прирожденными правами человѣка свобода, независимость и право искать для себя счастья. Въ ст. 13-й говорится: «Всякій имѣетъ право на свободу рѣчи и на свободу писать и публиковать свои чувства по отношенію ко всѣмъ дѣйствіямъ правительства, поэтому свобода печати не можетъ быть ограничена.» Для обезпеченія этого права признается священнымъ правомъ гражданина быть судимымъ не иначе, какъ посредствомъ присяжныхъ, онъ не можетъ быть осужденъ иначе, какъ въ публичномъ судѣ и единогласнымъ приговоромъ присяжныхъ. Въ конституціи этой мы видимъ ту же гуманность какъ и въ предъидущей (напр. никого нельзя принудить показывать противъ себя и т. д.). Эти два закона были даны подъ вліяніемъ тѣхъ убѣжденій крѣпкаго закала, которыя всегда порождаются свободнымъ словомъ, поэтому они пережили болѣе десяти конституцій во Франціи и столько же французскихъ правительствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были казнены смертью, а другія изгнаны изъ страны. Точно тоже слу-

чилось съ конституціею штата Огайо, которая дана была во время разгара наполеоновскаго деспотизма во Франціи въ 1802 г.; и тутъ также свобода и независимость, исканіе счастія и спокойствія признаются прирожденными правами человѣка. Въ ст. 6 говорится: «Печать должна быть свободно открыта для каждаго гражданина, который желаетъ разсматривать дѣйствія какой бы то ни было отрасли правительства или поведеніе должностнаго лица; никакой законъ не можетъ ограничивать этого права. Каждый гражданинъ имѣетъ неоспоримое право говорить, писать и печатать обо всемъ, о чемъ онъ желаетъ, но отвѣчаетъ за злоупотребленіе этой свободы. Преслѣдуемый за опубликованіе чего-либо, касающагося общественнаго поведенія должностныхъ лицъ или предметовъ общественнаго интереса, всегда имѣетъ право защищаться справедливостью опубликованнаго; во всѣхъ дѣлахъ о печати присяжные имѣютъ право опредѣлять какъ фактъ виновности и невиновности, такъ и законъ, долженствующій имѣть здѣсь примѣненіе. Руководство суда можетъ быть только такое же, какъ и въ другихъ случаяхъ.» И эта конституція пережила рядъ французскихъ правительствъ и конституцій. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что французская революція и ея идеи сдѣлали несравненно болѣе пользы для Америки и даже для Англіи, чѣмъ для Франціи и для материка Европы, хотя Америка отъ этихъ идей даже вовсе не пострадала. Подробное разъясненіе этого обстоятельства здѣсь было бы неумѣстно, и безъ того мнѣ приходится разъяснить многое, что не относится прямо къ предмету.

Во время самой революціи оказывалось, что каждый разъ, когда правительство хотѣло совершить какое-нибудь великое преступленіе и сдѣлать великую глупость, оно стѣсняло печать и зажимало рты. Мѣра эта оказывалась нетолько вовсе недѣйствительною, потому что правительство вскорѣ по совершеніи преступленія или глупости все-таки падало, но оказывалось, что еслибы эта мѣра не была принята, то правительство спасло бы этимъ себя.

Въ теченіе всего этого періода народъ постоянно оказывался склоннымъ къ справедливости и симпатизировалъ тѣмъ, съ которыми поступали слишкомъ круто. Монтаньяры, опасаясь, чтобы онъ не поддался этимъ чувствамъ, зажимали рты. Не стѣсняемые оппозиціей, они скоро зашли такъ далеко, что сами увидали, что запутались въ безвыходномъ лабиринтѣ. Но они отрѣзали для себя отступленіе тѣмъ, что послали на казнь жирондистовъ. Жирондисты побѣдили партію, на которую опирался Мирабо, партію низкую по своему образу мыслей, способную поддаваться подкупамъ, грязно-честолюбивую и не искреннюю, однакоже они не послали ее на эшафотъ и тѣмъ обезпечили для себя отступленіе, еслибы ихъ мнѣнія стали казаться для народа крайними. Они могли бы стать въ оппозицію и сохранить всю естественную свою силу. Зачѣмъ же одолѣвшая ихъ партія послала ихъ на гильотину? Вѣдь они были люди несомнѣнной добродѣтели, патріоты, никогда не были бы способны измѣнить отечеству или республиканскому управленію? Еслибы ихъ противники сдѣлали изъ нихъ только оппозицію и оставили бы имъ всю естественную ихъ силу, тогда бы они не поставили себя въ такое положеніе, при которомъ имъ оставался только одинъ выборъ, или идти по такому пути, по которому они сами ясно видѣли, что нельзя было далѣе идти, или своротить на гильотину. Дѣло въ томъ, что ни Дантонъ, ни Робеспьеръ не понимали, что ихъ господство было дѣломъ не случая, а естественной необходимости, и что они непремѣнно точно также достигли бы власти, еслибы они не сдѣлали ни одной изъ тѣхъ жестокостей, которыя отрѣзали имъ отступленіе и привели ихъ на плаху. Жирондисты были люди, искренно преданные республикѣ, но опиравшіеся на интеллигенцію и часть мѣщанства, которые не допускали энергическаго образа дѣйствій. Между тѣмъ обстоятельства были таковы, что они требовали энергіи, и какъ велика была эта потребность, видно было изъ той ненависти, которую питалъ народъ къ жирондистамъ. Во главѣ такой энергической партіи

стоялъ Дантонъ, и его побѣда была несомнѣнна. Какъ государственный человѣкъ, Дантонъ долженъ былъ бы подумать, что потребность въ энергическомъ правленіи не можетъ продолжаться всегда, что явится въ народѣ потребность въ умѣренности и что если предводители умѣренныхъ республиканцевъ будутъ посланы на плаху, то и самъ онъ попадетъ туда же. Поэтому, водворяя въ странѣ порядокъ и обуздывая измѣнниковъ, которые сносились съ заграничными врагами, всѣми необходимыми для этого мѣрами, онъ долженъ былъ бы охранять въ странѣ свободу рѣчи, напр. такъ же, какъ она охранялась во время войны за американскую независимость, —и дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы умѣренные чувствовали себя свободными и въ интеллектуальномъ и въ имущественномъ отношеніи. Несмотря на чрезвычайныя обстоятельства того времени, совершенно достаточно было бы преслѣдовать только измѣну. Жирондисты до тѣхъ поръ, пока не стали угрожать ихъ жизни, очень хорошо понимали опасность отечества и необходимость единодушія и патріотическаго одушевленія. Ни ихъ дѣйствія, ни ихъ пресса не были лукавыми и измѣнническими, и еслибы они пользовались безопасностью, они бы не внесли междоусобія въ лагерь республиканцевъ. Они обнаруживали дряблыя и нерѣшительныя чувства, но пока Дантонъ не переступилъ мѣру жестокости, эти чувства могли казаться народу только слабостью. Еслибы слабость умѣренныхъ или казни измѣнниковъ, призывавшихъ въ страну врага-чужеземца, возбудили въ народѣ безпорядки, то онъ могъ принять въ соображеніе чувства опасенія за родину, которыя дѣйствовали притомъ въ народѣ, но возбуждать систематически безцѣльныя кровавыя сцены и направлять народъ на искреннихъ республиканцевъ — это было крайне неполитично и сверхъ того совершенно излишне. Анти-патріотическая партія, т. е. партія привилегированныхъ сословій, никогда не могла сдѣлаться популярною,—своей измѣной она слишкомъ глубоко оскорбила патріотическія чувства. Еслибы Дантонъ былъ знакомъ съ исторіей, онъ бы

могъ легко понять, какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ. Кромвель, избѣгнувъ крайнихъ жестокостей, обезпечилъ за собою господство на всю жизнь, но не умѣлъ понять, что его господство было основано на естественномъ вліяніи его превосходныхъ способностей, что ограничивая свободу рѣчи даже въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ монтаньяры, и притомъ съ большимъ тактомъ, онъ превратилъ самыхъ искреннихъ патріотовъ въ своихъ враговъ, приготовилъ себѣ много горькихъ минутъ въ жизни и погубилъ свое потомство. Вашингтонъ избѣгнулъ всѣхъ ошибокъ, поэтому жизнь его была такая счастливая, а слава осталась такою незапятнанною. Много ли ему повредили безчисленныя карикатуры, пасквили, клеветы и нападки, которыя распространялись въ народѣ на его счетъ? Пресса должна быть для государственнаго человѣка не страшилищемъ, а признакомъ, по которому онъ судитъ о возможности и невозможности извѣстныхъ мѣръ. Она указываетъ ему, чего можно ожидать отъ народа и къ чему онъ неспособенъ, когда выгоднѣе отступить на второй планъ и когда наступилъ моментъ для дѣятельности. Энтузіазмъ французскаго народа во время революціонной борьбы нисколько не уступалъ американскому, потребность въ энергической партіи, которая давала бы этой дѣятельности нужную силу и правильность, была столь же велика, глава такой партіи вовсе не нуждался въ томъ, чтобы раздувать въ народѣ звѣрство и возбуждать въ немъ жажду крови. Напротивъ, онъ долженъ былъ бы указать народу путь для достиженія цѣли безъ лишнихъ жестокостей, способныхъ испортить дѣло или породить преждевременную реакцію. Дантонъ скоро почувствовалъ свою ошибку, но было уже слишкомъ поздно, онъ сжегъ свои корабли подобно знаменитому испанцу-авантюристу, но не покорилъ великаго царства, а проложилъ себѣ только дорогу на плаху. Возвышеніе Робеспьера еще менѣе заключаетъ въ себѣ случайности, чѣмъ возвышеніе Дантона. Дантонъ могъ удовлетворить только одной потребности въ смѣломъ дѣятелѣ, а Робеспьеръ былъ народ-

ный герой. Побѣда Робеспьера надъ Дантономъ, это была неизбѣжная побѣда трудолюбія, чистоты нравовъ и энергіи надъ увлекающейся и безпечной геніальностью. Французскій народъ столько пострадалъ отъ мелкаго и жалкаго тщеславія, которымъ одинаково заражены были и высшее общество, доводившее его до крайняго разоренія, и его спасители, начиная отъ Неккера и Мирабо и кончая Дантономъ, что человѣкъ, подобный Робеспьеру, съ его безупречностью и добродѣтелями, съ его искренними убѣжденіями, глубокими и надежными чувствами, долженъ былъ производить и дѣйствительно производилъ на него сильное впечатлѣніе. Сверхъ этого тогдашнее положеніе было таково, что масса народа, при дальнѣйшемъ развитіи революціи, должна была, наконецъ, пріобрѣсти первенствующее значеніе. Искренняя любовь Робеспьера къ этой массѣ создавала между ними тѣсную связь, и изъ всѣхъ дѣятелей революціи Робеспьеръ былъ единственный, который имѣлъ твердые корни въ народѣ. Поэтому, несмотря на нѣкоторые недостатки, весьма существенные впрочемъ для государственнаго человѣка, господство его было естественное. Съ той же смѣлостью, съ тѣмъ же тактомъ онъ могъ лишать вліянія партіи, которыя не удовлетворили существеннымъ потребностямъ народа, но онъ долженъ былъ бы вопервыхъ позаботиться, чтобы въ той средѣ, въ которой онъ дѣйствовалъ, не развивалось нелѣпой безразличной жестокости, чтобы у нихъ была проведена строгая черта между энергическими патріотами ихъ партіи, людьми неспособными къ дѣйствію и открытыми врагами Франціи. Первыя двѣ категоріи должны были составлять громадное большинство народа и пользоваться такой безопасностью, чтобы онѣ сами за себя не имѣли никакой причины бояться. Всѣ послѣдствія умѣренности или недостатка преданности массамъ должны были ограничиваться отсутствіемъ политическаго вліянія. Полагать, что, зажимая ротъ и наводя страхъ безалаберными казнями, можно держаться не опираясь на организованную партію, это было такое легкомысліе, которое могло привести только

къ гильотинѣ. Робеспьеръ точно такъ же, какъ и Дантонъ, скоро замѣтилъ свою ошибку, но и для него отступленіе было невозможно.

Итакъ, вотъ какой мы видимъ результатъ. Дворъ, управляя Франціею, до такой степени разорилъ и озлобилъ народъ, что вся страна пришла въ хаотическое броженіе, несмотря на цензуру, на произвольные аресты, на безпрерывное употребленіе въ дѣло войска и уличныя убійства. Дѣло дошло дотого, что нетолько всѣ эти орудія не дѣйствовали болѣе, но что не было никакой возможности болѣе прибѣгать къ нимъ, даже книги, не нравившіяся двору, нельзя было запрещать, потому что такимъ запрещеніемъ можно было только ухудшить, а не поправить дѣло. Про Людовика XVI-го говорятъ, что онъ былъ добрый человѣкъ, но онъ былъ до такой степени въ рукахъ у своего двора, что дворъ заставлялъ его прибѣгать ко всякимъ жестокостямъ, какія онъ считалъ нужными для своего успокоенія. Читая исторію, не трудно убѣдиться, что если въ это время не сдѣлано было болѣе жестокостей, то только потому, что не было возможности сдѣлать болѣе. Монтаньяры и Робеспьеръ пали потому, что они питали такое же презрѣніе къ мнѣніямъ и чувствамъ расходившихся съ ними частей націи, какъ и дворъ, и точно такъ же, какъ онъ, полагали возможнымъ управлять страною зажимая рты. Столь же мало благополучія принесла система зажиманія ртовъ послѣдующимъ правителямъ. Еслибы директорія не слѣдовала этому способу, то Баррасъ не могъ бы растрачивать такія огромныя деньги и не внушилъ бы къ этому правительству того отвращенія, которое сдѣлало его существованіе столь недолговѣчнымъ. Энергическія мѣры, обуздавшія прессу, оказались и тутъ совершенно безсильными для его спасенія. Если припомнить милліарды денегъ, которые были растрачены во Франціи во время революціи, благодаря невозможности обуздывать недобросовѣстность свободнымъ словомъ, если припомнить потоки крови, которые пролиты были безполезно, благодаря не-

возможности сокращать тѣмъ же путемъ жестокости, то французская революція представитъ для народовъ самый поучительный урокъ пагубности системъ стѣсняющихъ свободное проявленіе мысли и чувства. А если припомнить, какъ правительства, прибѣгавшія къ нимъ, чрезъ это самое введены были въ пагубныя ошибки и губили себя самымъ ужаснымъ образомъ, то это послужитъ весьма знаменательнымъ предостереженіемъ для правителей. Даже Наполеонъ, несмотря на свои огромныя средства, погубилъ себя, потому что, благодаря системѣ молчанія, не могъ соразмѣрить силъ націи. Его легкомысліе поразительно; смѣшно было надѣяться узнать истину посредствомъ однихъ донесеній чиновниковъ, да и этихъ-то чиновниковъ онъ заставлялъ лгать отчасти изъ угодничества и еще болѣе изъ страха передъ его упрямствомъ.

Деспотическое управленіе на Востокѣ, какъ мы видѣли выше, доказало весь вредъ системы устрашенія относительно членовъ семейства и окружающихъ государя. Урокомъ этимъ государи могли воспользоваться уже очень давно. Іоаннъ IV могъ поступать съ своими приближенными точно такъ же, какъ Александръ II-й, и отъ этого произошло бы только хорошее и для него и для другихъ, однакоже необходимо было триста лѣтъ для того, чтобы государи убѣдились въ истинѣ. Французская революція совершенно ясно доказала весь вредъ управленія посредствомъ искусственныхъ пріемовъ и заглушенія голоса оппозиціи. Она показала, что правительство, которое отнимаетъ у оппозиціи естественныхъ ея предводителей и заглушаетъ ея голосъ, поступаетъ въ высшей степени неосторожно, лишаетъ себя и все государство безопасности и тѣмъ подкапываетъ и свое и народное счастье; что такимъ образомъ можетъ погубить себя правительство, стоящее на самомъ твердомъ естественномъ основаніи, напр. наполеоновское. Принципы эти точно также могли получить немедленное примѣненіе, какъ и уроки, данные восточнымъ деспотизмомъ. Однакоже оказалось, что и тутъ правители и народы не умѣли воспользоваться прошед-

шимъ. Въ періодъ броженія во Франціи, Германія также начала мечтать о свободѣ рѣчи. Но тогда полагали, что стоитъ отмѣнить цензуру и явится свобода рѣчи. Надѣялись, что свобода рѣчи можетъ отчасти замѣнить, а отчасти породить представительныя учрежденія. Каковы были въ тѣ времена убѣжденія и чувства людей, видно изъ того, что всего сильнѣе по требованіямъ относительно свободы рѣчи прославилась записка извѣстнаго германскаго государственнаго человѣка Генца, поданная въ 1797 году, а Генцъ былъ защитникомъ цензуры. Опытъ прошедшаго выразился тутъ только въ томъ убѣжденіи, что законъ, сдавливающій мысль, не можетъ быть надлежащимъ образомъ выполняемъ, если для этого не будетъ назначенъ въ полномъ смыслѣ инквизиціонный трибуналъ. Мысль совершенно справедливая, — въ государствѣ нужно или окончательно подавить развитіе интеллектуальныхъ силъ, какъ это сдѣлано было въ Испаніи, и тогда народъ достигнетъ крайней степени нищеты, слабости и невѣжества, король будетъ такъ бѣденъ, что у него въ кошелькѣ не будетъ достаточно денегъ, чтобы пообѣдать, какъ это случалось въ Испаніи и неоднократно съ средневѣковыми королями и восточными деспотами. «150 мараведи — (около 30 коп.) говорится въ одномъ старинномъ испанскомъ документѣ,— совершенно достаточны для содержанія короля и его жены; онъ долженъ совѣтовать своей свитѣ ѣсть умѣренно.» Зато-же онъ будетъ окруженъ суевѣрнымъ обожаніемъ, какъ полубогъ. Или нужно дать полную свободу развитію народныхъ силъ, и тогда это развитіе не будетъ сопряжено ни съ страданіями, ни съ опасностями. Въ противномъ случаѣ народы будутъ постоянно переходить отъ однихъ чувствъ относительно своихъ правителей къ совершенно противоположнымъ и развитіе будетъ сопровождаться лихорадочными потрясеніями, несмотря ни на какія цензурныя и репрессивныя мѣры противъ прессы.

За разработку этого предмета принялись и германскіе ученые, и въ томъ же году, въ которомъ подана была записка Генца, явилось сочиненіе подъ заглавіемъ: «О сво-

бодѣ прессы». Германскіе ученые того времени съ истинно германской степенностью начали съ того, что кинулись отъискивать ограниченія, которыя необходимы для прессы, и наконецъ пришли къ глубокомысленному заключенію, что въ государствѣ право сообщать свои мысли должно быть подчинено цѣли государства, поэтому государство и имѣетъ право опредѣлять предметы, гдѣ всего легче можетъ обнаружиться злоупотребленіе свободою слова. Такимъ образомъ они дѣйствовали въ то время, когда общество всего болѣе нуждалось въ сочиненіяхъ, способныхъ доказать ему, основательными фактами и выводами, крайнюю необходимость свободы слова для нормальнаго развитія государства. Они поступали такимъ образомъ на томъ поприщѣ, гдѣ они всего болѣе были заинтересованы искать свободы: что же можно было ожидать отъ нихъ на другихъ? Какъ рѣзко тутъ обозначилась разница между ними и тактомъ писателей англійскихъ. Идеи приводили къ мѣрамъ. Такъ въ Баваріи 13 іюня 1803 года отмѣнена была цензура. Но баварское правительство поступало слишкомъ недобросовѣстно, чтобы послѣдовательно выдержать принципъ свободы рѣчи,—цензура удержана была для газетъ. Но вѣдь книги порождаютъ только новыя идеи, та часть прессы, которая всего болѣе способствуетъ правильному и спокойному развитію народныхъ отношеній и чувствъ, состоитъ именно изъ газетъ; безъ періодическихъ изданій, появляющихся во всѣхъ частяхъ государства, защищающихъ настолько же общіе, насколько и мѣстные интересы, доводящихъ до всеобщаго свѣдѣнія всѣ мѣстныя страданія и потребности, печать не можетъ достигнуть своей цѣли.

Въ Европѣ въ это время самыя здравыя, кажется, заключенія изъ пережитаго опыта выведены были въ Швеціи. 7 іюня 1809 года тамъ появляется конституція, гдѣ было сказано: «ст. 85. Основными законами страны слѣдуетъ считать законы объ образѣ правленія и о земствѣ, о порядкѣ престолонаслѣдія, и законъ объ общей свободѣ печати. Ст. 86. Подъ словомъ свобода печати нужно подразумѣвать право каждаго шведа издавать сочиненія безъ

всякихъ препятствій со стороны общественной власти. За сочиненія эти только судъ можетъ потребовать къ отвѣту, наказаніе можетъ быть наложено только въ томъ случаѣ, если содержаніе противно ясному и точному закону, который данъ для охраненія общаго спокойствія и не налагаетъ стѣсненій развитію просвѣщенія въ народѣ. Всякаго рода общественныя бумаги и протоколы, какое бы они ни носили названіе, могутъ быть безъ всякаго дозволенія опубликованы посредствомъ печати, за исключеніемъ протоколовъ, хранящихся въ государственномъ совѣтѣ и у короля по министерскимъ и касающимся до военныхъ распоряженій дѣламъ. Протоколы и бумаги, касающіяся банка и государственнаго долга, должны быть содержимы въ тайнѣ.» Конечно довольно странно, что финансовая тайна тутъ разсматривается наравнѣ съ военною, какъ орудіе противъ внѣшнихъ враговъ. Но за этимъ исключеніемъ статья конституціи хорошо рекомендуетъ себя, и шведскій законъ о печати считается однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Особенно обращаетъ на себя вниманіе постановленіе конституціи, которое требуетъ ясныхъ законовъ о печати и лишаетъ судъ права наказывать въ случаѣ неясности этихъ законовъ. Въ законодательствахъ материка Европы въ XIX вѣкѣ мы видимъ постоянную наклонность въ противоположную сторону,—тамъ стремятся къ законамъ неопредѣленнымъ, чтобы ими можно было пользоваться по усмотрѣнію. Ничто не оказалось настолько вреднымъ для общественнаго спокойствія и для правильнаго развитія, какъ эти стремленія, ничто не возбуждало противъ себя столько ненависти, какъ неопредѣленное законодательство о печати. Послѣ этого конституціоннаго постановленія, въ іюнѣ 1812 года изданъ былъ законъ о печати. Закономъ этимъ устраняются всякаго рода предупредительныя мѣры противъ печати, а также всѣ мѣры репрессивныя. Ни въ одномъ законодательствѣ Европы не выражена такъ ясно мысль, что нельзя преслѣдовать за направленіе и что предметомъ преслѣдованія можетъ быть только отдѣльное выраженіе. Типографское ре-

месло совершенно свободно, нѣтъ и рѣчи о концессіяхъ и залогахъ для ежедневной прессы. Издатель отвѣчаетъ, если онъ не назоветъ сочинителя. При обвиненіи требуется, чтобы цѣликомъ были выписаны тѣ мѣста, за которыя обвиняютъ. Судъ производится посредствомъ спеціальныхъ присяжныхъ. Каждая сторона выбираетъ четырехъ, судъ выбираетъ пять человѣкъ; затѣмъ каждая сторона исключаетъ двухъ и остается девять. Для осужденія необходимо шесть голосовъ. Утверждаютъ, что этотъ законъ о печати никогда не подавалъ повода къ неудовольствію или стѣсненію мысли. Хотя это и не справедливо, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что значительной свободѣ слова Швеція обязана тѣмъ, что въ ней сохранялось спокойствіе и въ тридцатыхъ и сорокъ восьмомъ году, наравнѣ съ другими странами, гдѣ рѣчь была также свободна. До 1809 года это была несчастная, тиранизированная страна, въ ней не было ни спокойствія, ни безопасности, между различными классами общества существовала жгучая вражда; нетолько какіе-нибудь писатели, но члены законодательнаго собранія не были нисколько ограждены отъ произвола. Она до такой степени ослабла, что теряла одну часть своихъ владѣній за другою. Наконецъ въ 1809 г. послѣдовало возстаніе, король былъ арестованъ и долженъ былъ отказаться отъ престола за себя и за своихъ наслѣдниковъ. Королемъ избранъ былъ Карлъ XIII, а черезъ годъ выбранъ ему въ наслѣдники генералъ Бернадотъ. Бернадотъ былъ избранъ потому, что онъ въ прежней своей административной дѣятельности обнаружилъ несравненно бо́льшія политическія способности, чѣмъ его повелитель Наполеонъ. Наполеонъ не любилъ его и очень былъ недоволенъ этимъ избраніемъ. Бернадотъ не былъ охотникомъ до нововведеній и противился имъ, противился даже расширенію законовъ о печати; но онъ не стѣснялъ печать и вообще отличался терпимостью и уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ и чувствамъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ королямъ, которые, подобно Леопольду Бельгійскому, умѣли быть королями не покушавши-

мися на самостоятельность своихъ подданныхъ. Законъ о свободѣ слова оставался неприкосновеннымъ, и Скандинавскій полуостровъ доказалъ намъ, какъ свобода слова способна успокоить страну мятежную и раздираемую сословной ненавистью. уничтожить закоренѣлую національную ненависть и составить спокойное и даже счастливое государство изъ ненавистныхъ другъ другу элементовъ.

ГЛАВА VIII.

Реставрація.—Обманчивый законъ 1814 года и законъ о цензурѣ всеобщее неудовольствіе. возвращеніе Наполеона.—Законодательство Германіи; Голландіи и народное убѣжденіе о необходимости свободы рѣчи. — Законодательство Франціи послѣ возвращенія Людовика XVIII го; законы 1819 года; — борьба партій и недостатокъ въ народѣ убѣжденія въ необходимости свободы рѣчи, — законы о печати служатъ орудіемъ борьбы; — законы 1822 года—законъ о направленіяхъ, законъ репрессивный. — Аристократы пользуются стѣсненіемъ прессы для самаго безсовѣстнаго грабежа. — Законъ 1828 года, паденіе Мартиньяка и террористъ—введеніе цензуры—революція 1830 года. — Французы не въ состояніи убѣдиться въ необходимости свободы рѣчи—бѣдственныя послѣдствія отъ этого для Франціи. — Господство цензуры въ Германіи, ея ученые, первыя конституціи и союзный законъ 1819 года. 1830 годъ и его послѣдствія —1848 годъ.—Союзный законъ 1854 года вводитъ репрессивную систему и преслѣдованіе направленій и губитъ союзъ.—Пруссія; гоненіе на мысль; зачатокъ убѣжденій въ необходимости свободной рѣчи спасаетъ Пруссію и Европу.

Послѣ низверженія Наполеона съ перваго же шага оказалось, что уроки исторіи ничему не научили государственныхъ людей Европы, а народы если и выучились чему-нибудь, то это было крайне шатко и поверхностно. Свобода рѣчи считалась тогда такимъ необходимымъ условіемъ конституціоннаго управленія, что нельзя было не упомянуть объ ней во французской конституціи. О соблюденіи же такой свободы и о томъ, чтобы положить ее въ основаніе прочнаго и мирнаго государственнаго развитія, никто не думалъ, напротивъ хотѣли поставить Францію въ то же положеніе, въ которомъ находились напр. русскія земли въ XI-мъ вѣкѣ: придетъ одинъ князь, выгонитъ изъ всѣхъ мѣстъ высшее сословіе и посадитъ своихъ, черезъ годъ приходитъ другой и повторяется тоже самое.

Изъ послѣдующаго мы увидимъ, что̀ вышло изъ обращенія Франціи къ такимъ порядкамъ; эти порядки приличны въ до-государственный періодъ, а не среди цивилизованныхъ народовъ. Разсчитывая на обираніе силою имущества у настоящихъ его собственниковъ, правительство полагало оградить себя стѣсненіемъ рѣчи, поэтому въ 8 п. конституціонной хартіи, 4 іюня 1814 г., было сказано: «Французы имѣютъ право публиковать и печатать свои мнѣнія, сообразуясь съ законами, которые должны подавлять злоупотребленіе этой свободы.» Въ простомъ переводѣ это значило: «мы тутъ распорядимся, какъ намъ угодно». Дѣйствительно вскорѣ, а именно 21 октября, явился законъ, который установлялъ цензуру для всѣхъ печатныхъ сочиненій менѣе 20-ти листовъ. Цензуру эту поставили въ зависимость отъ коммиссіи, въ которой должны были засѣдать шесть аристократовъ (три пера и трое, назначенные королемъ) и три депутата. Кромѣ того за малѣйшее нарушеніе законовъ о печати постановили неслыханныя наказанія, напр. за учрежденіе типографіи безъ дозволенія 10,000 франковъ пени и шесть мѣсяцевъ тюрьмы, за непредставленіе правительству законныхъ экземпляровъ типографщикъ платитъ 1000 и 2000 франковъ пени, за невыставленіе на сочиненіи своего имени и адреса типографщикъ платитъ отъ 3000 до 6000 франковъ. Книгопродавецъ, у котораго найдется книга, гдѣ не выставлено имени и адреса типографщика, платитъ 2000 франковъ. Напрасно въ обѣихъ палатахъ протестовали противъ этихъ законовъ, напрасно указывали на конституцію, которая разрѣшаетъ подавлять, а не предупреждать злоупотребленія прессы. Правительство имѣло въ палатахъ искусственное большинство и возраженія ни къ чему не вели. Создавъ такое драконовское законодательство, Людовикъ XVIII-й и сопровождавшіе его аристократы воображали, что они обезопасили государство отъ всякихъ волненій. Но самые ихъ законы, указывая на ихъ намѣренія, навели ужасъ на страну. Роялисты, пользуясь этой цензурой, стали громко проповѣдывать въ своей прессѣ возвра-

щеніе старыхъ порядковъ, установленіе десятинъ, обратное отобраніе имуществъ, принадлежащихъ аристократіи. Народъ, читая эти статьи, разрѣшенныя цензурой, видѣлъ въ нихъ прямое выраженіе намѣреній правительства. Милліоны людей, которые во время революціи на послѣднюю трудовую копейку купили землю, каждый день ждали, что они будутъ лишены и собственности, которою владѣли уже въ теченіе цѣлаго поколѣнія, и всѣхъ средствъ къ существованію. Рядомъ съ ними не было ни одного француза, который бы не опасался лишиться своего счастья и своего положенія. Оппозиція ловко провела черезъ цензуру нѣсколько самыхъ рѣзкихъ статей, которыя разошлись въ огромномъ числѣ экземпляровъ, и когда были захвачены, то было уже поздно. Рядомъ съ цензурой процвѣтала тайная литература, которая сыпала стихами, пѣснями, карикатурами. Одно время существовала даже тайная газета, которая всѣмъ извѣстіямъ правительства противупоставляла свои, и мало было людей, которые не были знакомы съ этими оппозиціонными извѣстіями. Легитимное правительство такъ мало подѣйствовало, что въ слѣдующемъ году Наполеонъ былъ призванъ французами обратно съ острова Эльбы и нетолько не встрѣтилъ въ странѣ сопротивленія, но его походъ былъ похожъ на торжественное шествіе. Земледѣльцы толпились около него и съ самымъ искреннимъ энтузіазмомъ привѣтствовали его, какъ своего избавителя. Парижане, для которыхъ опасность быть ограбленными была не такъ велика, какъ для сельскаго населенія, взглянули на дѣло нѣсколько иначе; они стали опасаться, чтобы Наполеонъ не принесъ съ собою своихъ прежнихъ политическихъ воззрѣній. Наполеонъ въ Парижѣ старался всячески одолѣть свои политическіе предразсудки,— утверждаютъ даже, что онъ говорилъ: «Я хочу свободныхъ учрежденій, свободной прессы, въ особенности свободной прессы, подавлять ее это нелѣпость, я совершенно въ этомъ убѣжденъ.» Законъ о прессѣ гласилъ: «Каждый гражданинъ имѣетъ право безъ всякой предварительной цензуры печатать и публиковать свои мысли. подписывая

ихъ; за напечатанное онъ отвѣчаетъ передъ закономъ, но долженъ быть судимъ присяжными даже и тогда, когда за его поступокъ назначено только исправительное наказаніе.» Никто конечно не вѣрилъ искренности Наполеона, но фактъ этихъ уступокъ показываетъ, что отсутствіе свободы слова было уже у французовъ наболѣвшимъ мѣстомъ, хотя убѣжденіе въ необходимости и понятія о пользѣ свободы слова были еще очень слабы и шатки. Еслибы чувства Франціи въ этомъ отношеніи были сколько-нибудь правильнѣе, то союзныя державы не представили бы никакого затрудненія введенію свободнаго слова и Франція избавила бы себя отъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ несчастій, которыя ее потомъ бичевали. Пресса дѣйствовала безъ всякаго стѣсненія, преслѣдовали слабо, судьи оправдывали преслѣдуемыхъ. Лене могъ безнаказанно печатать, что «онъ взываетъ къ гражданамъ, во имя французской націи, и приглашаетъ ихъ не платить податей тирану и узурпатору.» Пресса осмѣивала эффектные пріемы Наполеона и изображала ихъ въ карикатурѣ. Наполеонъ показалъ силу воли, не сдѣлалъ глупости и оказалось, что эта свободная пресса съ ея карикатурами и манифестами дала ему возможность вооружиться и начать борьбу съ союзниками. Онъ однакоже уступалъ съ такимъ явнымъ отвращеніемъ, что внушалъ къ себѣ полное недовѣріе. Въ исторіи Ста Дней болѣе чѣмъ когда-либо ярко обнаруживается, какое парализующее вліяніе имѣетъ долгое господство съ помощью стѣсненнаго слова. Большинство вліятельныхъ въ странѣ людей, припоминая свое прошедшее, припоминая, какъ они были связаны въ свободномъ выраженіи своихъ чувствъ и мнѣній, оставались холодными въ виду грозившей странѣ опасности. Они ненавидѣли Бурбоновъ, но не хотѣли и Наполеона. Франція того времени была живое изображеніе тѣхъ странъ, которымъ свобода слова не дала серьезныхъ чувствъ и привычки къ откровенности. Энтузіазмъ обильно изливается въ словахъ и оказывается слабымъ на дѣлѣ, и Бурбоны и Наполеонъ окружались шумными восторгами и не находили помощи въ минуту опас-

ности. Наполеонъ былъ изгнанъ, Людовикъ XVIII и его конституція возстановлены. Что же дѣлалось въ это время въ Европѣ?

Дипломаты и государственные люди Европы показали степень своего политическаго развитія уже тѣмъ, что они водворили Людовика XVIII съ его аристократами во Франціи для возстановленія старинныхъ порядковъ. Посылая въ страну толпу людей, которая должна была въ милліонахъ мелкихъ собственниковъ возбудить опасеніе за свое имущество и за счастье всей своей жизни, они не подумали о томъ, какой они опасный подаютъ примѣръ. Вѣдь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ они кричали же, что эти аристократы были ограблены—ихъ было только нѣсколько десятковъ тысячъ, въ ихъ рукахъ было управленіе, они сами своимъ злоупотребленіемъ власти и своими несправедливостями довели до взрыва,—несмотря на это поступить такъ круто, какъ съ ними было поступлено, можно было только тогда, когда государство обратилось въ разбойничью шайку. Какъ же государственные люди и дипломаты не подумали, что снова потрясти въ странѣ установившійся порядокъ, подвергнуть опасности собственность милліоновъ людей, купившихъ ее на трудовыя деньги и основавшихъ на ней все свое бѣдное существованіе, это значило опять обратить государство въ разбойничій вертепъ. Такъ они поступали съ страной сосѣдней, изъ которой взгляды и чувства самымъ рѣзкимъ образомъ отражались на ихъ собственномъ отечествѣ. Они должны были ожидать, что послѣ этого и у нихъ породятся тѣ уродливыя міровоззрѣнія, которыя создаются въ странахъ, раздираемыхъ продолжительными междоусобіями и ожесточенной внутренней враждой, и заражаютъ сосѣдей. Если таковы были ихъ поступки съ Франціей, то что можно было ожидать отъ нихъ во внутренней политикѣ? Въ ст. 18 постановленія о германскомъ союзѣ отъ 8 іюня 1815 года было сказано, что союзное собраніе, въ первомъ же своемъ засѣданіи, позаботится о введеніи единообразныхъ правилъ для свободы печати. Союзъ оказался дѣй-

ствительно въ этомъ отношеніи весьма заботливымъ, но онъ заботился не о свободѣ слова, а объ ея стѣсненіи и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы предупредить появленіе гдѣ-либо въ Германіи свободныхъ законовъ. Среди этого жалкаго настроенія общества рѣзко отличалась Голландія; тамъ у населенія дѣйствительно существовало глубокое убѣжденіе въ необходимости и пользѣ свободнаго слова. Лишь только Нидерланды освободились отъ французскаго владычества, какъ изданъ былъ законъ 14 января 1814 года. Закономъ этимъ отмѣнялась цензура, которая «вполнѣ противорѣчитъ свободомыслію, такъ дорого цѣнимому каждымъ нидерландцемъ и искони отличавшему правительство этой страны.» На основаніи этого закона при полной свободѣ изданія отвѣтственность можетъ быть только передъ судомъ. Если непзвѣстенъ писатель, то отвѣчаетъ одинъ издатель. Отвѣтственность нѣсколькихъ лицъ за одно и то же сочиненіе всегда возбуждала неудовольствіе въ свободныхъ народахъ. Довольно и одной жертвы, говорили бельгійцы. Въ особенности возмутительными представлялись французскіе пріемы, гдѣ умышленно, для того чтобы убить мысль и науку, сосредоточивали строгія наказанія на типографщикахъ и книгопродавцахъ, старались поставить типографщиковъ и книгопродавцевъ въ такое положеніе, чтобы они за продажу неправящейся правительству книги рисковали потерять право продолжать свое ремесло. Такимъ образомъ писатели поставлялись въ зависимость отъ спекуляторовъ, которымъ до идеи не было никакого дѣла и которые тряслись за свой капиталъ. Такая зависимость имѣла самыя печальныя послѣдствія, литература оказывалась въ положеніи еще болѣе жалкомъ, чѣмъ при цензурѣ. Отвѣчать долженъ одинъ писатель, потому что сочиненіе—это исключительно его поступокъ, типографщикъ, книгопродавецъ и даже издатель могутъ вовсе не знать его содержанія или знать очень поверхностно. Въ большихъ городахъ есть книжные склады, составляющіе цѣлыя подземныя улицы, капиталистъ не знаетъ содержанія и сотой доли находящихся тамъ книгъ; во французскомъ законода-

тельномъ собраніи не даромъ замѣчали, что подобные книгопродавцы спятъ на вулканѣ. Издатель долженъ отвѣчать только въ томъ случаѣ, если онъ не хочетъ назвать сочинителя. Секвестръ книги, за которую сочинитель подлежалъ суду, также не допускался голландскимъ законодательствомъ; по крайней мѣрѣ въ законѣ о печати объ этомъ ничего не было сказано, а въ ст. 171 конституціи 1815 года было сказано: «ни за какое преступленіе нельзя конфисковать имущества.» — Такое постановленіе, доказывающее уваженіе къ правамъ, господствующее въ странѣ, встрѣчается и во многихъ другихъ хорошихъ законодательствахъ.

Послѣ изданія вышеупомянутаго закона о печати къ Голландіи присоединена была Бельгія и издана новая конституція, а затѣмъ 28 сентября 1816 года дополнительный законъ о печати. Приэтомъ правительство вооружалось противъ преслѣдованія направленій: «Пока разсудительность и откровенность составляютъ основанія національнаго характера, нельзя опасаться за борьбу истины съ заблужденіемъ и поэтому мы не намѣрены ограничивать никакими предписаніями обсужденія дѣлъ внутренняго управленія и выраженіе мнѣній по этому предмету.»Искренность и честность правительства въ этомъ случаѣ не подлежали никакому сомнѣнію и были въ поразительномъ контрастѣ съ общимъ направленіемъ, господствовавшимъ тогда въ Европѣ, не исключая Англіи. Къ несчастью вскорѣ у него началась ссора съ бельгійцами, о которой мы уже говорили выше, и уже въ 1818 году оно имѣло слабость прибѣгнуть къ ограниченію прессы. Въ 1824 году оно вынуждено было отмѣнить этотъ законъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и закономъ 1 іюня 1830 года постановлено наказывать за возбужденіе «ненависти и презрѣнія» противъ короля и другихъ властей. Такое постановленіе встрѣчалось и въ другихъ законодательствахъ и англійскіе юристы примѣняютъ его даже къ Англіи. Крайняя неопредѣленность такого правила дѣлала возможнымъ съ большою легкостью обращать его въ оружіе противъ прессы: что такое ненависть и презрѣніе, чѣмъ онѣ возбуждаются? Всякій мо-

жетъ толковать это по-своему — ни одинъ писатель не въ состояніи опредѣлить границы, гдѣ онъ остается въ предѣлахъ закона и гдѣ онъ дѣлается преступникомъ. Кромѣ того подобный законъ слабъ со стороны юридической. Для того, чтобы наказать кого-нибудь, нужно, чтобы фактъ преступленія совершился или чтобы было покушеніе, т. е. чтобы со стороны преступника приняты были такія мѣры, которыя непремѣнно бы привели къ совершенію преступленія, — я не преступникъ, если я выстрѣлилъ въ столбъ или въ куклу вмѣсто человѣка. Если кого-либо обвиняютъ въ томъ, что онъ сочиненіемъ порождалъ ненависть и презрѣніе, то нужно доказать, что книга дѣйствительно породила въ комъ-нибудь ненависть и презрѣніе или что она непремѣнно бы ихъ породила, еслибы ее прочли — но возможно ли это доказать? Чрезъ подобные законы и судьи и обвиненный ставятся въ ложное положеніе. Поэтому подобные законы нерѣдко сами противъ себя возбуждали тѣ чувства, которыя они хотѣли подавить въ другихъ. Законъ перваго іюня произвелъ взрывъ негодованія, правительство завалено было петиціями, въ которыхъ насчитывали до 300,000 подписей, требовали свободу прессы, свободу преподаванія, судъ присяжныхъ,—король закрылъ генеральные штаты, но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ вспыхнуло возстаніе и Бельгія отдѣлилась. Во Франціи вѣроятно начались бы послѣ этого еще большія строгости противъ прессы, которыя довели бы страну до окончательной деморализаціи. Но не такова была Голландія. Отдѣленіе Бельгіи послужило ей урокомъ и предостереженіемъ. Правительство дѣлало потомъ новыя ошибки, но свободы рѣчи не стѣсняло. Стѣснительные законы всѣ были отмѣнены, и когда затѣмъ конституція пересматривалась въ 1848 году—не оказалось никакой надобности въ измѣненіи законовъ о печати.

Вторичное изгнаніе доказало Людовику XVIII, какъ опасенъ былъ его первоначальный рѣзкій и легкомысленный образъ дѣйствій. Онъ явился въ страну какъ настоящій внѣшній завоеватель, часть Франціи была въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занята иностранными войсками. Въ короткое его отсутствіе пресса чрезвычайно оживилась. Явилось множество мелкихъ листковъ и пресса грозила принять тѣ размѣры, какіе она имѣетъ въ странахъ свободныхъ. Все это было убито разомъ. Иначе невозможно было и поступить, потому что въ это время роялисты на югѣ и западѣ Франціи предавались такимъ неистовствамъ, которыя встрѣчались только въ самыя ужасныя времена Варѳоломеевской ночи и Террора. Рядомъ съ законными властями роялисты имѣли свою террористическую полицію, состоявшую изъ палачей и убійцъ. Когда убивалась слишкомъ популярная личность, то газеты объявляли ее самоубійцею и тѣмъ дѣло кончалось. При отсутствіи цензуры это конечно было бы невозможно. Роялистскіе журналы печатали самыя наглыя и вызывающія статьи. Раздраженіе въ обществѣ было такъ велико, что король почувствовалъ наконецъ необходимость умѣренности. Но лишь только король вступилъ на этотъ путь, роялисты составили заговоръ и хотѣли свергнуть его съ престола. Заговоръ не удался, но попытка прошла имъ даромъ. Невозможно было не положить конца этому безчинству и король призвалъ къ управленію умѣренную партію. На прессѣ эта умѣренность отозвалась законами 1819 года. Умѣренными эти законы могли показаться только съ французской точки зрѣнія. Во Франціи, если человѣка безъ всякой вины и по одному подозрѣнію не бросаютъ въ тюрьму и не швыряютъ въ ссылку, то уже кажется, что съ нимъ поступаютъ очень милостиво. На основаніи закона отъ 9 іюня журналы и политическія газеты могли уже появляться безъ цензуры, но для этого нужно было представить залогъ, который составлялъ смотря по значительности города отъ 15,000 до 200,000 франковъ. При такомъ условіи самая нестѣсненная рѣчь не могла имѣть вліянія свободной прессы. Для

того, чтобы пресса имѣла свое успокоительное вліяніе, всего болѣе необходима та дешевая литература, которая распространяется между самыми низшими слоями читающихъ. Издатели этихъ періодическихъ листковъ, изъ которыхъ всего яснѣе видны воззрѣнія и нужды массъ, обыкновенно едва существуютъ, иногда даже съ помощью субсидій, о залогахъ тутъ конечно не можетъ быть и рѣчи. Въ особенности при томъ состояніи, въ которомъ находилась Франція при Людовикѣ XVIII, законъ о залогахъ былъ крупной политической ошибкой, а къ залогамъ прибавленъ былъ еще штемпель. Это окончательно убивало мелкую литературу, гдѣ именно и говорится о настоящихъ нуждахъ народа, и оставляло крупную,—литературу богатыхъ людей, мстительныхъ, ссорившихся изъ-за власти, гдѣ блестящія фразы насчетъ нужды народной служили чаще всего только прикрытіемъ властолюбивыхъ и мстительныхъ замысловъ. Мысль связывать судьбу писателя съ людьми, дѣйствующими исключительно изъ-денежнаго интереса, тутъ имѣетъ уже полное примѣненіе. Эта основная мысль такъ-называемой репрессивной системы скоро сдѣлала ее еще болѣе ненавистною, чѣмъ была цензура; это была цензура капиталиста, опасающагося за свой капиталъ, цензура, которая оказалась несравненно болѣе тягостною, чѣмъ цензура чиновника. По закону 9 іюня за статьи журнала и газеты отвѣчали нетолько авторы и редакторы ихъ, но и собственники и издатели. Изданные въ томъ же году законы о наказаніяхъ за оскорбленіе чиновниковъ были крайне жестоки, напр. за опубликованіе неправильнаго поступка чиновника по службѣ, если справедливость публикаціи не будетъ достаточно доказана, виновный могъ быть подвергнутъ заключенію на 18 мѣсяцевъ и даже на два года и пенѣ до 4,000 франковъ, для періодическихъ изданій пени могли быть удвоены и даже увеличены вчетверо. Побужденіе къ совершенію нетолько проступка, но жестокаго уголовнаго преступленія наказывалось гораздо слабѣе. Эта обидчивость французскихъ

чиновниковъ доказываетъ, какъ они были склонны къ злоупотребленіямъ и къ притѣсненію народа.

Этотъ законъ, вынужденный обстоятельствами, все-таки произвелъ свое дѣйствіе. Число періодическихъ изданій увеличилось. Правительство, конечно, испугалось и начало преслѣдованія. Но ожесточеніе было такъ велико, что преслѣдованія только возвышали славу журнала. Министерство не знало, что дѣлать. Между тѣмъ аристократы приставали къ нему и требовали дальнѣйшихъ преслѣдованій. Для успокоенія взволнованнаго общества оно должно было обѣщать развитіе конституціонныхъ началъ, значительныя реформы и не выполняло ни одного изъ своихъ обѣщаній. Пресса живо упрекала его въ бездѣятельности. Такъ какъ все общество было возмущено противъ аристократовъ, то присяжные признавали невинными писателей, предаваемыхъ ихъ суду. Правительство нетолько не думало дѣлать уступокъ, способныхъ успокоить общество, но принимало такія мѣры, которыя грозили бѣдой всѣмъ тѣмъ, чья собственность куплена была послѣ изгнанія Бурбоновъ. Священники вели себя такъ, что французы опасались возвращенія клерикальнаго господства и десятинъ. Тогда на счастье аристократовъ какой-то безумецъ вздумалъ умертвить герцога беррійскаго. Побѣда разомъ перешла въ руки аристократовъ. «Вотъ до чего вы довели, вотъ что сдѣлала свобода рѣчи», — кричали они, требовали перемѣны министерства и стѣсненія печати, стѣсненія тамъ, гдѣ и безъ того были связаны по рукамъ и ногамъ. Король чувствовалъ всю опасность, которой его подвергали ненасытные союзники. «Дитя мое, — сказалъ онъ своему министру, — крайніе (аристократы) приготовляютъ намъ ужасную войну; они воспользуются моимъ горемъ, они нападутъ не на вашу, а на мою систему.» Министръ предложилъ свою отставку. «Я требую, чтобы вы остались, — сказалъ король,—я не позволю васъ отдѣлить отъ меня.» Однакоже онъ позволилъ. Назначеніе новаго министерства было прямой угрозой противъ прессы, въ ней раздался крикъ отчаянія и крикъ этотъ встрѣ-

тилъ отголосокъ даже въ самыхъ отдаленныхъ селеніяхъ страны. Весь народъ былъ перепуганъ. Вотъ возвратятся десятины и феодальныя права, имущество будетъ отобрано и роздано эмигрантамъ, управленіе страною перейдетъ въ руки духовенства. Грозной тучей поднялся снова образъ роялистическаго терроризма; пролитая имъ кровь еще дымилась на югѣ. На помощь аристократамъ приспѣли тутъ же испанская революція и волненія въ Европѣ. Тогда министерство предложило цензуру и окончательное уничтоженіе свободной рѣчи. Оно было такъ рѣшительно, что даже крайніе аристократы и Шатобріанъ испугались этого. Завязалась борьба, но министерство взяло верхъ. Назначены были цензоры, оппозиціонная пресса замолчала. Даже тѣ статьи, которыя нельзя было не пропустить, задерживались такъ долго, что онѣ теряли всякое значеніе. Къ центральнымъ мѣрамъ присовокупились распоряженія, адресованныя къ мѣстнымъ начальникамъ. Ужасъ былъ всеобщій, составились ассоціаціи для огражденія невинныхъ жертвъ, которыми министерскій произволъ наполнялъ тюрьмы. Во главѣ стояли лица слишкомъ извѣстныя: Лафайетъ, Лафитъ, Перье, Барро. Скоро министерство почувствовало, что оно надѣлало величайшихъ глупостей, но для него не было отступленія. Журналы были невозможны, но брошюры плодились. Зажавъ ротъ прессѣ, нельзя было зажать его народнымъ представителямъ. Но даже еслибы возможно было заставить молчать депутатовъ, то это все-таки ни къ чему бы не привело. Страхъ плодилъ ожесточеніе безъ всякой помощи прессы и рѣчей. Народъ, противупоставленный аристократической партіи, тѣсно соединился. Чѣмъ сильнѣе дѣлалось волненіе, тѣмъ далѣе шло министерство въ своихъ репрессивныхъ мѣрахъ. Сдѣлано было распоряженіе объ энергическомъ преслѣдованіи брошюръ. Нѣсколько разъ онѣ захвачены были массами, безъ всякаго толку и разбору. Суды присуждали писателей въ большомъ числѣ къ тяжкимъ наказаніямъ. Ожесточеніе еще болѣе увеличивалось. Тогда правительство стало преслѣдовать юношество.

Аристократы открыто угрожали, что они возобновятъ кровавыя сцены, бывшія на югѣ. Ихъ журналы проповѣдывали контръ-революцію. Они опять устроили тайное правительство, которое было сильнѣе законнаго. Посредствомъ подкуповъ они завладѣли и палатами. Все это привело наконецъ къ развязкѣ. Въ февралѣ убитъ былъ герцогъ беррійскій, а въ іюнѣ вспыхнула революція. Итакъ, вотъ къ чему привели всѣ эти стѣсненія, угрозы и жестокости; въ странѣ совершенно истощенной и утомленной, они искусственнымъ образомъ произвели революціонное движеніе. Но народъ былъ еще слишкомъ слабъ для энергическаго дѣйствія — революція была потоплена въ крови. Въ іюнѣ было подавлено одно движеніе, въ августѣ открытъ и подавленъ заговоръ. Послѣдовали выборы. Правительство позаботилось, чтобы палаты наполнились аристократами. Но даже аристократы были недовольны министерствомъ. Вопросъ о цензурѣ сдѣлался жгучимъ вопросомъ и даже аристократы потребовали отмѣну. Впрочемъ, тутъ не было политическаго такта, они просто хотѣли, подъ шумъ общественнаго мнѣнія, издать такой законъ, который, зажимая ротъ противникамъ, дозволилъ бы имъ кричать о необходимости возвратить аристократамъ конфискованныя въ революцію имѣнья. Благоразумные аристократы видѣли, что желанія ихъ партіи такого рода, что они должны кинуть страну въ бездну безвыходной анархіи, а поэтому аристократы раздѣлились на двѣ, рѣзко противуположныя партіи. Но лишь только это случилось, они увидѣли, что ихъ министерство при такомъ состояніи никакъ не можетъ дѣйствовать. Благоразумнымъ осталось одно,—слѣдовать за аристократами-анархистами, и они рѣшились на законъ о прессѣ, составленный въ духѣ крайнихъ, отстаивая только самыя необходимыя видоизмѣненія. Это только испортило дѣло, умѣренные должны были выйти изъ министерства. Министры болѣе рѣзкаго оттѣнка предложили такой законъ о прессѣ, что лишь только его прочли, въ палатѣ закричали: «Вы хотите рабства, вы хотите уничтожить печать». Явились въ свѣтъ законы, изданные въ мартѣ

1822 года. Законъ 17 марта называется закономъ о направленіяхъ. На основаніи этого закона ни одно политическое періодическое изданіе не могло появляться безъ королевскаго разрѣшенія. Если окажется, что духъ періодическаго изданія можетъ повредить общественному спокойствію, уваженію къ религіи, власти короля, устойчивости конституціонныхъ учрежденій, неприкосновенности продажи національныхъ имуществъ и спокойному владѣнію этими имуществами, то изданіе журнала можетъ быть остановлено судомъ въ первый разъ на мѣсяцъ, во второй на три мѣсяца, а въ третій совершенно запрещено. 25 марта явился законъ репрессивный. Тутъ вполнѣ развито репрессивное ученіе и назначаются наказанія за возбужденіе ненависти и презрѣнія противъ короля или различныхъ классовъ общества. «Вы сковали обоюдоострое оружіе,—говорили умѣренные аристократы своимъ братьямъ,—смотрите, чтобы мечъ, который вы держите въ рукахъ, не обратился противъ васъ.» Всѣ бѣдствія, которыя постигали Европу чрезъ преслѣдованіе направленій, начиная съ XVI-го вѣка, не послужили предостереженіемъ противъ этого закона, даже о вредномъ для религіи не было позабыто. Въ странѣ, которая была въ такомъ положеніи, какъ тогдашняя Франція, гдѣ партіи, достигавшія господства посредствомъ централизаціи, пріобрѣтали огромную власть и столько средствъ преслѣдовать другъ друга, можно ли было давать имъ въ руки такое могущественное и обоюдоострое оружіе? Онѣ могли преслѣдовать за направленіе, за возбужденіе ненависти и презрѣнія и наказывать даже не судомъ присяжныхъ, а посредствомъ полицейскихъ судовъ. Это значило кинуть народъ въ бездну взаимной ненависти, анархіи, нескончаемыхъ безпорядковъ и притѣсненій. Ожесточеніе и отчаяніе, произведенное этимъ закономъ, покрыло всю Францію заговорщиками и заговорами. Карбонаризмъ распространился всюду, вспыхнуло возмущеніе и опять не удалось. Полилась кровь, послѣдовали казни. Тогда аристократы пошли еще далѣе. Они придумали водворить во Франціи господство духовенства.

Всюду являлись и распоряжались миссіонеры и монахи. Нельзя безъ глубокаго сожалѣнія читать всю эту плачевную исторію. Какъ иногда умирающаго больнаго невѣжественные знахари мучатъ всякими муками, такъ и эту бѣдную, убитую страну терзали всякими испытаніями. Даже умѣренные аристократы считали это грубой ошибкой. «Французы не любятъ духовенства,—говорили они,—вы ожесточаете народъ.» Съ появленіемъ этого правительственнаго направленія, въ народѣ политическія гарантіи считались погибшими. Въ партіи роялистовъ произошло глубокое разъединеніе. Правительство лишалось силы и его безсиліе дотого ободрило прессу, что она изображала правителей пигмеями, которые своими маленькими руками хотятъ задушить націю созрѣвшую для великой самостоятельности. Но правительство было упрямо, оно задумало окончательно убить литературу.. Оно стало скупать самые вліятельные журналы и ронять ихъ въ общественномъ мнѣніи, а остальные хотѣло погубить судебными преслѣдованіями. Этотъ планъ навсегда показалъ міру, какимъ оружіемъ можетъ быть въ рукахъ правительства законъ, который запрещаетъ учреждать журналы безъ правительственнаго разрѣшенія. Съ этихъ поръ вопросъ этотъ слѣдуетъ считать окончательно рѣшеннымъ: цензура и право разрѣшенія—это одно и тоже. Правительство взялось за дѣло неловко, потрачено было много денегъ и хлопотъ, но и то и другое не удалось. Суды своей самостоятельностью пріобрѣли большую популярность. Всѣ средства были истощены, осталось прибѣгнуть къ цензурѣ и къ указу, объявляющему чрезвычайныя мѣры. Вскорѣ послѣ этого Людовикъ XVIII-й умеръ и въ 1825 году на престолъ взошелъ глава аристократической партіи — Карлъ X-й. Аристократы-завоеватели не знали тогда предѣловъ своей дерзости. Подъ предлогомъ вознагражденія за убытки, понесенные ихъ предками, сначала добровольно, по увлеченію отказавшимися отъ своихъ правъ, а потомъ измѣнившими своему отечеству и призывавшими въ него ино-

странныя войска, они вздумали обложить Францію такой контрибуціею, какую едвали когда-нибудь накладывалъ завоеватель *). Для уплаты имъ этой контрибуціи, носившей названіе вознагражденія эмигрантовъ, народъ долженъ былъ принять на себя долгъ въ милліардъ франковъ. Войска французской республики и Наполеонъ, послѣ завоеванія Швейцарскихъ кантоновъ и другихъ мелкихъ странъ, прославились своими контрибуціями и грабительствами; Франція была неизмѣримо сильнѣе этихъ мелкихъ государствъ, но и то никогда не рѣшалась доходить до такихъ размѣровъ грабежа. Союзники при паденіи Наполеона были также гораздо сильнѣе французовъ, а все-таки удовольствовались семью стами милліоновъ. Благодаря зажиманію ртовъ, эмигранты и король до 1825 года взяли съ Франціи подобную же контрибуцію въ 386 милліоновъ, отчасти даже безъ всякаго предлога, но этого имъ казалось недостаточно. Франція должна была при Наполеонѣ сдѣлать 727 милліоновъ долгу, кромѣ того союзники стоили ей 1150 милліоновъ, несчастная страна была совершенно разорена, но какое было до этого дѣло аристократамъ-завоевателямъ. Они грабили свое отечество также, какъ какіе-нибудь турки или монголы, и притомъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ пользовались для своихъ цѣлей законами противъ прессы. Всего сдѣланнаго до сихъ поръ казалось имъ слишкомъ недостаточно, они готовили окончательный ударъ, — во главѣ стояло духовенство. Даже аристократы говорили, что приготовленный тогда законъ противъ прессы — это была война на жизнь и на смерть, объявленная человѣческому разсудку. Всѣ возстали про-

*) Это было дѣйствительно чудовищное и безпримѣрное явленіе въ исторіи. Ну, еслибы наши помѣщики вдругъ потребовали переоцѣнки отошедшихъ къ крестьянамъ земель? Что сталось бы съ китайскимъ народомъ, еслибы китайскіе мандарины вдругъ потребовали вознагражденія за утраченныя свои феодальныя права? Если совершившіеся факты въ политической жизни не будутъ покрывать прошедшаго, то ни одинъ человѣкъ не можетъ быть спокоенъ насчетъ своего имущества и свободы.

тивъ него; партія, которая его проводила, оказалась безсильною для окончательнаго порабощенія страны. Въ народѣ поднялась цѣлая буря. Несмотря на это, правительство рѣшилось представить законъ о прессѣ на обсужденіе палатъ. Перье воскликнулъ: «Лучше было бы предложить намъ законъ, который гласитъ, что книгопечатаніе воспрещается для французовъ, въ пользу бельгійцевъ.» Типографщики, книгопродавцы, всѣ были въ величайшемъ волненіи. Палата засыпана была прошеніями и законъ этотъ прославился подъ именемъ «закона справедливости и любви», которое давало ему духовенство. Ройе Колларъ сказалъ въ палатѣ, что природа сдѣлала большую ошибку, давъ человѣку разсудокъ, болѣе высокая мудрость хочетъ довести его до счастливой невинности скотовъ. Законъ дошелъ до палаты перовъ въ совершенно измѣненномъ видѣ. Наконецъ, правительство рѣшилось отказаться отъ него. Когда это случилось, великая радость распространилась во Франціи, Парижъ былъ иллюминованъ, манифестаціи слѣдовали одна за другой. Надѣялись, что наконецъ-то положили предѣлъ ненасытной жадности своихъ враговъ. Не тутъ-то было, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ введена была цензура. Мало этого, правительство составляло подложно-оппозиціонные памфлеты и распространяло ихъ. Еще разъ вспыхнула революція, войска отказывались стрѣлять въ народъ, дѣла приняли опасный оборотъ; но скоро нашлись такіе молодцы, которые взялись бить и праваго и виноватаго—движеніе было опять подавлено. Новые выборы дали, однакоже, такую палату, при которой министерству невозможно было болѣе существовать. Правительству пришлось сдѣлать уступку. 4 января 1828 года вступило въ управленіе болѣе популярное министерство Мартиньяка. Министерство это нѣсколько успокоило умы и 18 и 29 іюля 1828 года изданы были новыя распоряженія относительно печати. Періодическія изданія дозволено было выпускать безъ предварительнаго разрѣшенія, уменьшенъ размѣръ залога, ежемѣсячныя изданія вовсе избавлены отъ него и законъ о преслѣдованіи направленій

былъ отмѣненъ. Этотъ законъ вовсе не либеральный, однакоже дотого обрадовалъ измученныхъ французовъ, что далъ новую силу правительству. Чтобы рекомендовать его въ глазахъ правительства, суды, которые прежде отказывались отъ присужденій, теперь стали наказывать съ безжалостною жестокостью. Король могъ даже смягчать. Явилось множество новыхъ журналовъ. Но король не сочувствовалъ своимъ министрамъ, на ихъ предложенія онъ отвѣчалъ имъ нерѣдко аргументами, взятыми изъ роялистскихъ газетъ. Мартиньякъ, свергнутый аристократами, палъ и 8 августа 1829 года въ министерство вступилъ Полиньякъ, чтобы управлять въ ихъ духѣ. Пресса гремѣла противъ управленія, которое грозило довести Францію до нищенской сумы. Журналы читались съ жадностью. Франція покрылась ассоціаціями, которыя имѣли цѣлью отказывать правительству въ платежѣ незаконныхъ податей. Къ нимъ принадлежали и крупные и мелкіе собственники. Короля всюду встрѣчало гробовое молчаніе и онъ не рѣшился ѣхать въ провинцію, а Лафайэта встрѣчали шумными восторгами. Оппозиція печати и народа представлялась правительству въ видѣ грозныхъ, собиравшихся тучъ, но оно рѣшилось ни за что не отступать отъ пагубнаго пути, которымъ шло, и захотѣло сломить препятствіе. Сборъ податей сдѣлался крайне затруднительнымъ и правительство отчасти встрѣчало неодолимыя препятствія. Въ началѣ 1830 года собраны были палаты и снова распущены, новые выборы опять оказались неблагопріятными правительству. Тогда изданы были іюльскія постановленія, измѣнявшія порядокъ выборовъ, уничтожавшія свободу печати и вводившія цензуру. Это были приготовленія къ диктатурѣ короля. Всѣмъ было ясно, что если ему удастся захватить неограниченную власть, то аристократы въ своемъ грабежѣ не удовольствуются попрежнему милліардомъ. Франція отвѣчала революціей. Страна была спасена. Еслибы французы дѣйствовали такимъ же образомъ своевременно при Наполеонѣ, то имъ не пришлось бы переносить всѣхъ униженій 1814 и 1815 годовъ, не пришлось

бы вынести всѣхъ страданій времени реставраціи, не пришлось бы видѣть родину свою разоренною. Теперь убѣжденіе въ необходимости свободы слова было всеобщее и энергическое. Но тотчасъ и обнаружился весь недостатокъ силы и глубины, весь недостатокъ характера въ этомъ народѣ, вся его неспособность составлять себѣ сколько-нибудь зрѣлыя убѣжденія. Они ли не пострадали во все это время: страна совершенно разорилась, населеніе стало увеличиваться вдвое медленнѣе, чѣмъ въ послѣднее время консульства и въ первое время имперіи, народный кредитъ такъ упалъ, что они нетолько должны были дѣлать долги съ высшимъ написаніемъ, но въ видѣ этого высшаго написанія уплачивать двѣ пятыхъ изъ того, что въ дѣйствительности получали. Они видѣли, какое огромное значеніе имѣетъ пресса для обузданія такихъ вопіющихъ злоупотребленій. Они видѣли, какъ у нихъ въ двадцать пятомъ году даромъ вырвали милліардъ, зажимая рты, какъ въ 1830 году пресса спасла Францію. Они могли бы хотя сколько-нибудь позаботиться о предметѣ, имѣющемъ такое серьезное значеніе. Въ конституціи 1830 года они тотчасъ же обнаружили и глубину своего невѣжества и ребяческую безхарактерность. Въ 7 пунктѣ было сказано: «Французы имѣютъ право публиковать и печатать свои мнѣнія, сообразуясь съ законами. Цензура никогда не можетъ быть возстановлена.» Что это за ребяческое «никогда»? — Это игрокъ, который наканунѣ отуманенный виномъ проигралъ все свое имѣніе и на другой день, вскочивъ съ больной головой, въ отчаяньи клянется, что онъ никогда не будетъ пить и не возьметъ картъ въ руки. Это «никогда» тѣмъ смѣшнѣе, что весь законъ, съ явнымъ злымъ умысломъ, былъ такъ написанъ, что онъ не представлялъ ни малѣйшей гарантіи противъ самаго полнаго и безжалостнаго стѣсненія рѣчи. Вотъ какъ шарлатаны поступаютъ съ умственно ограниченными народами. Законъ конституціи 1814 года имѣлъ точно такой же смыслъ. На основаніи этой статьи конституціи изданъ былъ законъ 21 октября, который ввелъ цензуру и зажалъ всѣ непріятные рты.

Когда неудобно было вводить цензуру, даны были, на основаніи той же статьи конституціи, законы 1822 года, которые и безъ цензуры поставили прессу въ такое положеніе, что она не смѣла возражать противъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій и противъ управленія, которое довело бы Францію до такого же бѣдственнаго состоянія, въ какомъ находилась Испанія, еслибы оно не разрушено было революціею. Какъ злонамѣренно была написана упомянутая статья конституціи 1830 года, видно изъ того, что новое правительство дѣлало уступки народу не болѣе, какъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; 8 октября введенъ былъ судъ присяжныхъ для преступленій по дѣламъ печати. Затѣмъ уже 29 ноября изданъ былъ одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ законовъ, установлявшихъ преслѣдованіе за направленіе; нетолько воспрещено свободно обсуждать королевскую прерогативу, но даже права и власть палатъ. Въ Англіи подобный законъ сочли бы за установленіе деспотизма и неограниченнаго произвола. Еслибы послѣднему угольщику Лондона дать право издать подобный законъ, то онъ бы на это не рѣшился, потому что онъ понимаетъ, что за подобнымъ закономъ въ Англіи непремѣнно должна послѣдовать самая жестокая революція и онъ будетъ казненъ, подобно Карлу I-му.

Я не буду разбирать далѣе исторію печати во Франціи. Какую пользу могъ бы извлечь читатель, еслибы кто-нибудь съ безконечными подробностями сталъ разъяснять, какъ восточные народы постоянно переносили разныя бѣдствія отъ несовершенства своихъ политическихъ формъ и какъ эти бѣдствія все-таки никакъ не могли послужить имъ урокомъ и они въ теченіе столѣтій продолжали жить среди тѣхъ же уродливыхъ учрежденій, чувствъ и взглядовъ на вещи? Такая исторія человѣческаго тупоумія могла бы только безполезно утомить читателя. Я полагаю, что изъ всего того, что было сказано выше, уже достаточно ясно, какой вредъ приносило стѣсненіе свободы слова, какъ успокоительно всюду и постоянно дѣйствовало

слово свободное и какъ оно даже при французскихъ условіяхъ обнаруживало силу спасать отъ общественныхъ бѣдствій.

Въ XVII-мъ вѣкѣ въ Турціи свирѣпствовалъ султанъ Ибрагимъ, сынъ Амурата IV-го. Его называютъ турецкимъ Нероном, Геліогабаломъ и Сарданапаломъ. Двадцати лѣтъ онъ изъ уединенія сералей вступилъ на престолъ и предался самымъ крайнимъ излишествамъ. Вопреки закону онъ имѣлъ восемь женъ и тысячу пятьсотъ любовницъ. Ни одинъ паша, ни одинъ визирь не смѣлъ покупать рабынь безъ его дозволенія. Женщины въ сералѣ располагали провинціями и государственной казной. Одна изъ нихъ присвоила себѣ доходы самаго богатаго паналыка, дамасскаго; для другой султанъ велѣлъ устроить арбу, которая вся была разукрашена драгоцѣнными каменьями и которую везли черные быки въ сбруѣ изъ золота и серебра. Третья уговорила его украсить свою бороду драгоцѣнными камнями, наподобіе Фараоновъ, и въ этомъ, смѣшномъ для мусульманъ, нарядѣ явиться передъ правовѣрными. Онъ одинаково былъ суевѣренъ, жаденъ и жестокъ. Онъ прибѣгалъ къ колдовству для возстановленія своего разстроеннаго развратомъ здоровья; онъ продавалъ должности кадіевъ и намѣстниковъ; безпрерывно въ немъ возбуждались подозрѣнія, и онъ приказывалъ душить подозрѣваемыхъ,—онъ задушилъ капудана-пашу, одного изъ самыхъ уважаемыхъ людей въ государствѣ. Всѣ эти позорные и жестокіе поступки наконецъ возбудили къ дѣятельности корпорацію улемы, янычары роптали. Великій визирь Ахметъ-паша, участвовавшій во всѣхъ его преступленіяхъ, старался отвратить бурю. Но янычары взялись за оружіе и пригласили улему и муллъ присоединиться къ нимъ. Послѣ продолжительнаго совѣщанія послѣдовало рѣшеніе низложить визиря и султана. Султаномъ провозглашается Мухаметъ IV-й, а визиремъ Мухаметъ-паша. Ибрагимъ, получивъ это извѣстіе, утверждаетъ пашу въ новомъ его званіи и проситъ о пощадѣ. Но ага янычаръ торжественно отвѣтилъ посланному: «Падишахъ лишается своихъ правъ за грабительство и тиранію. Женщины при немъ управляли государ-

ствомъ. Казна разоряется ихъ прихотями. Онѣ розорили подданныхъ и осрамили государство. Что рѣшено, то рѣшено. Да здравствуетъ Мухаметъ IV-й!» Великій судья румилійскій объявляетъ рѣшеніе лично султану. Ибрагимъ арестованъ и заключенъ въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, гдѣ онъ провелъ свою молодость. Затѣмъ муфти предложенъ былъ на разрѣшеніе вопросъ, что̀ заслуживаетъ султанъ, продававшій за деньги должности, которыя онъ обязанъ раздавать достойнѣйшимъ? Муфти, на основаніи корана, присудилъ султана къ смертной казни и казнь эта была исполнена 16 августа 1648 года. Такимъ образомъ сдѣлана была попытка указать законный предѣлъ власти султана и сдѣлать его лицомъ отвѣтственнымъ. Кажется, изъ всего этого народу не трудно было увидать, до чего ихъ доводятъ ихъ восточные порядки. Съ одной стороны султанъ, способный доводить злоупотребленіе властью до крайнихъ предѣловъ варварства и нелѣпости, съ другой высшіе сановники, противъ злоупотребленій которыхъ народъ имѣетъ одинъ противовѣсъ во власти султана, присвоиваютъ себѣ право казнить его, прикрываясь законными формами. Однакоже, народъ и послѣ этого горькаго опыта считалъ для себя невозможнымъ оградить себя отъ того и другаго зла, и деспотизмъ господствуетъ попрежнему вездѣ, куда проникаетъ магометанство и его воззрѣнія. Черезъ годъ послѣ этого мы видимъ въ Англіи такую же кровавую расправу съ королемъ, но эта катастрофа глубоко возмутила народъ и заставила его навсегда положить предѣлъ подобнымъ сценамъ посредствомъ политическихъ гарантій и въ особенности посредствомъ свободнаго слова. Мы понимаемъ всю глубокую разницу между образомъ дѣйствія англичанъ и турокъ и менѣе всего склонны привить къ себѣ деспотическія учрежденія, хотя они и признаются необходимыми со стороны всѣхъ послѣдователей Магомета; почему же мы такъ слѣпо увѣрены въ необходимости стѣсненій рѣчи, отъ которыхъ французы постоянно страдаютъ столько же, сколько турки отъ своего деспотизма и все-таки, точно также какъ турки, не въ си-

лахъ проникнуться здравыми убѣжденіями? Если мнѣніе турокъ не убѣждаетъ насъ, хотя оно заражаетъ сосѣднихъ съ ними магомѣтанъ, то отчего убѣждаетъ насъ мнѣніе французовъ исключительно потому, что отъ нихъ заражаются сосѣдніе народы? Какъ вполнѣ неспособны французы понимать условія, при которыхъ можетъ существовать свободное слово, видно изъ того, что нетолько масса народа не имѣетъ объ этомъ никакого яснаго представленія, но даже ученые юристы въ этомъ отношеніи совершенно не развиты. Въ доказательство можно привести: Essai sur la condition légal des journaux, par G. A. Petit (docteur en droit), Paris, 1868. Онъ хочетъ быть совершенно безпристрастнымъ въ этомъ дѣлѣ и разсматривать его только съ юридической точки зрѣнія, и въ его изложеніи мы дѣйствительно видимъ, что онъ объ этомъ старается; но зато-же какая жалкая ограниченность взгляда. Ему кажется напр., что конституція 1814 года признала свободу прессы. Еслибы онъ даже не понималъ, что законъ этотъ былъ явно написанъ такъ, чтобы можно было ввести потомъ неограниченную цензуру, то онъ вѣдь не могъ же не знать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ такая цензура дѣйствительно была введена. Ему кажется, что іюльская монархія показывала слишкомъ большую слабость по отношенію къ прессѣ, хотя мы видѣли, какъ написанъ былъ законъ 1830 года и какія онъ имѣлъ послѣдствія. Всѣмъ извѣстна знаменитая мартирологія прессы во время Людовика-Филиппа. Пети увѣряетъ, что невозможно безъ отвращенія читать журналовъ того времени и клеветы, которыя ими распространялись. Какъ истинный французъ, онъ совершенно неспособенъ понять, что клеветы всегда распространяются недовольными, но что при глухой рѣчи это—тайная мина, которая можетъ неожиданно взорвать правительство; если же они являются въ открытой печати, то противъ нихъ гораздо легче бороться и по нимъ отчасти можно судить о чувствахъ и о настроеніи общества. Пети выражаетъ то невольное чувство отвращенія, которое въ немъ возбуждали эти клеветы, но не понимаетъ,

что это чувство возмущенной справедливости возбуждается не въ немъ одномъ, а въ громадномъ большинствѣ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества; поэтому въ странахъ съ свободной рѣчью клеветы чаще приносятъ пользу той партіи, противъ которой они распускаются, чѣмъ той, которая къ нимъ прибѣгаетъ. При ограниченной печати тайныя клеветы никого не возмущаютъ, онѣ кажутся справедливымъ возмездіемъ за стѣсненіе, народъ и даже высшіе классы сохраняютъ неестественно долго грубыя чувства, свободное же чувство справедливости дѣйствуетъ въ людяхъ совершенно нестѣсненно, клеветы и грубости, какъ вредное оружіе, все болѣе изгоняются и народъ цивилизуется. Главное же дѣйствіе свободы слова заключается въ томъ, что оно возбуждаетъ энергію въ той партіи, которая поддерживаетъ оклеветанныхъ. Неужели кто-нибудь можетъ позавидовать тому состоянію, въ которомъ находилась Франція въ теченіе всего настоящаго столѣтія? Она никакъ не могла выработать въ себѣ тѣхъ чувствъ, которыя необходимы для того, чтобы люди могли счастливо жить въ обществѣ, и во многихъ отношеніяхъ напоминала и напоминаетъ страны Востока. Ея правители, подобно восточнымъ деспотамъ, всегда были притѣснителями, и если восточный деспотъ постоянно опасается, что его задушатъ приближенные, то французскій правитель постоянно опасается, что его выгонятъ изъ страны. Французы постоянно возвращались къ наслѣдственному монархическому управленію, но никогда не понимали его сущности и условій, при которыхъ оно согласно съ правильнымъ народнымъ развитіемъ. Страна не раздѣляется на двѣ большія группы — консервативную и прогрессивную, которыя смѣняются свободно въ управленіи въ то время, какъ государь остается непзмѣннымъ; нѣтъ, тутъ государь непзмѣнно связанъ съ одними и тѣми же людьми, лично ему преданными и которыхъ онъ долженъ поддерживать, хотя бы ихъ политика была совершенно противна потребностямъ и чувствамъ страны. Французскіе правители никогда не пользовались тѣмъ родомъ

общей привязанности народа, который необходимъ монарху. Въ то же время они и не были въ положеніи американскаго президента, который очень хорошо знаетъ, что если большинство не на его сторонѣ, то онъ долженъ уступить. Это фальшивое положеніе дѣлало французскихъ правителей всегда похожими на завоевателей, которые захватили власть силою и держатся съ своими приверженцами посредствомъ штыковъ. Они не могли сочувствовать свободному слову, какъ не можетъ сочувствовать ни одинъ завоеватель, а народъ такъ же мало понимаетъ бѣдственную фальшивость такихъ своихъ чувствъ, какъ и тѣхъ, которыя заставляютъ его бояться свободнаго слова. Не исправляемая свободнымъ словомъ администрація деморализировалась, дѣлалась крайне притѣснительною и налагала на народъ непосильную ношу. Какъ она отражалась на народѣ, видно лучше всего изъ чувствъ, обнаруживавшихся сосѣдями Франціи. Ирландцы, безъ всякаго сомнѣнія, народъ угнетенный. Англичане ненавистны имъ, какъ люди враждебной имъ вѣры, враждебнаго племени и завоеватели. Однакоже, ирландцы всегда, даже и послѣ паденія Бурбоновъ, предпочитали связь съ Англіею связи съ Франціею, хотя французы были ихъ единовѣрцами, называли себя ихъ единоплеменниками и подобно имъ сочувствовали мелкой собственности. Когда они задумали противъ англичанъ возстаніе, они сносились съ французами и готовы были принять отъ нихъ помощь, но только незначительную и всего болѣе на свѣтѣ боялись прочной связи съ Франціею. Когда французы, неоднократно призываемые, явились, они испугались и дали имъ дружный отпоръ вооруженной рукою— тутъ очень ясно обрисовалось ихъ мнѣніе. Въ Канадѣ, при свободѣ рѣчи, мы видимъ, что французское населеніе увеличилось съ 90,000 до 700,000, въ Алжирѣ, при управленіи французскомъ, мы видимъ, что туда привлечено было разными обманами до милліона людей, которые почти всѣ или возвратились назадъ или погибли. Въ теченіе двадцати лѣтъ тамъ между европейскимъ населеніемъ было въ полтора раза болѣе умершихъ, чѣмъ ро-

дившихся. Между мѣстнымъ населеніемъ число умершихъ иногда втрое превышало число родившихся и оно постоянно уменьшалось. Чтобы держать страну въ повиновеніи, тамъ погибло болѣе ста тысячъ солдатъ и только тридцатая часть отъ руки непріятеля, остальные отъ дурныхъ распоряженій. Для того, чтобы совершить всѣ эти чудеса администраціи, употреблено болѣе милліарда денегъ и все-таки французское населеніе тамъ не достигаетъ и ста тысячъ человѣкъ. Еслибы управленіе было ввѣрено Батыю и его сообщникамъ, то они не могли бы совершить бо́льшихъ подвиговъ. Средствами для достиженія такихъ блистательныхъ результатовъ служили напр. слѣдующіе пріемы. Въ 1855 году журналъ «Алжирская Колонизація» получилъ предостереженіе за то, что онъ во многихъ случаяхъ обнаруживалъ вредное направленіе, въ 1860 году «Новая Алжирія» получила предостереженіе за то, что она отрицала успѣхи администраціи въ этой странѣ, а въ мартѣ того же года журналъ этотъ былъ запрещенъ за нападки на дѣйствія чиновниковъ и т. д. Извѣстно, что во Франціи администрація была не менѣе щекотлива, чѣмъ въ ея колоніяхъ, ея обидчивость доходила дотого, что журналъ «Луарскій Маякъ» получилъ въ 1857 году предостереженіе за то, что онъ сказалъ: «Послѣ произнесенія рѣчи императоромъ послѣдовали, какъ утверждаетъ агентство Гава, крики «да здравствуетъ императоръ!» и т. д.» Администрація умудрилась увидать тутъ сомнѣніе въ искренности энтузіазма. Когда въ 1867 году общественное мнѣніе стало сильно настаивать на отмѣнѣ предостереженій, то правительство уступило, но чтобы запугать общество, начало такую массу процессовъ по дѣламъ печати, что Пеллетанъ назвалъ это ураганомъ процессовъ, а Жюль-Симонъ доказывалъ, что во Франціи болѣе преступниковъ противъ печати, чѣмъ воровъ. Даже защитники предостереженій писали, что они считали невозможнымъ такое явленіе. Зато-же мы видимъ, что въ теченіе всего настоящаго столѣтія населеніе во Франціи увеличивается все медленнѣе, при Наполеонѣ III-мъ оно увеличивалось въ

десять разъ медленнѣе, чѣмъ при Наполеонѣ I-мъ. Не мудрено, если ирландцы боялись французовъ болѣе, чѣмъ закоренѣлыхъ своихъ враговъ англичанъ.

Французы считались народомъ буйнымъ, народомъ, который легко воспламенить словомъ и возбудить къ легкомысленному насилію. Изъ этого, конечно, слѣдовало, что ихъ тѣмъ болѣе нужно было бы пріучить къ свободѣ рѣчи, какъ ихъ пріучили англичане въ Канадѣ,и тогда они были бы такъ же спокойны, какъ канадскіе французы,—но французское правительство выводило другое заключеніе. Положимъ, что это злонамѣренно ложный выводъ, но все-таки между понятіемъ о буйныхъ наклонностяхъ и необходимостью ограниченія есть еще логическая связь. Но чѣмъ, спрашивается, можно оправдать такое же направленіе въ Германіи? Степенность нѣмцевъ до такой степени вошла въ пословицу, что ихъ, конечно, никто не можетъ упрекнуть въ излишней пылкости. Зачѣмъ же было подвергать такой народъ всѣмъ дурнымъ послѣдствіямъ и всѣмъ опасностямъ стѣсненнаго слова? Даже тогда, когда грамотность и любовь къ чтенію въ Германіи значительно распространились, почти ничего не дѣлалось, чтобы въ народѣ распространить и утвердить убѣжденіе въ необходимости свободнаго слова. Сначала между учеными велась вялая борьба изъ-за цензуры, причемъ являлись и ученые противники и ученые защитники цензуры.. Иногда являлось и рѣзкое словцо противъ цензуры, но вообще объ этомъ писали съ нѣмецкой степенностью, съ нѣмецкимъ педантствомъ и безъ силы. Были такіе господа, которые даже между цензурой и репрессивной прессой хотѣли найти средній путь и предлагали въ видѣ улучшенія такъ-называемую свободную цензуру. Въ нѣмцахъ трудно порождать глубокія и смѣлыя убѣжденія и нѣмецкіе систематики менѣе всего были способны порождать ихъ. Правительства считали верхомъ политическаго искусства подавлять мысль и энергически убивали послѣдній остатокъ вялаго движенія къ свободѣ. Германскій союзъ, который былъ вовсе негоденъ для національной защиты или для какого-нибудь хорошаго

національнаго дѣла, былъ очень дѣйствителенъ, когда нужно было подавлять мысль. Въ 1819 году онъ ввелъ извѣстный своимъ вреднымъ вліяніемъ цензурный уставъ, и въ немногихъ конституціяхъ, которыя получила Германія до тридцатыхъ годовъ, то вовсе не рѣшались дѣлать постановленія не согласныя съ направленіемъ союза (Баденъ), то рѣшались, но законы оставались безъ исполненія (Виртембергъ). До тридцатыхъ годовъ цензура дѣлала направленные противъ нея нападки почти невозможными. Нѣмецкія державы были такъ усердны, что позаботились даже о зажиманіи ртовъ въ Швейцаріи,—въ 1823 и въ 1824 годахъ тамъ были приняты даже предупредительныя мѣры противъ прессы, говорящей объ иностранныхъ дѣлахъ. При такомъ положеніи волненія тридцатыхъ годовъ должны были отразиться на Германіи и дѣйствительно отразились, но въ конституціяхъ, которыя появились въ это время, мы видимъ ту же слабость убѣжденія и тѣ же ссылки на союзъ. Печать сдѣлалась въ Германіи нѣсколько свободнѣе, но цензура все-таки господствовала. Въ тридцатыхъ годахъ мы встрѣчаемъ энергическіе нападки на цензуру. Велькеръ напр. собралъ возмутительные факты. Нападки эти имѣютъ, однакоже, чисто французскій характеръ — это мартирологія. Они какъ будто-бы болѣе стараются возбудить состраданіе къ бичуемой прессѣ, чѣмъ вселить народамъ убѣжденіе въ великой важности свободной рѣчи для его нормальнаго и спокойнаго развитія. Дѣло предоставлено было времени, но безъ идей, способныхъ производить глубокое впечатлѣніе, время—плохой учитель. При угнетенномъ состояніи прессы въ Германіи производили шумъ тѣ непрактическія и доктринерскія сочиненія, которыя подготовляли взрывъ 1848 года и дѣлали неизбѣжнымъ несчастный его исходъ. Взрывъ совершился, цензура пала, но притомъ рѣзко обнаружился недостатокъ развитія и убѣжденій въ народѣ. Въ Саксоніи напр., гдѣ при населеніи равномъ нѣкоторымъ изъ нашихъ губерній издавалось 200 періодическихъ изданій, появился одинъ изъ самыхъ стѣснительныхъ законовъ, съ залогами, пра-

вомъ секвестра, преслѣдованіемъ направленій. Но самый неумѣренный законъ о печати изданъ былъ въ 1854 году германскимъ союзомъ. Этотъ союзъ постоянно дѣлалъ все возможное, чтобы ронять въ странѣ свою популярность и дѣйствительно вполнѣ успѣлъ приготовить себѣ погибель. Издавая подъ вліяніемъ наполеоновской политики законъ 1854 года, союзъ не имѣлъ возможности перейти, подобно Наполеону III-му, за предѣлы всякой умѣренности и боялся, чтобы мысль не расходилась черезъ-чуръ въ такихъ обширныхъ рамкахъ, а потому удержалъ за собою право, въ случаѣ нужды, принять болѣе крутыя мѣры. Опасеніе напрасное, сдѣланнаго было совершенно достаточно, чтобы внушить во всей Германіи къ законодательству союза отвращеніе и ненависть и безвозвратно погубить его. Законодательство это не цензурное, но зато-же въ немъ господствуетъ самая крайняя репрессивная политика. Отвѣтственность за появляющіяся въ свѣтъ книги возлагается несравненно болѣе на книгопродавцевъ и типографщиковъ, чѣмъ на самихъ писателей и даже издателей. Писатели и издатели отвѣчаютъ передъ судомъ, между тѣмъ типографщики и книгопродавцы получаютъ право производить свою промышленность отъ администраціи, которая произвольно можетъ лишить ихъ этого права за продажу неправящихся ей книгъ и изданій. Точно такой же отвѣтственности подвергнуты разносщики и букинисты. Періодическія изданія обязаны внесеніемъ залога отъ 500 до 5,000 тал., залогъ, конечно, несравненно болѣе умѣренный, чѣмъ во Франціи при Людовикѣ XVIII-мъ. Приняты мѣры къ удаленію присяжныхъ отъ суда по дѣламъ печати. Съ тою же самою рѣзкостью законъ установляетъ преслѣдованіе направленій и живо напоминаетъ собою злополучное законодательство XVI-го вѣка. Запрещаются нападки на религію, ея ученія и обряды, на основы государства и государственныя учрежденія. По отношенію къ дѣятельности правительства и чиновниковъ въ немъ обнаруживается самая опасная обидчивость,—запрещается нападать на распоряженія начальства и чиновниковъ. Та-

кимъ образомъ, германскіе государи увѣковѣчивали ссору среди гражданъ и сами рыли ту яму, въ которую имъ пришлось похоронить союзъ. Пруссія очень ловко воспользовалась ихъ политическими ошибками для своего собственнаго возвышенія. Впрочемъ, нѣмцы не имѣли особыхъ причинъ радоваться удачамъ прусскаго правительства. Они были въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ находились народы средневѣковой Европы—между феодалами, высшимъ духовенствомъ и королями. Феодалы и духовенство притѣсняли ихъ самымъ безжалостнымъ образомъ, а короли были готовы сдѣлать тоже самое тотчасъ же, какъ скоро въ ихъ руки перейдетъ власть. Убѣжденія прусскаго правительства насчетъ свободы рѣчи были совершенно такія же, какъ и у германскаго союза, поэтому и законодательство его проникнуто тѣмъ же духомъ, оно было именно настолько либеральнѣе, насколько было нужно, чтобы заставлять кричать о своей либеральности, и эти, съ его точки зрѣнія, недостатки законодательства оно поправляло административными распоряженіями. Персоналъ судовъ составлялся изъ самыхъ крайнихъ реакціонеровъ. На печать воздвигались гоненія, которыя никакъ нельзя назвать умѣренными, были издатели, которые подвергались тюремному заключенію ежегодно, были мѣстности, гдѣ редакторы отказывались защищаться, такъ какъ это было безполезно. Статьи закона, которыя всего чаще подавали поводъ къ этимъ террористическимъ гоненіямъ, это были тѣ статьи, которыми воспрещалось возбужденіе ненависти и презрѣнія противъ государственныхъ учрежденій, начальства и чиновниковъ. Можно ли было поступать такъ неосторожно въ странѣ, гдѣ издавалось и распространялось до трехъ тысячъ названій газетъ? Можно ли было искусственно возбуждать противъ правительства столько ненависти подъ предлогомъ противодѣйствія этому возбужденію? Оказалось, однакоже, что возможно. Пруссаки, по французскому примѣру, вступили на самый опасный путь, они старались сдѣлать изъ законовъ о печати орудіе борьбы. Бисмаркъ нетолько преслѣдовалъ печать съ

крайней неумѣренностью, но наконецъ дошелъ дотого, что, по примѣру Наполеона III-го, ввелъ систему предостереженій. Послѣдовавшія затѣмъ побѣды подвергали Пруссію самой крайней опасности. Бисмаркъ былъ на томъ же пути, на которомъ стоялъ Наполеонъ I-й; зажиманіе ртовъ, военныя удачи могли накликать на Пруссію тѣ же бѣдствія, которыя онѣ накликали въ 1814 году на Францію. Къ счастью Пруссіи оказалось, что проповѣдь защитниковъ свободнаго слова поселила въ обществѣ болѣе глубокія убѣжденія въ этомъ отношеніи, чѣмъ господствовали во Франціи во время консульства и имперіи. Побѣды не только не возбудили въ прусскомъ правительствѣ, какъ въ Наполеонѣ, желаніе окончательно уничтожить проявленіе всякой самостоятельной мысли, но напротивъ побудили его дать слову большую свободу. Такое рѣшеніе правительства всего болѣе зависѣло отъ того впечатлѣнія, которое произвело на общественное мнѣніе введеніе системы предостереженій. Несмотря на весь блескъ своей внѣшней политики, правительство не могло заставить палаты согласиться съ собою на этомъ пунктѣ. Въ народѣ явился первый зачатокъ убѣжденія въ необходимости свободной рѣчи и этотъ зачатокъ уже спасъ Пруссію отъ великой опасности, а всю Европу отъ смутъ и тягостныхъ несчастій.

II. НАШИ ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ.

ГЛАВА I.

Почему у насъ появилось цензурное законодательство.—Ложность убѣжденія, что въ неограниченной монархіи не можетъ быть свободной рѣчи.—Опасно давать рѣчи не полную свободу.—Опасно отставать въ цивилизаціи отъ своихъ сосѣдей.—Исторія нашего отставанія. — Россія до XVIII вѣка, до и во время Наполеона, въ XIX вѣкѣ; препятствія въ развитію на материкѣ Европы спасаютъ насъ.—Послѣ 1848 года.—Печальные уроки: севастопольская война, польскій мятежъ, безсиліе реформъ, явные признаки отсталости.—Какъ велика для насъ опасность.—Спасеніе въ одной свободѣ слова. — Опытъ Европы.—Государство, населенное различными національностями, для своей безопасности должно производить значительное впечатлѣніе. — Швейцарія и Турція.— Австрія и Франція, обращеніе къ Россіи.—Политическая безтактность.—Франція и Англія.

Теперь я буду говорить о Россіи. Я буду высказывать, конечно, только свое личное мнѣніе, которое можетъ быть и ошибочнымъ. Я бы лишилъ свою аргументацію всякой силы и даже связи, еслибы сталъ постоянно оговариваться и оправдываться. Впрочемъ эти оправданія мнѣ ни къ чему не могли бы послужить, потому что духъ партій и предразсудка всегда найдетъ средства, путемъ хитрой аргументаціи, набросить на эти сужденія тѣнь подозрѣнія и выставить ихъ преступленіемъ, а люди робкіе, для которыхъ свобода слова такъ же страшна, какъ свѣжій воздухъ, всегда будутъ готовы внимать этимъ поборникамъ апатическаго состоянія общественной мысли, доводящимъ государства до разслабленія. Ничего не могло быть у насъ

естественнѣе появленія цензурныхъ учрежденій. Мы преобразовывали наши учрежденія по идеямъ, господствовавшимъ на западѣ, въ то время, когда во всемъ цивилизованномъ мірѣ было одно неизмѣнное убѣжденіе, что для неограниченной монархіи цензура необходима и что безъ цензуры она неизбѣжно должна пасть. Въ то же самое время потребность въ просвѣщеніи была у насъ очень слаба, такъ что парализующее дѣйствіе цензуры на мысль не могло быть замѣчено всѣми и въ массѣ общества не могло явиться распространеннаго убѣжденія въ необходимости свободнаго слова. Только въ послѣднее время царствованія Николая сдѣлалось ясно для всѣхъ глазъ, до какой степени стѣсненіе свободнаго развитія мысли можетъ ослабить государство. Несчастный исходъ севастопольской войны произвелъ глубокое впечатлѣніе на все общество; но общество это было политически такъ неразвито, что оно никакъ не могло составить себѣ яснаго понятія о томъ, въ чемъ заключается духъ терпимости, и о тѣхъ чувствахъ, которыя необходимы человѣку, отличающемуся терпимостью. Въ Европѣ продолжало господствовать и до сихъ поръ господствуетъ всеобщее убѣжденіе, что для неограниченной монархіи свободное слово опасно, если не невозможно, и убѣжденіе это не могло не отозваться и отозвалось на нашихъ законахъ о печати. И это опять-таки было совершенно естественно. Во Франціи мы видимъ защитниковъ полной свободы слова, но такіе защитники не разрабатывали этого вопроса съ точки зрѣнія неограниченной монархіи, и кромѣ того, они, получивъ власть въ руки, такъ часто дѣлались притѣснителями рѣчи, что ихъ словамъ очень трудно было довѣрять. Нѣмецкіе ученые до сихъ поръ утверждаютъ, что свобода рѣчи возможна только въ конституціонныхъ монархіяхъ и развивается съ развитіемъ этихъ учрежденій; англичане были тоже того убѣжденія, что свобода рѣчи и неограниченная монархія—вещи несовмѣстимыя. Я уже выше разъяснилъ неспособность французовъ видѣть въ этомъ случаѣ истину; что касается до нѣмецкихъ ученыхъ, то на ихъ сужденіе ме-

нѣе всего можно было положиться. Нѣмецкіе систематики не имѣли обыкновенія выводить свои заключенія изъ фактовъ и излагать ихъ передъ публикой со всей обстановкой данныхъ, для которыхъ они должны быть неизбѣжнымъ выводомъ. Такъ какъ они не давали себѣ этого труда, то ихъ понятія и выводы оставались очень поверхностными, несмотря на ихъ начитанность и способность къ анализу. Чтобы показать, какъ поверхностны и почти легкомысленны ихъ взгляды именно въ этомъ отношеніи, я укажу на Моля. Его огромная ученость не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, онъ защитникъ парламентской системы, которая еще не господствуетъ въ Германіи, и слѣдовательно можетъ считаться передовымъ человѣкомъ. Говоря о германскихъ газетахъ, онъ съ чисто французской безтактностью нападаетъ на распложающееся въ Германіи множество мелкихъ газетъ и желалъ бы ихъ централизовать въ немногихъ изданіяхъ. Онъ указываетъ на посредственность редакторовъ и сотрудниковъ этихъ газетъ *); но какъ же онъ не понимаетъ, что въ томъ-то и заключается сущность умственнаго развитія, чтобы въ каждой мѣстности люди пріучались самостоятельно думать, разъяснять свои мѣстные интересы и приводить въ согласіе съ интересами страны. Ограничивать ихъ умственную дѣятельность заучиваніемъ изъ центра исходящихъ воззрѣній, это—китайскій пріемъ, который долженъ приближать страну къ Китаю, а ужъ никакъ не къ идеалу цивилизаціи. Если такой человѣкъ какъ Моль могъ показать такое существенное и едвали не грубое непониманіе этого дѣла, то могутъ ли германскіе ученые служить тутъ какимъ-нибудь авторитетомъ? Что касается до англичанъ, то ихъ взглядъ на это дѣло исходитъ изъ извѣстнаго ихъ презрѣнія къ неограниченной монархіи, которое они такъ мало стараются скрывать. Но всего важнѣе то, что, разсуждая такимъ образомъ, они постоянно дѣйствовали совершенно

*) Politik-Monographien, von K. v. Mohl. B. I. 68.

иначе. Они никогда не задумывались вводить свободу слова въ тѣ страны, которыми они управляли неограниченно. Степень цивилизаціи мѣстнаго населенія, его политическія чувства и воззрѣнія никогда ихъ не останавливали. Неограниченнымъ властелиномъ въ ихъ колоніяхъ былъ не монархъ, котораго величіе и паденіе неразрывно было связано съ судьбою народа, а чиновникъ, являвшійся на время и который черезъ нѣсколько лѣтъ окончательно долженъ былъ распроститься съ страною. Несмотря на слабость свою въ Индіи и другихъ подобныхъ ей владѣніяхъ, англичане несравненно болѣе боялись тамъ стѣсненнаго, чѣмъ свободнаго слова. «Мы всячески старались,—говоритъ лордъ Грей,—въ своей колоніальной политикѣ, во владѣніяхъ, въ которыхъ не было представительныхъ учрежденій, чтобы мнѣнія тамъ выражались какъ можно свободнѣе, и прилагали самую большую заботливость, чтобы придавать значеніе ихъ взглядамъ на вещи.» — Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при отдаленности англійскихъ владѣній, при склонности англійскихъ губернаторовъ злоупотреблять своей властью и разъигрывать въ Индіи роль великаго могола, Англія никогда не могла бы управлять этими владѣніями съ легкостью и съ незначительными жертвами, которыя такъ удивляютъ писателей, еслибы мѣстное управленіе не обуздывалось тою свободою слова, которая всегда была однимъ изъ орудій англійской политической системы.

Неограниченная монархія не есть какое-нибудь уродливое произведеніе природы. При извѣстномъ состояніи общества, она есть плодъ естественнаго процесса, какъ ясно видно изъ образованія множества неограниченныхъ монархій, развившихся на глазахъ исторіи и призываемыхъ народами для защиты отъ мелкихъ деспотовъ. Если она способна естественно вырости, то она способна также къ дальнѣйшему правильному развитію съ помощью свободнаго слова. Мы уже выше показали, что стѣсняя это слово и мысль неограниченная монархія должна дойти или до азіатскаго варварства, до котораго дошла Испанія, или

до того невыноспмаго, ожидающаго взрыва состоянія, до котораго дошли государства Европы въ XVIII вѣкѣ. Это время показало также очень ясно, что дѣла пойдутъ нисколько не лучше, если свобода будетъ не полная, а будетъ дана лишь настолько, насколько это будетъ казаться безопаснымъ. Фридрихъ Великій давалъ свободу прессѣ,—извѣстно его выраженіе: «газеты должны быть интересны». — Во Франціи также смотрѣли на прессу повременамъ сквозь пальцы: начальникъ цензуры держалъ корректуру сочиненіямъ Руссо. Но такіе припадки снисходительности не въ состояніи сдѣлать изъ прессы охранителя общественнаго спокойствія и регулятора развитія. Для достиженія этой цѣли пресса должна быть страшна всѣмъ, которые склонны злоупотреблять своими правами и своимъ положеніемъ, государственные люди должны бояться дѣлать ошибки, имущественные и вліятельные классы народа притѣснять его, но для этого пресса должна быть самостоятельна, ея существованіе не должно зависѣть отъ неудовольствія, которое она возбуждаетъ въ томъ или въ другомъ лицѣ. — Если мы отъ этихъ общихъ разсужденій перейдемъ къ спеціальному вопросу о возможности свободы рѣчи именно въ Россіи, то не трудно убѣдиться въ крайней и настойчивой для насъ необходимости такого учрежденія.—Нельзя безнаказанно отставать отъ центровъ цивилизаціи. Турція, Индія, Китай слишкомъ чувствительно ощущаютъ эту истину на своей кожѣ. Еще чувствительнѣе испытали ее Ацтеки и Инки въ XVI вѣкѣ. Нельзя сказать, чтобы наша собственная кожа осталась безъ такихъ печальныхъ испытаній. Когда въ XVI вѣкѣ въ Европѣ проснулась жизнь мысли, мы напротивъ успокоились на лаврахъ. Послѣдній пунктъ, Новгородъ, который служилъ намъ связью съ міромъ, гдѣ пробуждалась цивилизація, мы разорили и представляли изъ себя замкнутое неподвижное государство. Люди запада изображали въ это время нашу родину лишенною интеллигенціи и искусныхъ промышленныхъ рукъ, войско въ это время было у насъ самое негодное, мы не умѣли дѣлать того,

что нужно было для удобствъ и счастья нашей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что нужно было для нашей защиты. Отношенія между сословіями были самыя грубыя и рѣзкія. За этотъ застой намъ въ XVII вѣкѣ пришлось дорого расплатиться. Враги съ цивилизованнаго запада заняли нашу столицу и едва не завладѣли всѣмъ государствомъ. Это послужило для насъ урокомъ; въ XVIII вѣкѣ мы дѣлали всевозможныя усилія, чтобы пробудить въ нашей средѣ умственную жизнь и сравняться съ западной Европой. Въ это время надъ умственной жизнью Европы лежалъ гнетъ цензуры, и хотя въ чисто ученыхъ сферахъ эта умственная жизнь далеко превосходила нашу, но въ массѣ общества она была парализована. Офицеры, чиновники, помѣщики, фабриканты вовсе не занимались своимъ дѣломъ, а заботились только объ удовольствіяхъ; дѣло въ арміи и на службѣ было въ рукахъ унтеръ-офицеровъ и писцовъ, на фабрикахъ—мастеровъ безъ образованія, земледѣльцы были совсѣмъ угнетены, духовенство также ничего не дѣлало, а за него работали другіе. Вездѣ настоящіе работники не имѣли ни средствъ, ни охоты стараться и развиваться, потому что они не получали должнаго вознагражденія, а тѣ, которые пожинали плоды ихъ трудовъ, ничего не дѣлали. При такомъ положеніи намъ легко было сравняться съ Европой, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы сдѣлаться великой и сильной державой. И дѣйствительно, когда въ концѣ XVIII вѣка намъ пришлось столкнуться съ Франціей, мы показали, что, по крайней мѣрѣ, по отношенію умѣнья защищаться, мы стоимъ нисколько ни ниже ея. Суворовъ билъ французовъ въ Италіи безпощадно и билъ одного изъ лучшихъ ихъ генераловъ, который и прежде и потомъ умѣлъ брать верхъ надъ нѣмцами. Но въ это время во Франціи произошла значительная перемѣна. Унтеръ-офицеры, знакомые съ технической частью и съ военнымъ дѣломъ, превратились въ офицеровъ и генераловъ, земледѣльцы — въ поземельныхъ собственниковъ, писцы—въ чиновниковъ. Все способное и энергическое получило и самостоятельную дѣятельность и

средства къ развитію. Если читать разсказы не политическихъ дѣятелей, а тѣхъ, которые работали на техническихъ и другихъ поприщахъ, то мы увидимъ, какая громадная масса способностей и дѣятельности была вызвана революціей. При Наполеонѣ она организовалась и окончательно заняла свои мѣста. Тогда она стала давать себя знать Европѣ, напрасно приписывавшей все одному Наполеону, и показала, въ какое короткое время одно государство можетъ получить рѣшительный перевѣсъ надъ другими, если оно вызоветъ къ дѣятельности всѣ свои интеллектуальныя силы. Тогда оказалось, что и мы стали ниже французовъ по механическимъ и интеллектуальнымъ средствамъ защиты. Наши потери въ битвахъ были всегда чрезвычайно значительны. Еслибы Наполеонъ, съ свойственной ему запосчивостью, не преувеличилъ значенія своихъ, впрочемъ огромныхъ, военныхъ способностей и не пересталъ слушать умныхъ людей, то не было бы славнаго для насъ отступленія изъ Москвы. Съ нашей стороны побѣдѣ способствовала уже одна только патріотическая энергія, а не интеллектуальное и механическое превосходство. Даже такой годъ, какъ двѣнадцатый, не былъ въ силахъ вызвать на поприще дѣятельности энергическихъ и умственно-сильныхъ людей, зарытыхъ въ массѣ народа. Все дѣло было въ рукахъ маленькаго кружка, гдѣ и во время тяжкой войны мѣста раздавались не по способностямъ, а по протекціи точно также, какъ и до нея: Послѣ войны мы остановились на той же точкѣ и въ то время, какъ въ западной Европѣ способности получили несравненно большее примѣненіе; привилегированныя сословія были уничтожены во Франціи и мало по малу уничтожились въ Германіи, просвѣщеніе проникало въ народъ и журналистика развивалась безъ всякой соразмѣрности съ нашей. Конечно, въ Европѣ было еще очень много весьма важныхъ препятствій и для развитія просвѣщенія и для размноженія дѣятельныхъ и энергическихъ людей. На первомъ мѣстѣ тутъ должны стоять цензура, религіозная нетерпимость,—этимъ поражались умственная энергія и нрав-

ственность; затѣмъ, препятствія для распространенія въ странѣ банковъ, запретительные тарифы и большая часть полицейской дѣятельности. Благодаря этому, на материкѣ слабо развивался кредитъ; знаніе и предпріимчивость имѣли мало поприща для дѣятельности, и во главѣ промышленныхъ предпріятій стояли люди невѣжественные и неспособные. При отсутствіи свободы рѣчи интеллигенція не могла побѣдить невѣжества и предразсудковъ. Европа постоянно и сильно отставала отъ самыхъ передовыхъ странъ, эксплуатировавшихъ обильнѣйшіе источники богатства на землѣ, и въ особенности отъ Америки. Только эти недостатки мѣшали государствамъ западной Европы получить надъ нами рѣшительный перевѣсъ. Однакоже, послѣ 1848 года дѣятельность европейцевъ значительно оживилась, въ пятидесятыхъ годахъ въ одной Саксоніи издавалось болѣе періодическихъ изданій, чѣмъ во всей Россіи. Когда намъ пришлось столкнуться съ Европой, тогда мы увидали, какое значеніе для насъ имѣли наше земледѣліе съ помощью крѣпостнаго труда, наши фабрики, влачащія жалкое существованіе благодаря системѣ запретительныхъ тарифовъ, наши заводы, находившіеся въ рукахъ немногихъ крупныхъ владѣльцевъ и корпораціи чиновниковъ, наша банковая система, которая доставляла кредитъ только мотамъ, наконецъ, та система администраціи, которая выводила людей только по протекціи и дѣлала излишними способности и вниманіе къ своему дѣлу. Когда мы столкнулись съ непріятелемъ, тогда оказалось, что онъ сражается такимъ превосходнымъ оружіемъ, противъ котораго мы можемъ защищаться только за стѣнами; бомбы, которыя онъ къ намъ кидалъ, казались намъ изящными произведеніями искусства. Герой дня, съ нашей стороны, до севастопольской кампаніи несъ горькую судьбу и показалъ наравнѣ со многими другими, какъ у насъ погибали люди. Мы раскаялись и рѣшились ступить на другой путь. Но скоро оказалось, что рѣшиться и сдѣлать—это большая разница. Правительство вдругъ перемѣнило направленіе и съ самымъ искреннимъ усердіемъ принялось за реформы. Оно

дѣйствовало съ такимъ постоянствомъ, что это обратило на себя вниманіе нетолько въ западной Европѣ, но даже въ Америкѣ. Но тутъ-то и оказалась вся неспособность нашего общества къ здоровой жизни и крайняя его вялость и изнѣженность. Реформы, относительно незначительныя, казались намъ великими и радикальными преобразованіями. Одни считали ихъ слишкомъ радикальными, другіе прославляли ихъ, какъ великія мѣры. Умы всѣхъ были дѣйствительно такъ потрясены ими, что правительство имѣло полное основаніе не идти далѣе и могло опасаться болѣе сильнымъ образомъ дѣйствій произвести слишкомъ сильное волненіе. Изъ этого вышли, однакоже, реформы, которыя вовсе не были способны оживить настолько умственную жизнь и дѣятельность народа, насколько нужно было для того, чтобы мы спокойно могли смотрѣть на развитіе тѣхъ же силъ у нашихъ сосѣдей въ Европѣ и не опасаться за нашу отсталость. Въ заграничной прессѣ дѣятелей нашихъ реформъ называли по-временамъ демагогами и радикалами, террористами и соціалистами, увѣряли, что нѣкоторые изъ нихъ проникнуты глубокой ненавистью къ аристократамъ и т. д. Подобные отзывы встрѣчались нетолько въ крайнихъ, но даже въ умѣренныхъ иностранныхъ журналахъ, и не безъ основанія можно было заключить, что сдѣлано было все, что только возможно. А между тѣмъ, народъ нетолько не получилъ сильнаго толчка къ умственной дятельности и къ умственному развитію, но даже и въ матеріяльномъ отношеніи благосостояніе его нисколько или почти нисколько не развилось. Значительные оброки, малые надѣлы дали тотъ результатъ, что благосостояніе крестьянъ, улучшась въ однихъ мѣстахъ, ухудшалось въ другихъ, и таблицы смертности показываютъ, что смертность между временнообязанными нетолько не могла сдѣлаться столь же незначительною, какъ въ самыхъ неблагопріятныхъ мѣстахъ Европы, но попрежнему значительно превышала смертность между государственными крестьянами. Главный выигрышъ тутъ состоялъ въ томъ, что многіе участки

помѣщичьихъ земель, которые прежде очень дурно обработывались, достались въ руки энергическимъ и предпріимчивымъ земледѣльцамъ. Но во время голода обнаружилось, какъ незначителенъ былъ этотъ выигрышъ. Что реформы не вызвали въ достаточномъ числѣ къ дѣятельности энергическихъ и умственно-сильныхъ людей, очень рельефно обнаружилось уже во время польскаго возстанія. Хотя у насъ о подвигахъ во время возстанія кричали столько же, сколько и о реформахъ, но стоитъ только взглянуть на дѣло безпристрастными глазами, чтобы убѣдиться, какъ мало приэтомъ на нашей сторонѣ оказалось ума и энергіи. Силы, которыми располагали мятежники, и населеніе, на которое они опирались, были незначительны даже въ Польшѣ. Нигдѣ мятежники не могли составить арміи и очень рѣдко могли сосредоточить нѣсколько тысячъ регулярнаго войска; въ городахъ, даже въ Варшавѣ, инсуррекціонные элементы были гораздо болѣе склонны пѣть революціонные гимны и совѣщаться въ подземельяхъ, чѣмъ сражаться. Иной извѣстный предводитель едва могъ набрать нѣсколько сотъ человѣкъ, изъ которыхъ часть была вооружена только косами и никуда не годилась и часть состояла изъ тѣхъ искателей приключеній, которыхъ много въ Европѣ и которые за деньги готовы служить вездѣ, гдѣ только есть война или мятежъ. О народномъ возстаніи въ царствѣ могъ говорить только или человѣкъ пристрастный или незнавшій дѣла. Въ западномъ краѣ движеніе было еще незначительнѣе, попытка составить регулярную армію оказалась совершенно неудачною. Самые извѣстные предводители могли набрать только нѣсколько сотъ удовлетворительно вооруженныхъ людей. На сѣверѣ еще могли появляться отдѣльныя, не имѣвшія между собою связи, шайки, а на югѣ почти вовсе не было инсуррекціонныхъ элементовъ. Если сельское населеніе было недовольно постоянными военными постоями, которые его тяготили, и потому было равнодушно къ шайкамъ, то затоже оно питало такія чувства къ полякамъ-помѣщикамъ, что русское правительство должно было опасаться, чтобы

какой-нибудь неловкій шагъ со стороны его чиновниковъ не возобновилъ галиційскія сцены. Польскіе помѣщики, которыхъ такъ сильно обвиняли въ нашей печати, можетъ быть, въ началѣ манифестацій и питали какія-нибудь надежды, но они скоро убѣдились въ слабости возстанія и невозможности удачи. Поэтому они менѣе всего склонны были принять въ немъ рѣшительное участіе и только терроризпровались съ двухъ сторонъ, съ русской и съ польской. При такомъ положеніи можно было бы ожидать, что возстаніе прекратится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Правительство дѣлало все, что отъ него зависѣло, чтобы принимать самыя энергическія мѣры, оно старалось одушевить народъ, оно всюду отыскивало людей, способныхъ оказать этому дѣлу энергическую помощь. Несмотря на это, возстаніе все-таки продолжалось почти три года и у насъ не доставало ни средствъ, ни умѣнья нетолько подавить его скорѣе, но подавить его такъ, какъ для насъ было бы всего выгоднѣе. Наша выгода заключалась въ томъ, чтобы возстаніе было подавлено какъ можно скорѣе исключительно одними военными мѣрами. При началѣ возстанія въ западномъ краѣ находилось, по крайней мѣрѣ, около двухъ сотъ тысячъ войска. А у мятежниковъ, въ различныхъ шайкахъ, можетъ быть, за исключеніемъ самаго короткаго періода, бывало одновременно никакъ не болѣе трехъ или пяти тысячъ удовлетворительно вооруженныхъ людей. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что наши военные начальники вполнѣ исполняли свои обязанности, но не могу не сожалѣть, что энергическое и быстрое подавленіе возстанія военными мѣрами не состоялось. Для всякаго очень ясно, что всѣ гражданскія мѣры, къ которымъ пришлось прибѣгать потому, что военными—шайки не были сразу разсѣяны, повлекли за собою для насъ очень много непріятныхъ и невыгодныхъ послѣдствій. Вопервыхъ, мѣстное населеніе отъ нихъ очень много пострадало, и это породило въ нихъ относительно насъ непріятныя чувства и воспоминанія, которыхъ намъ было бы очень выгодно избѣгнуть. Мѣры, которыя пришлось при-

нять въ западномъ краѣ и въ Польшѣ, очень вредно отразились на общественномъ мнѣніи, господствующемъ относительно насъ въ Европѣ. Если для насъ было очень выгодно, когда послѣ двѣнадцатаго года въ западной Европѣ составили себѣ преувеличенное понятіе о нашей силѣ, то для насъ было точно также не выгодно, когда послѣ польскаго возстанія составили себѣ преувеличенное понятіе о нашей слабости. Поляки сдѣлались въ глазахъ европейцевъ опасными для насъ героями и получали нетолько отъ Наполеона, но и отъ другихъ государствъ содержаніе. Ихъ старались поднять на пьедесталъ, чтобы угрожать намъ. Могло ли быть что-нибудь вреднѣе для нашего государственнаго единства? Я нисколько не сомнѣваюсь, что Муравьевъ дѣйствовалъ въ полномъ убѣжденіи, что исполняетъ свои обязанности, но я никакъ не могу удивляться образу дѣйствія, который напиралъ на гражданскую власть тамъ, гдѣ нужно было напирать на войско, и сдѣлалъ страшный шумъ тамъ, гдѣ нужно было его сдѣлать какъ можно менѣе. Безконечно длившееся возстаніе породило въ нашихъ газетахъ дѣятельность, которая могла быть для насъ только крайне вредною. Онѣ возбуждали въ насъ грубыя страсти, кричали о непримиримой національной ненависти. Изъ какой психіатріи взяли онѣ эту душевную болѣзнь народовъ, которая называется непримиримой національной ненавистью? Они разжигали въ насъ тѣ же самыя злыя чувства, какія разжигались въ народахъ въ XVI-мъ вѣкѣ и сдѣлали ихъ столь несчастными, но только съ тою разницею, что тогда эти чувства были только религіозныя, а теперь пускали въ ходъ и религію и національность. Еслибы существовало то чувство, которое называется непримиримою національною ненавистью, то эти непріязненныя чувства не исчезали бы тотчасъ, какъ скоро народы перестаютъ тяготить другъ друга, чему мы выше привели столько примѣровъ (Норвегія, Шотландія, Канада, Швейцарія, Соединенные Штаты, Фламандцы, Валоны, Батавы, Фризы и т. д.). Они дѣлали еще хуже, они деморализировали насъ; не было ни одного жал-

каго чиновника, который бы не мечталъ получить мѣстечко въ Польшѣ; даже между порядочными людьми можно было встрѣтить человѣка, который восхищался мыслью дешево купить имѣнье въ западномъ краѣ. При томъ состояніи, въ которомъ мы находимся, когда масса народа, безграмотная и незнающая, не можетъ себя защищать, для насъ важнѣе всего, чтобы въ образованной части общества развивалось то благодатное нравственное настроеніе, которое располагаетъ людей къ умѣренности и самообладанію и лишаетъ ихъ наклонности пользоваться своимъ положеніемъ и своими правами, если это будетъ отяготительно для ихъ ближняго. Русскій помѣщикъ, русскій купецъ, заводчикъ и чиновникъ всегда могутъ разорять русскій народъ, ссылаясь на его слабости и пороки,—нужно, чтобы ихъ нравственное настроеніе не позволяло имъ этого дѣлать. Радоваться тому, что я могу воспользоваться насчетъ своего ближняго, даже заслуженно впавшаго въ несчастье, совершенно несовмѣстно съ такимъ настроеніемъ. Еслибы наши газеты дѣйствовали такимъ образомъ безъ всякой необходимости, еслибы это была распущенность прессы, то этотъ фактъ можно было бы оставить безъ всякаго вниманія, но въ томъ-то именно и заключается печальный признакъ нашей нравственной слабости, что дѣйствовали такимъ образомъ люди практическіе, патріотизмъ которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; ихъ огромная популярность самое лучшее доказательство того, какъ велика была въ народѣ потребность подобнаго образа дѣйствія. Американцы потушили мятежъ, который выставлялъ противъ нихъ до полумилліона регулярнаго войска, почти въ теченіе такого же времени, какое намъ нужно было, чтобы разсѣять шайки въ двѣсти или въ восемьсотъ человѣкъ. Въ это время они дѣлали военныя открытія и придумывали механическія средства защиты и нападенія, поражавшія міръ и тотчасъ заслуживавшія громкую славу — а что мы сдѣлали во время польскаго мятежа? Обо всемъ этомъ говорить такъ грустно, что я бы никогда не раскрылъ рта, еслибы во мнѣ опасеніе за будущность моей родины не

дѣйствовало неодолимымъ стимуломъ. Наши краснорѣчивые адресы въ то время, когда мы были такъ плохи на дѣлѣ, живо напоминаютъ краснорѣчіе апатіи, которая тѣмъ щедрѣе на обѣщанія, чѣмъ менѣе способна выполнять.

Послѣ американской войны державы материка также показали свою изобрѣтательность по отношенію къ средствамъ защиты и нападенія. Съ помощью усовершенствованнаго оружія пруссаки били австрійцевъ, французы разсѣяли гарибальдійцевъ. Мы нетолько не были способны дѣлать подобныя же открытія, но не были способны примѣнять ихъ къ себѣ настолько, насколько это необходимо для нашей силы и безопасности, до такой степени мы не развиты въ умственномъ и промышленномъ отношеніи по сравненію съ цивилизованнымъ міромъ.

Всѣ эти печальные факты показываютъ, что намъ менѣе всего прилично проводить свои дни въ той сладкой дремотѣ, которая насъ до сихъ поръ характеризовала. Государствамъ, которыя не обращали вниманія на то, какъ они отставали отъ сосѣдей и дѣлались нравственно и умственно слабѣе ихъ, очень скоро приходилось пить горькую чашу. Испанія въ теченіе пятидесяти лѣтъ, не замѣчая этого, дошла, по сравненію съ своими сосѣдями, до такого упадка, что она сдѣлалась почти провинціею Франціи и до сихъ поръ не можетъ безъ стыда вспомнить о своемъ униженіи. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія Турція была еще могущественная держава и никакъ не считала себя въ упадкѣ. Процессъ разложенія начался въ ней почти внезапно. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе столѣтія, она совершенно потеряла земли, которыя имѣютъ теперь около семи съ половиною милліоновъ населенія, и земли съ населеніемъ въ десять милліоновъ пользуются почти полной независимостью. Отъ нея отдѣлились двѣ пятыхъ. Я не буду умножать примѣровъ, я полагаю, что для предостереженія моихъ соотечественниковъ достаточно и этого.

Но мнѣ скажутъ, что это предостереженіе только противъ умственнаго и нравственнаго упадка, но не доказываетъ необходимости водворенія свободной рѣчи. Но вѣдь

я выше уже показалъ, что стѣснять свободу слова въ развивающемся обществѣ это значитъ подвергать его величайшимъ опасностямъ, безпорядкамъ и неправильностямъ въ развитіи, такъ что правительства имѣютъ только выборъ между полной свободой мысли и совершеннымъ ея подавленіемъ, которое доводитъ государства до азіатскаго варварства. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ, что свобода печати, даваемая только отчасти и гдѣ государство оставляетъ за собой право тотчасъ же затянуть узду, нисколько не обезпечиваетъ спокойнаго развитія, стоитъ только вспомнить исторію подобной политики въ Европѣ. Людовикъ XIV-й затянулъ узду во Франціи и довелъ государство до совершенной нищеты, наслѣдники его начали смотрѣть сквозь пальцы, цензура стала раздражать еще болѣе, чѣмъ прежде, и вышла революція. Наполеонъ затянулъ узду и погубилъ себя. Первые Бурбоны то стѣсняли, то давали болѣе свободы печати и каждый изъ этихъ переходовъ только раздражалъ народъ, наконецъ ввели цензуру и вызвали революцію. Людовикъ-Филиппъ то давалъ свободу, то стягивалъ и результатъ вышелъ тотъ же самый. Въ Германіи послѣ пятнадцатаго года затянули узду — вышли волненія тридцатыхъ годовъ, послѣ этого дали отчасти свободу, цензура стала раздражать еще болѣе и произошли революціи 1848 года. Въ XVIII-мъ столѣтіи, стѣсняя мысль, Германія дошла до такой слабости, что при Наполеонѣ и во время революціи не могла бороться съ Франціей. Послѣ 1854 года союзныя державы Германіи затянули узду, но стали черезъ это даже вовсе терять свою самостоятельность. Южныя германскія державы, гдѣ было болѣе свободы слова, чѣмъ въ Пруссіи, еще сохранили свою самобытность. Ганноверъ усерднѣе другихъ ратовалъ противъ свободы рѣчи и совершенно лишился автономіи.

Особенно важно значеніе свободы рѣчи для Россіи потому, что вдоль всей западной ея границы въ ея предѣлахъ живетъ широкой полосой населеніе, отличающееся отъ главнаго племени и языкомъ и религіею. Государство,

которое находится въ подобномъ положеніи, для того, чтобы быть сильнымъ и безопаснымъ отъ разложенія, болѣе всякаго другаго нуждается въ двухъ вещахъ: вопервыхъ, въ терпимости и, вовторыхъ, въ томъ, чтобы на сосѣдей своихъ производить значительное впечатлѣніе. То и другое можно получить только черезъ свободу рѣчи. Отчего въ Швейцаріи французы, нѣмцы, итальянцы живутъ дружно вмѣстѣ и не думаютъ объ отдѣленіи и о присоединеніи къ странамъ одинаковой съ ними національности? Оттого, что швейцарское управленіе имѣетъ очень хорошую репутацію, швейцарскій нѣмецъ гораздо болѣе гордится тѣмъ, что онъ швейцарецъ, чѣмъ тѣмъ, что онъ нѣмецъ. Отчего въ Турціи всѣ другія національности такъ сильно стремятся къ отдѣленію? Вы скажете оттого, что въ Турціи дурное управленіе. Но вѣдь дурное управленіе тамъ было и прежде. Уже съ начала XVII-го столѣтія въ Турціи происходитъ борьба между султанами и военной и духовной аристократіей. Въ борьбѣ этой шесть султановъ почти одинъ за другимъ были низложены и умерщвлены. Отчего же христіанское населеніе не пользовалось этимъ для того, чтобы искать своей независимости такъ упорно, какъ оно ее ищетъ теперь? Причина тутъ заключается въ развитіи христіанскихъ государствъ и гуманныхъ политическихъ идей въ Европѣ. Поразительный контрастъ между этими идеями и грубымъ застоемъ турокъ создалъ эту энергическую рѣшимость, которая заставляетъ одну часть христіанскаго населенія отдѣляться за другою; точно также, какъ вліяніе французскихъ идей было причиною отдѣленія Египта. Австрія доказываетъ, что для процесса разложенія нѣтъ надобности въ такомъ крайнемъ обскурантизмѣ, какъ у турокъ, и достаточно только нѣкоторой отсталости. Бельгія не могла выносить австрійскаго господства, итальянское населеніе отдѣлялось при первой возможности, между тѣмъ какъ напр. нѣмецкое населеніе Эльзаса и Лотарингіи не думало объ отдѣленіи, хотя тамъ на пространствѣ приблизительно въ пять сотъ квадратныхъ миль скучено болѣе двухъ милліоновъ нѣмцевъ. Они

остаются спокойными только потому, что Франція играетъ постоянно такую значительную роль въ Европѣ, возбуждаетъ подражаніе и даже въ глазахъ самихъ нѣмцевъ стоитъ едвали не выше Германіи. Стремленіе національностей отдѣляться отъ государствъ коснѣющихъ и отстающихъ нетолько не будетъ уменьшаться, но будетъ развиваться. Закрывать передъ этимъ фактомъ глаза, стараться позабыть о томъ, какія онъ можетъ приготовить намъ политическія затрудненія, это и недостойная насъ робость и величайшая политическая ошибка. Мы нетолько не должны скрывать отъ себя этого факта, но должны его твердо и глубоко запомнить—это убѣжденіе должно такъ глубоко въ насъ укорениться, чтобы оно превратилось въ чувство, потому что отъ этого зависитъ наша политическая будущность.. Мы должны, непремѣнно должны производить на живущія въ нашей средѣ національности значительное впечатлѣніе нашимъ развитіемъ, нашей гуманностью и энергіей, а безъ свободы слова мы этого никогда не достигнемъ. Мы должны помнить, что у насъ есть великое призваніе быть цивилизаторами безконечныхъ равнинъ восточнаго материка; не затаптывать себя въ грязь, не доводить себя политическими ошибками дотого, что намъ придется растрачивать наши силы въ безплодной борьбѣ на западныхъ нашихъ границахъ, должны мы, — а должны густо заселять собою огромныя пространства, лежащія отъ насъ на востокъ. Посмотрите, какъ Франція, благодаря политической своей безтактности, жалко толчется на одномъ мѣстѣ и безплодно буйствуетъ въ Европѣ въ то время, когда Англія такъ широко раскинулась по свѣту, имѣетъ въ своихъ владѣніяхъ населеніе, которое почти равняется населенію всей Европы и занимаетъ самыя плодоноснѣйшія и благодатныя мѣстности на земномъ шарѣ. Ея колонизаторская политика не переставала дѣлать шумъ въ Европѣ и породила ту поразительную силу и то процвѣтаніе, которое безпримѣрно на материкѣ. Одна колонія за другою обращаетъ на себя вниманіе свѣта и показываетъ, какой неистощимый источникъ богатства на-

шла себѣ въ нихъ Англія, источникъ столь обильный, что пройдутъ столѣтія прежде, чѣмъ она успѣетъ имъ вполнѣ воспользоваться. Какая-нибудь Новозеландія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ считала 130,000 жителей, а между тѣмъ это группа острововъ, по величинѣ своей равняющаяся Англіи, а по плодородію составляющая одну изъ самыхъ благодатныхъ странъ во всемъ свѣтѣ. Милліоны работниковъ могутъ находить себѣ въ этихъ колоніяхъ баснословное благосостояніе, возможностью такихъ переселеній возвышаютъ заработную плату на своей родинѣ въ то время, когда чрезвычайно оживленная чрезъ это торговля и производительность, съ своей стороны, увеличиваетъ запросъ на рабочія руки и возвышаетъ благосостояніе рабочаго. Отчего же Франція не пользуется тѣми же благами? Она имѣла полную возможность ими пользоваться.

ГЛАВА II.

Только самъ народъ можетъ себѣ указать путь самаго легкаго для себя развитія;—русификація;—политика испанцевъ, турокъ и австрійцевъ.—Необходимость общественнаго убѣжденія въ свободѣ слова, необходимость безстрашія. — На какой путь вступаютъ передовые народы и какія послѣдствія можетъ имѣть для насъ робость.

Для того, чтобы обезпечить себя отъ угрожающихъ намъ политическихъ опасностей, я вижу только одинъ выходъ—это свободное слово. Народъ только самъ для себя можетъ начертать путь самаго быстраго и правильнаго развитія. Наши психологическія свѣдѣнія такъ ограниченны, что мы никакимъ образомъ не можемъ предначертать въ этомъ случаѣ путь для народа. Въ одинъ домъ умалишенныхъ привезли больнаго, который воображалъ, что онъ такого огромнаго роста, что онъ не можетъ проходить сквозь двери. Чтобы разубѣдить его, врачъ велѣлъ провести его сквозь всѣ двери больницы. Больной кричалъ ужасно и умеръ, когда съ нимъ кончили эту операцію. Какимъ образомъ могла произойти фатальная ошибка со стороны врача? Причина ошибки состоитъ въ томъ, что мы не имѣемъ никакого мѣрила для опредѣленія силы человѣческихъ чувствъ. Это одинаково справедливо относительно больныхъ и здоровыхъ, относительно отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ. Никто не можетъ рѣшить за отдѣльнаго человѣка и за цѣлый народъ, что для него легко и что тягостно. Рѣшить въ этомъ случаѣ

можетъ только самъ человѣкъ и самъ народъ. Поэтому только самъ народъ, посредствомъ свободныхъ своихъ проявленій, можетъ указать для себя самый легкій путь къ развитію. Къ несчастью у насъ эта великая истина совершенно не признается, и у насъ постоянно старались вести народъ несимпатичными для него путями подъ предлогомъ удержанія въ колеѣ благоразумія. Въ результатѣ вышло, однакоже, постоянное и опасное отставаніе отъ Европы; сравните прогрессъ Европы съ конца XVIII-го столѣтія съ прогрессомъ Россіи и вы увидите огромную разницу. Чѣмъ была Европа въ концѣ XVIII-го столѣтія въ политическомъ и промышленномъ отношеніи и что она теперь? Государственный человѣкъ XVIII-го вѣка совершенно не годился бы теперь для западной Европы — все бы его раздражало, все казалось бы ему въ высшей степени дикимъ, но еслибы воскресъ государственный человѣкъ временъ Екатерины II-й и вступилъ въ современное наше министерство, то онъ вѣроятно былъ бы однимъ изъ самыхъ либеральныхъ его членовъ.

Чтобы избѣгнуть опасностей, которыя грозятъ намъ со стороны живущихъ въ нашихъ предѣлахъ національностей, намъ предлагаютъ разныя средства, но я рѣшительно не вижу никакого другаго пути, кромѣ того, на который указалъ. Мы должны производить на нихъ значительное впечатлѣніе и привлекать ихъ славою нашего ума и оригинальнаго развитія. Намъ предлагаютъ руссификацію, но я не знаю, можетъ ли это удаться. Прежде всего не надо упускать изъ виду всѣхъ опасностей такой раздражающей политики — вѣдь это тоже самое, что стѣсненіе рѣчи, религіозная нетерпимость и т. д. Подобная политика можетъ очень легко привести къ результатамъ совершенно противоположнымъ, чѣмъ тѣ, которые отъ нея ожидались, она можетъ нетолько ухудшить положеніе, но сдѣлать его безвыходнымъ. Извѣстно, что въ исторіи политика эта имѣла полную удачу только одинъ разъ, именно въ Испаніи по отношенію къ маврамъ. Испанцы безпощадно преслѣдовали ихъ языкъ, костюмъ, обычаи и ре-

лигію. Маврскій элементъ сдѣлался на югѣ Испаніи совершенно безсильнымъ. Но для достиженія этой цѣли они должны были истребить болѣе милліона людей, изгнать вмѣстѣ съ евреями столько же, обратить Испанію въ пустыню и до такой степени деморализировали и разорили свой собственный народъ, что Испанія нетолько сдѣлалась самой бѣдной частью Европы, но эти гордые испанцы, эти мужественные, великіе патріоты сами подпали подъ иностранное иго. Та же самая политика проводилась съ тою же безпощадностью относительно индѣйцевъ въ Америкѣ, и хотя тамъ насчитываютъ до пятнадцати милліоновъ жертвъ, но она все-таки вполнѣ не удалась, несмотря на полное интеллектуальное превосходство испанцевъ. Она породила только непримиримую ненависть индѣйцевъ къ испанскому владычеству и къ монархіи и послужила главнымъ поводомъ къ отпаденію колоній. Даже еще такъ недавно она отразилась казнью мексиканскаго императора. Чили, гдѣ испанцы составляютъ громадное меньшинство и индѣйцы всего болѣе многочисленны, питаетъ такую закоренѣлую ненависть къ Испаніи, что въ своей анти-испанской политикѣ переходитъ даже за предѣлы благоразумія. Несмотря на всѣ усилія, сдѣланныя Испаніею, неиспанское населеніе далеко преобладаетъ въ ея бывшихъ колоніяхъ и составляетъ до трехъ четвертей всѣхъ жителей. Въ Буэносъ-Айресѣ испанцы составляютъ двадцатую часть. Въ Турціи уничтоженіе мѣстной религіи и мѣстныхъ національностей совершенно не удалось и привело только къ разложенію государства. Въ Австріи неудача была такъ велика, что вызвала къ жизни національности, которыя безъ того стушевались бы. Мнѣ кажется, что для слитія различныхъ національностей, живущихъ въ одномъ государствѣ, самое лучшее—это не принимать никакихъ и въ особенности никакихъ рѣзкихъ мѣръ, а стараться, чтобы государство прославилось своей гуманной и въ особенности оригинальной внутренней политикой,—тогда слитіе произойдетъ само собою.

Что касается до моего личнаго мнѣнія, то я считаю

всевозможные религіозные и національные предразсудки однимъ изъ важныхъ препятствій для счастья человѣческаго, и еслибы это отъ меня зависѣло, то я, конечно, съ радостью уничтожилъ бы ихъ; но я вполнѣ убѣжденъ, что касаясь ихъ жесткой и насильственной рукой можно только ухудшить, а не поправить дѣло. Австрія уже теперь въ огромныхъ размѣрахъ вынуждена отставать отъ своей прежней политики; не пройдетъ, быть можетъ, десяти лѣтъ, и она вынуждена будетъ держаться діаметрально противуположнаго направленія. Для насъ чрезвычайно важно сохранять симпатіи окружающихъ насъ заграничныхъ славянъ. Не можемъ ли мы очутиться въ ложномъ положеніи, сохраняя нашу наклонность къ руссификаціи? Если мы, вынужденные обстоятельствами, будемъ мало по малу измѣнять политику, то это намъ не много поможетъ; чтобы произвести впечатлѣніе, мы должны сами сдѣлаться источникомъ новой и смѣлой политики.

Если мы должны твердо вѣрить тому, что для оживленія силъ нашей родины свобода рѣчи составляетъ условіе первой необходимости, то мы должны также твердо помнить, что эта свобода рѣчи можетъ быть только плодомъ народнаго убѣжденія. Это народное убѣжденіе нетолько лучшая, но единственная для нея гарантія. Самые свободные законы о печати безъ такого убѣжденія останутся безполезно исписанной бумагой. Вотъ почему политическіе писатели Англіи, сравнительно съ другими, мало занимались разборомъ законовъ о печати и въ тоже время усердно старались укоренять въ обществѣ какъ можно глубже убѣжденіе въ необходимости свободнаго слова. Писатели материка упрекаютъ англичанъ въ пренебреженіи въ этомъ случаѣ и утверждаютъ, что англійское законодательство о печати могло бы гораздо ранѣе и лучше развиться. Послѣдствія, однакоже, показали, что англичане были правы, сосредоточивая все свое вниманіе на развитіи и укорененіи общественнаго убѣжденія. Въ XVIII-мъ вѣкѣ въ Англіи свобода слова господствовала исключительно благодаря общественному мнѣнію. Даже въ XIX-мъ вѣкѣ англійскіе

государственные люди постоянно готовы были показать слабость въ этомъ отношеніи, и защитникомъ свободы было одно общество. Въ Америкѣ общество также постоянно идетъ впереди законодательства. Оно тамъ способно порождать вещи неслыханныя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ одинъ журналистъ былъ осужденъ за оскорбленіе протестантской религіи. Тогда священники этого культа подали въ конгрессъ петицію и просили, чтобы изъ уваженія къ ихъ религіи перестали ее защищать судебными осужденіями, а предоставили бы имъ защищать ее аргументами. Они считаютъ для себя стыдомъ заставлять молчать своихъ противниковъ, потому что они убѣждены, что истина на ихъ сторонѣ. Терпимость, отсутствіе жалкой робости и обидчивости — вотъ условія, необходимыя для того, чтобы въ народѣ могло существовать и развиться подобное убѣжденіе; мелочныя и ничтожныя души, души, которыя ради мелкаго эгоизма или тщеславія способны пожертвовать интересами своей родины, не могутъ имѣть подобныхъ убѣжденій. Какими жалкими представляются намъ теперь тѣ французскіе маркизы и аббаты, которые забѣгали къ министрамъ съ своими жалобами на прессу, вредили этимъ своей родинѣ и окончательно погубили свое сословіе.

Стоитъ только взглянуть на данныя, чтобы убѣдиться, до какой степени у насъ необходимо оживить умственную жизнь народа и какому громадному риску мы подвергаемся чрезъ свою отсталость. Во Франціи на полтора милліона жителей приходится, среднимъ числомъ, двѣсти книжныхъ лавокъ, между тѣмъ французы совершенно справедливо жалуются, что ихъ законы о печати убиваютъ любовь къ чтенію, въ особенности къ серьезному чтенію, которое гораздо болѣе распространено въ Англіи и несравненно болѣе въ Америкѣ. Во Франціи насчитывается всего 169 сельскихъ книжныхъ лавокъ и книжная торговля въ селеніяхъ должна ограничиваться разноснымъ и развознымъ торгомъ. Полтора милліона жителей — это въ среднемъ уровнѣ наша губернія; у насъ въ губерніи можетъ

держаться едва одна только книжная лавка и то въ соединеніи съ библіотекой для чтенія. Около двухсотъ лѣтъ тому назадъ такая вялость въ нашемъ умственномъ развитіи побудила Петра Великаго къ его радикальной политикѣ. Много на немъ сосредоточивали упрековъ за его крутыя мѣры, но каковы бы ни были его недостатки въ этомъ отношеніи, за нимъ остается несомнѣнное достоинство, что онъ никогда не поддавался малодушному страху, онъ прежде всего думалъ о своей родинѣ, а потомъ о себѣ. Этотъ горячій патріотизмъ оказался столько же полезнымъ для Россіи, какъ и для него самого и его наслѣдниковъ. Петръ Великій не былъ защитникомъ свободы слова, но онъ боялся не передовыхъ, а обскурантныхъ мнѣній; можетъ быть апатія, въ которой въ настоящее время находится русская мысль, внушила бы ему другой взглядъ на это дѣло, ему, не отступавшему ни передъ какими мѣрами для возбужденія народнаго ума и народной энергіи. Еслибы онъ убѣдился въ необходимости свободнаго слова для оживленія умственной жизни въ Россіи, онъ провелъ бы этотъ принципъ съ тѣмъ же безстрашіемъ, съ какимъ онъ проводилъ всѣ свои мѣры, — страхъ возбудить народное волненіе, бунтъ или подвергнуть опасности свою жизнь не остановилъ бы этого великаго патріота, онъ это доказалъ на дѣлѣ. Глядя на то безстрашіе, съ которымъ онъ стремился къ благу своей родины, мы проникаемся самымъ глубокимъ и искреннимъ уваженіемъ къ нашему соотечественнику.

Мы не должны забывать, что политическая терпимость, которая не допускаетъ никакихъ наказаній за свободное выраженіе своихъ чувствъ и мыслей и даже не видитъ клеветы и умышленныхъ оскорбленій, это не есть еще послѣдній шагъ въ этомъ направленіи. Англичане и американцы идутъ далѣе, — они хотятъ, чтобы всѣ частные и правительственные лица, отъ которыхъ зависитъ выборъ людей для какой-нибудь дѣятельности, руководствовались въ выборѣ исключительно способностью лица къ этому именно дѣлу, не обращая вниманія ни на какія чувства и мнѣ-

нія, обнаруженныя имъ въ религіозномъ, политическомъ, соціальномъ и т. д. отношеніяхъ. Симпатіи и антипатіи, обнаруженныя къ личности имѣющаго власть употреблять людей, не должны тутъ имѣть никакого вліянія. Чрезъ это, значеніе способностей сдѣлаетъ громадный шагъ впередъ и дѣятельность общества сдѣлается несравненно плодоноснѣе, такъ что оно опять-таки будетъ брать верхъ надъ всѣми сосѣдями, которые ограничиваются одной свободой слова. «Я полагаю, говоритъ Милль, что уже прошло время, когда нужно было защищать свободу слова... Хотя наше законодательство о прессѣ у насъ теперь такъ же раболѣпно, какъ и при Тюдорахъ, однакоже нѣтъ опасности, чтобы на него можно было опереться для подавленія политической свободы рѣчи.» Охарактеризовавъ такимъ образомъ состояніе дѣла въ Англіи и значеніе, которое тамъ имѣетъ въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе, онъ такимъ образомъ характеризуетъ въ другомъ мѣстѣ задачу, которая предстоитъ теперь къ разрѣшенію въ его родинѣ. По мнѣнію Милля, въ Англіи человѣкъ, котораго счастье не поставлено въ совершенную независимость отъ доброй воли другихъ людей, не можетъ противиться общественному мнѣнію. Тюрьма вовсе не болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ невозможность заработывать себѣ хлѣбъ. «Англія покупаетъ такую душевную апатію слишкомъ дорогой цѣной, убивая всякое смѣлое нравственное мышленіе. При такомъ положеніи самые дѣятельные умы скрываютъ свои убѣжденія въ своей груди, страна не въ сплахъ вскормитъ открытые и безстрашные характеры, неумолимыхъ и несокрушимыхъ мыслителей, которые украшаютъ арену міровой дѣятельности. Порода людей, которая воспитывается при такихъ обстоятельствахъ—это или рабы, покоряющіеся рутинѣ и обычаямъ, или ханжи, которые искажаютъ истину. «Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ Бокль и дѣйствуютъ всѣ тѣ мыслители, которые имѣютъ такое огромное вліяніе на образованіе англійскаго ума и англійскаго характера. Въ Швейцаріи, въ Цюрихѣ, не затрудинлись поручить главное начальство надъ войскомъ

человѣку оппозиціонной партіи. Въ Америкѣ современный президентъ объявилъ, что при назначеніи чиновниковъ онъ не будетъ руководствоваться ихъ политическими мнѣніями. Правило это давно уже признано въ Англіи, въ Норвегіи его уже давно оцѣнили, какъ средство сохранять въ народѣ независимый и безстрашный образъ мыслей. Если при такихъ обстоятельствахъ мы будемъ употреблять десятки лѣтъ на то, чтобы установлять въ своей средѣ политическую свободу мысли, а потомъ еще десятки на водвореніе той терпимости, которая такъ энергически проповѣдуется въ Англіи и въ Америкѣ, и въ теченіе всего этого времени будемъ отставать все болѣе, то мы рискуемъ наконецъ такъ отстать, что по силѣ своихъ умственныхъ способностей и по своей изобрѣтательности будемъ относиться къ передовымъ странамъ такъ же, какъ относится теперь Китай, и рискуемъ подвергнуться такимъ же униженіямъ.

ГЛАВА III.

Наши законы противъ направленій. — Запрещеніе опровергать начала и основы собственности. — Нѣтъ юридическаго понятія начала и основы собственности и не можетъ быть.—Запрещеніе вреднаго коммунизма и соціализма.—«Вредный»—это не юридическій терминъ, а риторическое украшеніе. — Коммунизмъ есть не отсутствіе, а видъ собственности.—Наши законы о коммунизмѣ.—Коммунизмъ въ отдѣльныхъ семействахъ крестьянскихъ и купеческихъ; коммунизмъ въ общинахъ.—Общины при Бѣломъ морѣ, правительственная защита ихъ коммунизма; попытка частной защиты; — коммунизмъ между казаками и его правительственная защита; казацкій соціализмъ и его правительственная защита.—Коммунизмъ большихъ размѣровъ. — Киргизы и казаки; почему нельзя у насъ запрещать нетолько коммунистическихъ и соціальныхъ ученій, но даже вредныхъ ученій этого рода? — Казаки и инородцы. — Законы о печати способствуютъ распространенію мечтаній и мѣшаютъ истинѣ.—Почему коммунизмъ и соціализмъ не опасны?—Какъ организовано общество.—Америка, коммунисты, соціалисты и мормоны.—Коммунизмъ и соціализмъ не могутъ порождать народныхъ движеній: откуда взялся тутъ ложный взглядъ? — 1848 годъ.—Чартисты.

Отмѣнивъ цензуру, наше правительство перешло къ репрессивной системѣ съ преслѣдованіемъ направленій. Идти далѣе оно не рѣшилось. Оно отмѣняло цензуру, полтораста лѣтъ существовавшую въ Россіи, и не могло перейти прямо къ полной свободѣ рѣчи въ странѣ, гдѣ убѣжденіе въ необходимости этой свободы было еще очень мало развито; оно должно было опасаться слишкомъ сильнаго ропота со стороны нетерпимыхъ или робкихъ. Нетерпимая и робкая часть общества можетъ и впредь затруднять свободное движеніе въ этомъ отношеніи, и это вынуждаетъ меня, посредствомъ разбора нашихъ законовъ, показать невозможность удовлетворительныхъ законовъ для преслѣдованія направленій. Не было законовъ о направле-

ніяхъ, которые не страдали бы тѣми же самыми недостатками, да и не можетъ быть. Съ развитіемъ литературы всѣ подобные законы дѣлались невыносимыми и или оставлялись безъ примѣненія, или отмѣнялись, или примѣняемые съ самой строгой послѣдовательностью накликали на государства и народы безчисленныя бѣдствія въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и доводили ихъ до полнаго варварства, какъ было показано выше. Люди нетерпимые и робкіе должны принимать въ соображеніе, что если правительство сдѣлало имъ уступку, имѣя въ виду новость предпринимаемой имъ реформы и опасенія, возникшія въ обществѣ, то они съ своей стороны должны стараться убѣдиться фактами исторіи и здраваго смысла и развязать правительству руки для такого образа дѣйствія, въ которомъ было бы болѣе истинныхъ залоговъ для быстраго и безопаснаго народнаго развитія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если правительство увидитъ кругомъ себя общественное мнѣніе вполнѣ убѣжденное въ безполезности и опасности преслѣдованія направленій, то оно отмѣнитъ эти законы съ такою же готовностью, съ какою оно отмѣнило откупа, намѣрено установить болѣе правильную и выгодную для государственныхъ финансовъ систему податей и т. д. Я не буду разбирать тенденціозные законы, касающіеся религіи и тому подобныхъ священныхъ предметовъ,—я полагаю, что тѣ, которые неспособны убѣдиться тѣмъ, что сказано было выше объ этихъ вещахъ, могутъ скорѣе оскорбиться, чѣмъ убѣдиться разборомъ нашего законодательства; имъ это даже можетъ показаться оскорбленіемъ святыни, и я не хочу этимъ вредить впечатлѣнію, которое можетъ произвести моя аргументація на нѣкоторыхъ читателей. Вѣрованія, предметы, почитаемые святыми,—это такія вещи, которыхъ всегда нужно касаться осторожно и мягко, и если тутъ въ чемъ-нибудь нужно убѣдить, то гораздо лучше идти сначала нѣсколько окольными путями, и дать убѣждаемымъ время удостовѣриться, что не желаешь посягать на ихъ святыню или охлаждать ихъ жаръ обожанія. Поэтому я начну съ законовъ, къ которымъ

можно относиться съ большимъ равнодушіемъ,—съ соціальныхъ.

Въ ст. 1037 Ул. о Нак. изд. 1866 г. сказано: «За прямое оспариваніе или порицаніе въ печатныхъ изданіяхъ началъ собственности и семейнаго союза, съ намѣреніемъ разрушить или ослабить ихъ основы, хотя бы притомъ не было возбужденія къ совершенію преступленія, виновный подвергается: денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей и аресту не свыше шести недѣль.» — Представьте себѣ писателя, который хочетъ заняться отношеніемъ человѣка къ вещамъ съ юридической, экономической и политической точки зрѣнія; но прежде всего ему, конечно, не хочется попасть подъ арестъ, а поэтому онъ прежде всего старается уяснить себѣ, въ чемъ заключаются «начала собственности», которыя запрещается оспаривать и порицать, и ея «основы», которыя нельзя ослаблять и разрушать. Но онъ напрасно ищетъ въ юридическихъ книгахъ, напрасно совѣтуется съ различными спеціалистами,—никто не можетъ ему сказать, какое это юридическое понятіе «начало или основа собственности», въ чемъ его сущность, гдѣ его предѣлы. Онъ напрасно рылся бы до втораго пришествія, еслибы юристы не сжалились надъ нимъ и не объяснили ему, что точнаго юридическаго понятія «начала и основы собственности» — нетолько нѣтъ, но и быть не можетъ. Подъ словомъ начало или основа мы разумѣемъ что-нибудь неизмѣняющееся, постоянно остающееся, безъ чего предметъ или явленіе не можетъ существовать; но право собственности—это такое гибкое учрежденіе, въ которомъ все измѣняется, и нѣтъ ни одной части, которая бы оставалась неизмѣнною, а потому ни одну часть этого учрежденія нельзя назвать его началомъ или основой. Слова «начало и основа собственности» можно понимать только въ одномъ смыслѣ, въ смыслѣ источника. Источникъ собственности — это положительный законъ, а такъ какъ законы о собственности у разныхъ народовъ и въ разное время такъ же безчисленно разнообразны, какъ безконечно разнообразно и самое учрежденіе

собственности, то конечно не можетъ быть рѣчи о всей этой массѣ разнородныхъ учрежденій, но можетъ быть рѣчь только о современномъ нашемъ законодательствѣ. Слѣдовательно статей 1037 запрещается всякое оспариваніе и порицаніе нашего гражданскаго права;—всякое юридическое, политико-экономическое и другое научное сочиненіе, которое не ограничивается подтвержденіемъ и похвалою правилъ и мыслей, выраженныхъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ, запрещено, и авторъ его можетъ быть подвергнутъ наказанію.

Такое заключеніе конечно придется писателю не по вкусу, и онъ будетъ стараться найти другое толкованіе. Не можетъ быть, думаетъ онъ, чтобы подъ словами «начало и основы собственности» разумѣлись всѣ нынѣ существующіе у насъ законы, тутъ непремѣнно разумѣется что-нибудь другое, и онъ обращаетъ свое вниманіе на законы о цензурѣ, гдѣ говорится: «Цензура не допускаетъ къ печати сочиненій и статей, излагающихъ вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящіяся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи.» Онъ конечно обрадуется, потому что ему покажется, что онъ тутъ нашелъ рамку для прежняго слишкомъ широкаго понятія «основы и начала собственности». — Итакъ запрещается коммунизмъ, и притомъ только вредный и клонящійся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи. Поэтому писатель прежде всего старается уяснить себѣ слово «вредный»,—что это за юридическій терминъ. Но юристы объясняютъ ему, что такого юридическаго термина не существуетъ. Для того, чтобы какое-нибудь слово было юридическимъ терминомъ, нужно чтобы оно имѣло опредѣленный, всегда и для всѣхъ одинаковый смыслъ. Между тѣмъ понятіе «вредный» чисто индивидуальное: то, что одному судьѣ кажется вреднымъ, другому кажется полезнымъ, то, что правительству сегодня казалось вреднымъ, завтра покажется полезнымъ, — это можно доказать тысячами примѣровъ. Поэтому въ глазахъ юриста слова «вредный, клонящійся къ потрясенію или

ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи»—не болѣе какъ риторическія украшенія, и онъ читаетъ просто: «не допускается ученіе коммунизма». — Писатель радъ и этому; итакъ вотъ что запрещается, вотъ что подразумѣвается подъ оспариваніемъ началъ собственности и ослабленіемъ ихъ основъ, коммунизмъ, отрицаніе собственности. Но юристы и тутъ скоро его разубѣждаютъ. Дѣйствительно, въ западной Европѣ существовали писатели, которые по своему невѣжеству противуполагали коммунизмъ собственности и полагали, что проповѣдуя коммунизмъ они уничтожаютъ собственность и замѣняютъ ее учрежденіемъ, которое должно породить всеобщее блаженство; но вѣдь это происходило только отъ невѣжества: еслибы ихъ юродическія свѣдѣнія не были такъ ограниченны, то они знали бы, что коммунизмъ есть ничто иное, какъ родъ собственности, который въ свою очередь имѣетъ множество видовъ, точно такъ же, какъ и всѣ другіе роды собственности, что онъ существовалъ на землѣ очень много разъ, имѣлъ и хорошія и дурныя послѣдствія и не обнаруживалъ ни малѣйшей способности дѣлать людей особенно счастливыми или несчастными. Его успѣхъ и неуспѣхъ зависѣлъ, какъ и во всѣхъ другихъ учрежденіяхъ, отъ нравственнаго настроенія общества, среди котораго онъ дѣйствовалъ, — у высоко-нравственныхъ сектъ онъ водворялъ значительное равенство, въ разбойничьихъ шайкахъ онъ отдавалъ все имущество въ распоряженіе одного или нѣсколькихъ лицъ. Въ природѣ мы видимъ два рода вещей. Одни вовсе не поддаются власти человѣка, напр. воздухъ, свѣтъ, другія напротивъ находятся въ неограниченной его власти. Порядокъ проявленія этой власти, учрежденный обществомъ въ своей средѣ, и составляетъ его право собственности. Коммунизмъ есть одинъ изъ этихъ порядковъ и потому есть родъ собственности. Въ ряду учрежденій собственности коммунизмъ представляетъ одну изъ простыхъ и ясныхъ формъ. Онъ не составляетъ формы искусственной, потому что для его примѣненія не нужно юридическаго вымысла, который ну-

женъ напр. для обращенія въ собственность должности или человѣка. Тутъ должность или человѣка нужно посредствомъ юридическаго вымысла считать вещью. Коммунизмъ не имѣетъ также той неопредѣленности и сложности, которая порождается въ учрежденіяхъ собственности, гдѣ одна и таже власть надъ вещью распредѣляется между различными лицами, въ неравномѣрныхъ размѣрахъ. Къ такимъ формамъ принадлежатъ феодальная собственность, китайская, индійская поземельная собственность. Въ индійской собственности англичане долго ничего не могли понять и не могли дать ей никакого точно-юридическаго выраженія. Коммунизмъ не страдаетъ этимъ недостаткомъ порядка: тутъ юридическое отношеніе почти всегда выражается очень ясно. Какъ скоро вещь появляется на свѣтъ, она находится въ распоряженіи всѣхъ съ равнымъ правомъ каждаго; какъ скоро они ею распорядятся—она поступаетъ въ исключительную власть одного и т. д. Итакъ, что подумать писателю о коммунизмѣ—запрещенъ онъ, или нѣтъ?—На основаніи цензурной инструкціи — да; на основаніи статьи 1037—и да, и нѣтъ. Затрудненія его еще болѣе увеличиваются, если онъ обратится къ нашимъ законамъ и къ нашимъ учрежденіямъ. Если коммунизмъ не есть отрицаніе или отсутствіе собственности, то что́ же онъ такое? Онъ есть общая собственность. Дѣйствительно, всякій, кто имѣетъ хотя самое поверхностное понятіе о коммунизмѣ, знаетъ, что коммунизмъ и общая собственность—это одно и тоже. Общая собственность нетолько не запрещается нашими законами, но ей посвящена даже вся третья глава 2 раздѣла 2 книги гражданскихъ законовъ. Наше законодательство знаетъ нетолько общую собственность, но даже нераздѣльную общую собственность. Нетолько крестьяне живутъ нѣсколько семействъ вмѣстѣ, въ такихъ коммунистическихъ отношеніяхъ, но даже богатыя купеческія семейства живутъ въ коммунизмѣ. Коммунизмъ въ купеческихъ капиталахъ до такой степени распространенъ, что общій капиталъ составляетъ правило, а капиталъ отдѣльнаго лица исключеніе: чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только

раскрыть одиннадцатый томъ законовъ. Можно ли защищать и хвалить эти учрежденія — не будетъ ли это оспариваніемъ началъ собственности и ослабленіемъ ея основъ? Писатель нетолько не вышелъ изъ затрудненій, но увеличилъ ихъ для себя, онъ видитъ, что даже защищать и хвалить существующіе законы не всегда можетъ быть безопасно.

Въ изслѣдованіяхъ о состояніи рыболовства въ Россіи, изданныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ (т. 6, стр. 20), говорится: «Въ сосѣдней къ Кандалакшѣ части моря есть мѣста, извѣстныя изобиліемъ въ нихъ егорьевскихъ и заледныхъ сельдей. Ловъ на такихъ мѣстахъ производится всѣмъ міромъ и добытое дѣлится по душамъ слѣдующимъ образомъ. Предварительно опредѣляютъ, сколько нужно работниковъ для производства лова, и рѣшаютъ, сколько душъ должны выставить одного работника. Каждый работникъ долженъ принести съ собою необходимыя орудія лова и соль. Общій уловъ продается огульно, вырученныя же деньги раздѣляются по числу участвовавшихъ въ ловлѣ работниковъ; эти послѣдніе полученную сумму распредѣляютъ по дворамъ, сообразно съ числомъ имѣющихся въ нихъ въ наличности душъ. Затѣмъ, если какой дворъ имѣетъ средства, сверхъ участія въ мірскомъ ловѣ, ловитъ про себя отдѣльно, то это ему не возбраняется, но только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не значатся за міромъ. Но если окажется гдѣ-либо изъ этихъ вольныхъ мѣстъ ловъ особливо выгоднымъ, то на слѣдующій годъ и это мѣсто присоединяется къ этому мірскому участку. Прочіе ловы сельдей, т. е. пвановскій и осенній, здѣсь вольные. Такимъ же образомъ производится ловъ въ Ковдѣ и Княжной. — Въ Умбѣ, гдѣ сельдей не такъ много, ловъ ихъ организованъ иначе. Жители четырехъ деревень Умбы, Кузы, Оленицы и Сальницы собираются на новый годъ въ Умбу и здѣсь раздѣляются на три части, называемыя четвертями, мечутъ жеребій, какой участокъ моря долженъ достатся какой четверти. Каждая четверть раздѣляется на десять дружинъ. Дружины мечутъ жеребій,

указывающій какой дружинѣ какая должна достаться тоня. Добычу дѣлятъ члены дружины по-ровну. Во всѣхъ мѣстахъ, посѣщенныхъ экспедиціею, ловъ устроенъ по одному изъ описанныхъ способовъ, кромѣ Сороки. Огромность массы сельдей, посѣщающихъ въ концѣ осени и въ началѣ зимы Сороцкую губу, позволяетъ жителямъ прибрежныхъ деревень: Сороки, Выгскаго острова, Шижни и Сухаго Наволока и кореламъ, пріѣзжающимъ сюда на время лова изъ деревень, лежащихъ далѣе отъ моря въ глубь страны, брать изъ предлагаемаго моремъ богатства столько, сколько позволяютъ силы.» Если принять въ соображеніе, что рыбныя ловли составляютъ здѣсь почти исключительный способъ для пропитанія жителей, то мы будемъ имѣть передъ собою типъ ряда коммунистическихъ общинъ. Спрашивается, можно ли защищать такое устройство, а слѣдовательно и принципъ, на которомъ оно основано, не опасаясь подвергнуться преслѣдованію на основаніи ст. 1037?— Въ изданіи министерства государственныхъ имуществъ это дѣлается; тамъ доказывается, что попытки тамошнихъ сороцкихъ рыболововъ присвоить себѣ исключительныя права были крайне вредны и опасны. «Жестоко было бы, говорится въ изданіи, лишать бѣдныхъ людей средствъ къ жизни, доставляемыхъ массами сельдей, толпящихся въ Сороцкой губѣ, а, напротивъ того, было бы полезно объявить, что корелы имѣютъ такое же точно право на ловъ, какъ сами сорочане.» Изданіе защищаетъ этотъ коммунизмъ и противъ покушенія на него другаго рода собственности. Оно говоритъ о бѣломорской компаніи: «Конечно компанія могла бы сама заниматься ловомъ, нанимая для того работниковъ, но этимъ она принесла бы величайшее зло здѣшнему краю. Рыболовство составляетъ единственный источникъ пропитанія для тамошнихъ жителей, причемъ семожій ловъ, гдѣ онъ есть, составляетъ для нихъ источникъ уплаты государственныхъ податей, а сельдяной покрываетъ прочія ихъ нужды. Поэтому компанія лишила бы здѣшнихъ жителей послѣдняго источника пропитанія.» Послѣ этого можно ли защищать такой видъ

коммунизма?—Была сдѣлана попытка по слѣдующему случаю. На Печорѣ, какъ и на Бѣломъ морѣ, существуютъ общинныя воды, но онѣ отдаются общинами на откупъ. Оказалось, что откупщики приэтомъ совершенно разоряютъ рыболововъ и доводятъ ихъ до крайней нищеты. Сдѣлано было предложеніе о введеніи тамъ такого же порядка, какой существуетъ въ бѣломорскихъ общинахъ, но предложеніе не дошло до публики, потому что лицо, отъ котораго это зависѣло, признало предложеніе основаннымъ на коммунистическихъ началахъ; оно, конечно, не имѣло ни малѣйшаго понятія о томъ, что дѣлается на Бѣломъ морѣ и какія мнѣнія объ этомъ высказываются въ изданіяхъ министерства государственныхъ имуществъ.—Счастливъ писатель, что это лицо не было судьею, а то бы насидѣться ему подъ арестомъ.

Какъ извѣстно, въ нашихъ казацкихъ войскахъ земли и вода составляютъ общее достояніе войска. На южныхъ частяхъ Урала рыболовство составляетъ почти исключительный промыселъ жителей. Ловъ этотъ производится одновременно всѣми казаками для того, чтобы добыча между ними распредѣлялась равномѣрнѣе и чтобы тѣ, которые придутъ раньше, не могли получить все, а остальные ничего. Тутъ встрѣчаются чисто коммунистическіе пріемы. «На зимнемъ неводномъ ловѣ, говорится въ описаніи уральскаго казачьяго войска, составленномъ въ генеральномъ штабѣ *), гдѣ ловъ всѣми неводами производится разомъ, въ запертомъ пространствѣ, часто случается, что одни невода получаютъ богатую добычу, другіе попадаютъ на такой участокъ, гдѣ рыбы почти нѣтъ, а потому дѣлежъ происходитъ сообща, именно: вся рыба складывается вмѣстѣ и потомъ раздѣляется на кучи или, какъ говорятъ здѣсь, на урусы. Каждый неводъ получаетъ

*) Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба—«Уральское казачье войско», часть первая, стр. 204.

одинаковое число кучъ, которыя уже дѣлятся между казаками... Тѣ же правила существуютъ на зимнемъ и весеннемъ Черхальскомъ ловѣ... Плавенное и оханное рыболовства полагаютъ за основаніе при раздѣлѣ добычи индивидуальный трудъ: каждый беретъ то, что онъ поймалъ, но на багреньи, гдѣ случайность и удача преобладаютъ, дѣлежъ совершается по артелямъ.» Можно защищать эти коммунистическіе порядки? Можно защищать принципъ, на которомъ они основаны? Въ изданіи военнаго министерства это дѣлается: «Въ основаніи такое правило совершенно законно и справедливо», говорится тамъ; и дѣйствительно, еслибы простые казаки были предоставлены на произволъ счастливыхъ и несчастныхъ улововъ и эти коммунистическіе пріемы не страховали для нихъ обезпеченія жизни, то они очень скоро дошли бы до такого же жалкаго состоянія, какъ на сѣверѣ самоѣды, и были бы въ полномъ рабствѣ у ростовщиковъ и эксплуататоровъ. Мы встрѣчаемся тутъ даже съ примѣненіемъ крайняго коммунистическаго принципа, раздѣленія труда по способностямъ, а произведеній по потребностямъ: такъ при дѣлежѣ рыбы назначаются паи для вдовъ и сиротъ. Въ нашихъ казацкихъ войскахъ, которыя, между прочимъ, составляютъ самыя благоденствующія части имперіи, принципы западно-европейской собственности составляютъ исключеніе; все ихъ имущественное устройство основано на началахъ, которыя всякій западно-европеецъ признаетъ за начала соціальныхъ ученій. Можно ли защищать эти начала? Въ изданіяхъ военнаго министерства нетолько это дѣлается, но открыто признается вредъ такихъ видоизмѣненій въ этихъ учрежденіяхъ, которыя даютъ преобладаніе богатымъ. «Наемъ рабочихъ тутъ запрещенъ,—говорится про плавенныя рыболовства,—а на оханныхъ онъ ограниченъ, слѣдовательно и богатый и бѣдный участвуютъ въ нихъ при равныхъ и одинаковыхъ условіяхъ. И это вовсе не стѣсненіе, потому что... на какомъ основаніи богатство давало бы право черпать большую долю изъ общаго достоянія?.. Курхайскія морскія рыболовства имѣютъ совер-

шенно другой характеръ и потому составляютъ вредное исключеніе въ экономической общинной системѣ. Тутъ всякій черпаетъ изъ общаго достоянія столько, сколько можетъ, по денежнымъ своимъ средствамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ богатые казаки вовсе не приносятъ никакой выгоды общинѣ. Вотъ почему община желаетъ радикальнаго преобразованія въ постановленіяхъ по этимъ рыболовствамъ.» Такимъ образомъ смотрятъ на казацкое устройство, основанное во всемъ своемъ объемѣ на соціальныхъ и коммунистическихъ принципахъ, нетолько органы правительства, но и писатели изъ среды казаковъ. Припомнимъ сверхъ этого наше общинное владѣніе, условія нашей сѣверной и сибирской звѣропромышленности, киргизскія степи и т. д. и подумаемъ о томъ, возможно ли у насъ запрещать коммунистическія и соціальныя учрежденія. Часто звѣроловъ долженъ бы погибнуть съ голоду, еслибы онъ не имѣлъ права взять изъ чужаго запаса и положить вмѣсто того часть изъ своей добычи по своему усмотрѣнію. Въ описаніи Киргизской степи, изданномъ военнымъ министерствомъ въ 1865 году, на страницѣ 142-й говорится: «Чтобы показать, въ какой мѣрѣ киргизы нуждаются зимою въ кормѣ для скота, разсмотримъ свѣдѣнія о перепускѣ скота за линію. Съ давнихъ временъ существовалъ обычай перепускать зимою киргизовъ съ своимъ скотомъ за линію, на земли казачьихъ войскъ, съ извѣстною платою въ пользу станицъ и войсковыхъ суммъ. Временно этотъ переходъ запрещали въ видѣ наказанія киргизамъ, но потомъ всегда опять разрѣшали. Со времени занятія новой линіи сдѣлалось необходимымъ нетолько продолжать перепускать зимою скотъ за линію, но пришлось дозволить нѣкоторымъ киргизамъ оставаться въ районѣ новой линіи и на лѣто для заготовленія сѣна около зимовокъ. Этотъ порядокъ приводитъ, конечно, къ частымъ столкновеніямъ съ казаками.» Вотъ у насъ образецъ соціально-коммунистическаго владѣнія землею нетолько внутри общинъ и большихъ соціально-политическихъ группъ, но и между группами совершенно чуждыми другъ

другу. Намъ не надо забывать, что при томъ положеніи, въ которомъ находится въ настоящее время Россія, для насъ чрезвычайно важно, чтобы люди, которые не отличаются ни смѣлостью, ни значительнымъ развитіемъ, но такіе, которые поставлены обстоятельствами жизни въ особенно благопріятное положеніе для знакомства съ извѣстными мѣстностями и самородными соціальными формами, могли совершенно откровенно выяснять дѣло такъ, какъ оно имъ представляется. Этого мы никогда не достигнемъ, пока будутъ существовать законы, преслѣдующіе направленія, и въ обществѣ—нетерпимость и вражда къ разнымъ направленіямъ. Люди такого рода нетолько неспособны принять на себя рискъ по отношенію къ законному преслѣдованію за направленіе, даже и въ томъ случаѣ, если рискъ этотъ воображаемый, или бороться съ общественными предразсудками,—но ненормально развитое чувство самосохраненія способно въ ихъ глазахъ такъ искажать тѣ факты, которые имъ удается наблюдать, что они видятъ иногда совершенно противуположное тому, что существуетъ на дѣлѣ. Такимъ образомъ, наше соціально-экономическое развитіе предразсудками высшихъ классовъ искусственно втискивается въ западно-европейскія рамки. Исторія доказываетъ намъ, что только тѣ народы становились во главѣ цивилизаціи, которые отличались оригинальнымъ соціальнымъ и экономическимъ развитіемъ. Неужели мы доведемъ свое малодушіе до того, что лишимъ себя шансовъ играть такую славную для насъ роль? Положеніе наше таково, что нетолько всякія соціальныя и коммунистическія ученія, но даже вредныя соціально-коммунистическія ученія не могутъ быть запрещаемы, не подвергая общество различнымъ страданіямъ и опасностямъ. У нашихъ казаковъ, кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ существуютъ нѣкоторыя формы, основанныя на соціально-коммунистическихъ принципахъ, которыя имѣютъ несомнѣнно вредныя стороны и требуютъ измѣненія; таковы у казаковъ—нераздѣльное общинное владѣніе, которое даетъ офицерамъ и чиновнымъ казакамъ возможность завладѣ-

вать лучшими землями и лишаетъ иногда казаковъ средствъ къ обезпеченію, устройство тюленьяго боя на Каспійскомъ морѣ, казацкія земли, закрытыя для переселенія и т. д.; но вѣдь населеніе казаковъ и инородцевъ составляетъ милліоны,—неужели имъ возможно запретить защищать свои интересы даже и тогда, когда эти интересы противны общественному благу? Вѣдь это значило бы прямо вызывать опасную несправедливость при измѣненіи установившихся отношеній.

Главная причина, вызвавшая 1037-ю статью, состояла въ распространившемся въ высшихъ слояхъ общества опасеніи, чтобы русскій народъ не заразился опасными для общественнаго спокойствія мечтами. Но общество не приняло въ соображеніе, что для распространенія въ народѣ плѣнительныхъ для него мечтаній нѣтъ никакой надобности въ прессѣ. Мечты быстро разлетаются и прививаются безъ всякой посторонней помощи, лишь бы онѣ встрѣчали воспріимчивыя натуры,—предѣлъ для нихъ составляютъ одни условія воспріимчивости. Какая печать распространила въ народѣ идеи, которыя осуществлялись Пугачевымъ и Разинымъ? Какая печать распространяетъ въ народѣ суевѣрія и предразсудки? Они безъ помощи печати разошлись отъ ледяныхъ оконечностей Таймурскаго мыса до Кавказскихъ горъ и жгучихъ песковъ Каспійскаго и Аральскаго прибрежья. Печать нужна не для распространенія лжи, а для распространенія истины. Если какая-нибудь мечта бывала такъ плѣнительна, что оказывалось выгоднымъ ее эксплуатировать, то никакіе законы не были въ силахъ помѣшать этому; она питалась поэтическими аллегоріями, намеками и безчисленными путями, не поддающимися никакому преслѣдованію. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится истина, непонимаемая обществомъ, но отъ пониманія которой зависитъ его спокойное и нормальное развитіе. Такую истину трудно себѣ уяснить; для того, чтобы составить себѣ объ ней правильное понятіе, нужно сдѣлать основательное и глубокое изслѣдованіе. Понявъ истину, никакъ нельзя ее распространять какими-

нибудь намеками и аллегоріями, а нужно ее передать со всѣми подробностями изслѣдованія. Но для этого законы о печати становятся неодолимымъ препятствіемъ. Никто не предприметъ большаго труда на-авось: авось цензура не признаетъ его вреднымъ соціализмомъ, авось судъ не подведетъ его подъ ст. 1037, а всякій благоразумно отстранится. Въ тоже время писатели, которые живутъ литературой, тяготятся стѣсненіемъ печати и раздражены имъ. Вотъ почему въ странѣ, гдѣ рѣчь не свободна, литература принимаетъ легкій и желчный характеръ. Вопросы народной жизни не разрабатываются своевременно и основательно, народу не прививается нужныхъ для его развитія идей и чувствъ, а онъ только возбуждается; развитіе принимаетъ характеръ порывистый, сопряженный съ опасными волненіями и безпорядками. Что касается спеціально идей соціальныхъ и коммунистическихъ, то мнѣніе будтобы онѣ способны производить революціонные взрывы основано исключительно на незнаніи исторіи и условій общественной жизни. Люди, которые заражены такимъ предразсудочнымъ взглядомъ на коммунизмъ и соціализмъ, обыкновенно представляютъ себѣ общество состоящимъ изъ двухъ частей: одна состоитъ изъ малочисленнаго имущественнаго класса, а другая изъ огромнаго числа рабочихъ-пролетаріевъ, которые готовы кинуться на первыхъ и присвоить себѣ ихъ достояніе. Поэтому они видятъ опасность во всякой идеѣ, которая могла бы въ этихъ массахъ возбуждать подобныя преступныя желанія. На дѣлѣ мы видимъ вовсе не то. Общество вовсе не раздѣляется на двѣ большія группы съ противуположными интересами, но на множество мелкихъ группъ съ интересами весьма разнородными. Такъ въ высшихъ слояхъ общества мы видимъ чиновниковъ высшихъ и низшихъ, духовенство высшее и низшее, живущихъ интеллектуальнымъ трудомъ (адвокатовъ, литераторовъ и т. д.), землевладѣльцевъ и арендаторовъ, капиталистовъ, которые опять-таки раздѣляются на множество отраслей, купцовъ, извѣстныхъ ремесленниковъ, домовладѣльцевъ, купцовъ, ску-

пающихъ по мелочамъ трудъ рабочаго населенія, подрядчиковъ, занимающихся перевозкой, земляными работами и т. д., фабрикантовъ и пр. Въ рабочемъ классѣ—солдатъ, прислугу, ремесленниковъ, служителей въ торговлѣ и при перевозкѣ тяжестей, получающихъ заказы отъ купцовъ и фабрикантовъ, земледѣльцевъ, поденщиковъ, занятыхъ въ мелкой торговлѣ, на земляныхъ работахъ, фабричныхъ рабочихъ и пр. Изъ числа всѣхъ этихъ классовъ соціальныя и коммунистическія ученія могутъ возбуждать надежды только въ однихъ фабричныхъ и притомъ не въ томъ многочисленномъ населеніи, которое получаетъ отдѣльные заказы, а только въ тѣхъ, которые работаютъ въ большихъ заведеніяхъ *). Неужели дворникъ можетъ надѣяться получить домъ своего хозяина, караульный при складѣ—право собственности на охраняемый имъ товаръ, землекопы, плотники, каменщики — на каналы, дороги и зданія и т. д.! Фабричные рабочіе, даже въ самыхъ промышленныхъ городахъ, составляютъ громадное меньшинство. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свой отдѣльный интересъ, который состоитъ въ монополіи и въ поставленіи тѣхъ, отъ которыхъ они получаютъ свои доходы, въ самое невыгодное положеніе посредствомъ оглупленія и разъединенія. Всякая группа одинаково старается поставить себя такъ, чтобы исключить отъ конкуренціи какъ можно большее число членовъ, покупателей и сотрудниковъ подвергать наибольшему давленію и производить какъ можно дороже и хуже. Этому интересу противуположенъ интересъ всего общества, который состоитъ въ томъ, чтобы всюду увеличивать конкуренцію, избавлять всѣхъ отъ разъединенія, оглупленія и давленія и порождать этимъ дешевое и хорошее производство. Борьба отдѣльныхъ

*) Поверхностному наблюдателю могутъ показаться и другіе классы заинтересованными, напр работающіе въ большихъ заведеніяхъ ремесленники, но значеніе извѣстнаго ремесленника основано на его репутаціи, а не на его капиталѣ и ремесленныя ассоціаціи богатѣли точно такъ же, какъ отдѣльные ремесленники, тѣмъ же труднымъ путемъ они должны были составлять себѣ репутацію.

группъ интересуетъ его только именно въ этомъ смыслѣ, оно старается для всѣхъ уравновѣшивать шансы конкуренціи. Его выгода развивать образованіе, чтобы увеличить предложеніе интеллектуальнаго труда, размножать искусныя руки, чтобы увеличить предложеніе мастеровъ на фабрикахъ и ремеслахъ, размножать экономію и въ особенности кредитъ, чтобы уменьшить процентъ на капиталъ, устранять дань съ производства, т. е. источники дохода, созданные искусственно, безъ всякой производительной цѣли, напр. феодальныя права, десятины и т. д. Поэтому идея, касающаяся отдѣльныхъ группъ, не можетъ пріобрѣсти силы при свободѣ слова; тутъ значеніе получаютъ только идеи общаго интереса и въ этихъ идеяхъ человѣкъ дѣлаетъ въ десять разъ болѣе чужое дѣло, чѣмъ свое собственное, и потому слѣдуетъ своему разсудку, а не своимъ страстямъ; если онъ ошибается, то онъ ошибается потому, что его обманываетъ разсудокъ, и эти ошибки служатъ ему на пользу. Я, наравнѣ со всякимъ другимъ, имѣю, конечно, интересъ въ томъ, чтобы конкуренція между плотниками или сахарными заводчиками обезпечивала лучшее или наиболѣе дешевое производство сахара и строеній, но въ ряду всѣхъ моихъ интересовъ этотъ интересъ совершенно незначительный,—я обсуждаю его съ полнымъ хладнокровіемъ и если ошибусь, то потому, что меня обманетъ разсудокъ, а не вслѣдствіе страстнаго увлеченія. Мечты и идеи, страстно возбуждающія отдѣльныя группы общества, могутъ быть опасны только тогда, когда въ его средѣ пѣтъ свободнаго слова, когда вслѣдствіе этого въ обществѣ является апатія и совершенное безучастіе къ общественнымъ интересамъ, такъ что нѣсколько десятковъ и сотенъ лицъ могутъ вертѣть по-своему милліонами. Приэтомъ мечты и идеи, въ которыхъ заинтересованы разныя высшія группы общества, чрезвычайно для него опасны, а мечты и идеи низшихъ, рабочихъ группъ не представляютъ почти никакой опасности; сравните, сколько потерпѣло человѣчество отъ рабства, феодализма, десятинъ, торговыхъ монополій, запре-

тительныхъ тарифовъ и сколько оно потерпѣло отъ соціализма и коммунизма — тутъ не можетъ быть даже и рѣчи о сравненіи.

Въ справедливости этого воззрѣнія не трудно убѣдиться, если взглянуть на то, что дѣлается въ любой демократіи. Еслибы общество дѣйствительно состояло изъ двухъ группъ, изъ которыхъ одна, многочисленная, имѣетъ существенный интересъ ограбить другую, малочисленную, то демократія представляла бы форму управленія весьма опасную для имущественныхъ классовъ. Пристрастные противники этого правленія стараются выставить его именно такимъ образомъ; между тѣмъ на дѣлѣ ничего подобнаго не оказывается. Соціализмъ и коммунизмъ въ демократіяхъ нетолько не представляютъ никакой опасности, но оказываются даже весьма мало плѣнительными для массъ: соціалисты и коммунисты безпрепятственно образуютъ въ Америкѣ свои общины и нетолько не внушаютъ массамъ страстнаго увлеченія или страстнаго отвращенія, но имѣютъ на нихъ весьма ничтожное вліяніе. Тоже можно сказать о рабочихъ движеніяхъ: вопросъ, разрѣшающійся между капиталистами и рабочими, волнуетъ всегда только небольшую часть общества, а масса составляетъ безпристрастнаго зрителя, который переходитъ съ одной стороны на другую, сообразно тому, гдѣ справедливость. Но нельзя того же сказать объ идеяхъ, существенно задѣвающихъ вопросы общаго интереса, напр. о мормонахъ, тутъ все общество поднимается на ноги и страстно смотритъ на дѣло. Причина тутъ не въ многоженствѣ,—многоженство не опасно для общества, хотя и увѣряютъ, что оно будтобы соблазнительно. Громадное большинство людей заинтересовано въ единоженствѣ, и многоженцы могутъ составлять только ничтожное ни для кого не страшное меньшинство; сами по себѣ они такъ же безсильны, какъ публичныя женщины; но дѣло великой важности—это теократическое господство, которое установляется мормонами. Американцы очень хорошо понимаютъ, что самое многоженство можетъ держаться у мормоновъ только благодаря

теократическому господству. Религія имѣетъ такое сильное вліяніе на умы большинства людей, что принципъ теократической власти всегда такъ же опасенъ для всего общества, какъ и принципъ власти, опирающейся на штыки.

Равнодушный къ исключительнымъ идеямъ соціализма и коммунизма, народъ ясно обнаруживаетъ свою дѣятельность на поприщахъ общаго интереса. Въ демократіяхъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мы видимъ заботливости о распространеніи знанія и искусства, которое увеличиваетъ конкуренцію въ средѣ интеллектуальнаго труда и высшихъ отраслей труда механическаго. Проценты на капиталъ онѣ понижаютъ громаднымъ развитіемъ банковой системы, стараются, чтобы повсюду существовали частные банки, имѣющіе право выпускать кредитные знаки и чтобы конкуренція между банками заставляла отыскивать всѣхъ лицъ и всѣ элементы, способные употребить кредитъ въ дѣло. Развитіемъ банковъ можно довести дѣло дотого, что капиталъ будетъ давать въ годъ одну десятую или даже одну сотую копѣйки съ рубля и получитъ настоящее свое значеніе страховаго учрежденія для промышленныхъ предпріятій,—слова барышъ и прибыль будутъ неизвѣстны, жить капиталомъ будетъ невозможно, и онъ будетъ составлять только рисковую прибавку къ трудовому заработку. Управленіе, организація войска нигдѣ не отличаются такой дешевизной, а чиновники такимъ трудолюбіемъ, какъ въ демократіяхъ.

Еслибы общество состояло изъ двухъ группъ, которыя въ немъ предполагаютъ, то всеобщая подача голосовъ во Франціи, гдѣ сила такъ безцеремонно поступаетъ съ чужими интересами, привела бы къ окончательному разоренію имущихъ классовъ. Наполеонъ III-й менѣе всего способенъ явиться для нихъ самоотверженнымъ рыцаремъ-защитникомъ, напротивъ онъ былъ бы очень радъ поживиться добычей, которую раздѣлилъ бы съ народомъ. Оказывается наоборотъ, всеобщая подача голосовъ нетолько не дала силы соціализму и коммунизму во Франціи, но убила ихъ.

По всей Европѣ кричатъ, что соціализмъ и коммунизмъ породили революцію 1848 года, однакоже это мнѣніе прямо противорѣчитъ исторіи. Революція 1848 года, какъ и предыдущія, была порождена всеобщимъ неудовольствіемъ вслѣдствіе ошибокъ правительства и стѣсненія свободы рѣчи. Соціалисты и коммунисты дѣйствительно принимали въ ней участіе, но они не были въ ней ни источникомъ, ни главными дѣятелями. Въ февральскихъ происшествіяхъ они столько же виновны, сколько напр. и крайній роялистъ генералъ Бюжо, который запретилъ стрѣлять въ народъ потому, что надѣялся быть военнымъ министромъ и зналъ, что ему это не удастся, если онъ подавитъ революцію съ такой энергіей, что Гизо останется во главѣ. По его расчетамъ онъ могъ подавить революцію и такимъ образомъ, чтобы въ управленіе попало оппозиціонное министерство, но онъ зналъ, что если онъ притомъ прольетъ кровь, то онъ не попадетъ въ это министерство. Настолько же были виноваты и Тьеръ и Барро, глава буржуазіи, и всѣ французы, аристократы и демократы, кромѣ Гизо и сотни его приверженцевъ. Бюжо былъ человѣкъ, прославившійся рѣшительностью и непреклонной энергіей, а дѣйствовалъ, какъ человѣкъ самый нерѣшительный, потому что таково было его положеніе. Слѣдовательно, справедливый судъ исторіи долженъ сказать, что революцію 1848 года произвели Луи-Филиппъ и Гизо, потому что они довели дѣла дотого, что у нихъ остались только сотни приверженцевъ. О значеніи коммунистовъ и соціалистовъ легко судить, если взять перечень государственныхъ людей, интриговавшихъ въ этомъ дѣлѣ на первомъ планѣ и призывавшихся другъ за другомъ къ управленію. Глядя на составъ и на дѣйствія временнаго правительства, можно подумать, что коммунисты и соціалисты служили тутъ просто орудіемъ, которое употребили въ дѣло съ тѣмъ, чтобы обмануть соціализмъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ и потомъ свалить на него все, что могло сдѣлать дѣятелей и интригантовъ непопулярными. Коммунисты вовсе туда не попали, соціалисты не дошли выше должности секре-

тарія временнаго правительства, да и этимъ обязаны были не столько плѣнительности соціальныхъ ученій, сколько двумъ важнымъ политическимъ ошибкамъ администраціи, не руководимой свободою слова. Въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Парижъ, не было подати для бѣдныхъ, не было никакого учрежденія, страхующаго жизнь рабочихъ и ихъ семействъ, и это привело народъ къ идеѣ объ организаціи труда и о правѣ на трудъ; затѣмъ, во Франціи не существовало банковой системы, основанной на свободной конкуренціи, и это лишило народъ всякаго здраваго понятія о кредитѣ. Такъ какъ революція произведена была всеобщимъ неудовольствіемъ, то власть и не досталась ни аристократамъ, ни буржуазамъ, ни соціалистамъ, а тѣмъ, которые защищали права всѣхъ, т. е. демократамъ. Въ составъ членовъ временнаго правительства былъ выбранъ представитель буржуазіи Одилонъ Барро, а изъ соціалистовъ не было выбрано никого. Отказъ Барро нисколько не былъ вынужденъ обстоятельствами и составляетъ съ его стороны политическую ошибку. Демократы гораздо болѣе придавали значенія буржуазіи, чѣмъ соціалистамъ, и считали ее гораздо большею силою, несмотря на дѣйствительно геройскіе подвиги соціалистовъ во время революціи и на ихъ воинственный духъ. Ихъ симпатіямъ придавали такъ мало значенія, что во главѣ министерства, отъ котораго зависѣло осуществленіе ихъ плановъ, поставленъ былъ человѣкъ, не сочувствовавшій этимъ планамъ. Для того, чтобы гарантировать всѣхъ отъ повторенія злоупотребленій, правители ввели всеобщую подачу голосовъ; но опытъ показалъ, что народъ сдѣлалъ бы гораздо болѣе для себя добра, еслибы онъ гарантировалъ себя свободою слова,—всеобщая подача голосовъ не можетъ быть гарантіей при стѣсненномъ словѣ. Когда соціалисты попытались, подобно Дантону, захватить власть посредствомъ народныхъ движеній, ихъ безсиліе и отсутствіе корней въ народѣ обнаружились тотчасъ же, и они были смяты и подавлены. Дантонъ дѣйствовалъ во имя интересовъ всего народа, а не части его, и потому былъ такъ

силенъ, что могъ низринуть въ пропасть вѣковыя власти и доказать, что народъ—это сила даже и тогда, когда онъ не имѣетъ большинства въ сочиненныхъ для него представительныхъ учрежденіяхъ, и что объ этой силѣ опасно забывать правителямъ. Французскіе коммунисты основали въ Америкѣ не болѣе одной общины. Въ 1848 году революція распространилась на многія части Европы, но коммунисты и соціалисты нигдѣ не играли видной роли и не оставили по себѣ никакого слѣда. Гораздо болѣе значенія имѣли демократы: слѣды вліянія этой партіи обнаружились во французской и во многихъ другихъ конституціяхъ. Причины, вызвавшія движеніе, были разнородны и въ каждой странѣ другія; болѣе прочихъ преобладали деспотическія замашки бюрократіи, преслѣдованіе національностей, остатки феодализма. Соціальныя и коммунистическія идеи были только страшилищемъ, которымъ пугали народъ шарлатаны, чтобы захватить въ свои руки власть и распорядиться съ народомъ по-своему, пользуясь его робостью и безхарактерностью. Нельзя же напр. вліянію коммунизма и соціализма приписывать венгерское возстаніе,—самое крупное явленіе этой эпохи послѣ французской революціи. Какъ ошибочно мнѣніе, что рабочій классъ составляетъ одну компактную массу съ однородными интересами, прямо противуположными интересамъ имущественныхъ классовъ, очень ясно обнаружилось въ Англіи, гдѣ свобода народныхъ движеній дала ему полную возможность проявиться при организаціи чартистовъ. Когда тамъ вздумали организовать народныя массы, опираясь на ихъ отдѣльный, будтобы всѣмъ рабочимъ общій интересъ, тогда изъ этого ничего не могло склеиться, всѣ смотрѣли въ разныя стороны, и движеніе не состоялось. Были люди, которые приписали это народному тупоумію и безхарактерности, точно такъ же, какъ подобныя обвиненія противъ народа сто разъ дѣлали разные администраторы, придумывавшіе для его блага разныя глупости. Народъ, разумѣется, не сдѣлался ни умнѣе, ни характернѣе, и пришлось перемѣнить тактику и поставить на первый планъ общее благо

всего населенія государства, и тогда дѣло стало налаживаться. Впрочемъ, я увлекся защитою народа противъ обвиненія въ небывалыхъ въ немъ разбойничьихъ наклонностяхъ и отступилъ отъ главнаго предмета, отъ разбора основъ и началъ собственности.

ГЛАВА IV.

Можно ли писать о власти человѣка надъ вещами, увеличивая или уменьшая эту власть. — Можно ли писать о наслѣдствѣ. — Великій законъ о направленіяхъ дѣлаетъ невозможными науку и развитіе. — Основы семейства. — Можно ли оспаривать и защищать многоженство. — Осетинское семейство. — Народы нетерпимости.

Коммунизмъ и соціализмъ далеко не составляютъ всѣхъ тѣхъ отношеній къ вещамъ, которыя могутъ быть предметомъ научнаго разсмотрѣнія. Такъ какъ нѣкоторыя вещи, по природѣ своей, не могутъ сопротивляться человѣку, то онѣ и находятся въ его неограниченной власти и могутъ находиться въ теченіе всей его жизни. Ну, вотъ, скажетъ читатель, это вѣдь и есть основа и начало собственности,—непрерывная, во всю жизнь продолжающаяся, неограниченная власть человѣка надъ вещью, которая можетъ прекратиться и перейти къ другому только по доброй его волѣ. Еслибы такая власть существовала или, по крайней мѣрѣ, могла существовать, то я бы согласился, что собственность имѣетъ неизмѣнныя начала и основы или, по крайней мѣрѣ, можетъ ихъ имѣть, но такой собственности никогда и нигдѣ не существовало и не можетъ существовать. При настоящихъ нашихъ обстоятельствахъ я долженъ утверждать, что человѣкъ, написавшій сочиненіе, въ которомъ онъ будетъ доказывать, что собственность должна принадлежать лицу въ теченіе всей

его жизни и можетъ прекратиться только по доброй его волѣ, рискуетъ подвергнуться наказанію на основаніи 1037 статьи, потому что онъ потрясалъ бы этимъ законныя основы и начала нашей русской собственности, въ томъ смыслѣ, какъ я ихъ понималъ выше. Онъ долженъ былъ бы отрицать право верховной власти отбирать собственность для общественной пользы, право суда отбирать ее по своему усмотрѣнію тамъ, гдѣ это право предоставлено ему закономъ. Такое ученіе всѣмъ бы показалось анархическимъ, ни одно обязательство не могло бы быть исполнено посредствомъ суда и власти, сдѣлки ничѣмъ бы не обезпечивались, всѣхъ судей нужно было бы оставить за штатомъ, а суды закрыть, нельзя было бы взыскивать податей, и государство осталось бы безъ защиты. Отъ учрежденія собственности въ томъ видѣ, какъ оно написано въ нашихъ законахъ, мы попытаемся пойти вверхъ и внизъ, т. е. съ одной стороны до пожизненной власти человѣка надъ вещью, прекращающейся только по его волѣ, а съ другой—до власти ничѣмъ не обезпеченной, и посмотримъ, можно ли тутъ найти предѣлъ между дозволеннымъ и преступнымъ. Можно говорить противъ конфискаціи, не разрушая такъ-называемыхъ началъ и основъ нашей собственности; есть много конституцій, запрещающихъ конфискацію — это менѣе всего анархическій принципъ. Если можно говорить противъ конфискаціи, то можно ли говорить противъ отнятія собственности для пользы общей? Вѣдь и конфискація дѣлается ради интересовъ общества. Можно ли доказывать, что нельзя у человѣка отнимать все его имущество въ видѣ подати, что необходимо ему оставлять средства для пропитанія, какъ требуетъ законъ магометанскій, что необходимыя средства для пропитанія нельзя подвергать податямъ, какъ утверждаетъ европейская финансовая наука, что можно брать только половину или треть всѣхъ доходовъ, или только шестую и двѣнадцатую часть, какъ установлялось индійскимъ закономъ, что можно брать только тысячную или десятитысячную часть,—тогда доходы будутъ такъ незна-

чительны, что не окупятся издержки взиманія и лучше всего государству ограничиться, ради возвышенія значенія собственности, добровольными приношеніями, какъ дѣлалось въ древней Германіи? Можно ли доказывать, что суду не слѣдуетъ отбирать за долги всю собственность лица и оставлять его съ семействомъ безъ крайне необходимаго, что ему нужно оставлять скотъ для удобренія и сѣмена для обсѣмененія полей, что ему нужно оставлять необходимые инструменты для работы, что всѣ орудія труда неприкосновенны, что неприкосновенно все, что нужно для удовлетворенія потребностей, наконецъ, что судъ уже не можетъ коснуться ни до чего и права судовъ на чужую собственность совершенно излишни? Въ этомъ длинномъ рядѣ переходовъ, при устраненіи одного ограниченія за другимъ,—гдѣ тутъ граница между дозволеннымъ и запрещеннымъ? Ея нѣтъ въ законѣ, и раціонально одно—утверждать, что все запрещено.

Пойдемъ въ другую сторону. По закону можно отбирать имущество ради общественной пользы за вознагражденіе по оцѣнкѣ. Можно ли доказывать, что имущество можетъ быть отбираемо ради общественной пользы съ назначеніемъ произвольнаго вознагражденія? У насъ это дѣлалось,—башкирамъ за отходящую отъ нихъ землю для надѣла припущенниковъ назначено вознагражденія по три рубля за десятину. Извѣстно, что земля вездѣ имѣетъ, смотря по своимъ достоинствамъ, различную цѣну и что назначать одну цѣну за всякую землю—это значитъ вознаграждать не по оцѣнкѣ, а по произвольному назначенію. Можно ли доказывать, что за всякую землю, отходящую въ Россіи для общественной пользы, слѣдуетъ назначать по три рубля за десятину или рубль, пятьдесятъ или десять копѣекъ? Собственность отбирается для общей пользы, для дорогъ, каналовъ, крѣпостей и общественныхъ сооруженій. Можно ли доказывать, что собственность слѣдуетъ отбирать для обезпеченія жизни или благосостоянія части населенія? Это дѣлалось,—у башкирцевъ отобраны земли для обезпеченія припущенниковъ. Можно ли

доказывать, что у помѣщиковъ слѣдуетъ отобрать земли для обезпеченія крестьянъ и давать имъ вознагражденіе по три рубля за десятину, по рублю, по пятидесяти или десяти копѣекъ? Земли отбираются подъ дороги для возвышенія общаго благосостоянія, а такъ какъ мелкая собственность производительнѣе крупной, то можно ли доказывать, что у крупныхъ собственниковъ слѣдуетъ отобрать, для возвышенія общаго благосостоянія, всѣ земли и раздать мелкимъ, и вознаградить ихъ по три рубли или по десяти копѣекъ за десятину? Можно ли доказывать, что необходимо назначить максимумъ для дохода, получаемаго человѣкомъ отъ своей собственности?—Максимумъ этотъ былъ назначенъ для земель, отошедшихъ отъ помѣщиковъ въ пользу крестьянъ. Можно ли говорить о необходимости уменьшить оброки на десять процентовъ, на $99,_{99}$ %? Можно ли доказывать, что нужно установить максимумъ для всякихъ доходовъ? Максимумъ въ $0,_{0001}$ %? Назначеніе вознагражденія за отбираемую собственность предоставляется верховной власти. Можно ли доказывать, что назначеніе такого вознагражденія не дурно было бы предоставить также и другимъ? Необходимость этого отчасти сознана правительствомъ. Намѣстнику кавказскому предоставлено рѣшать, сообразна ли просимая владѣльцемъ за отходящее имущество цѣна достоинству этого имущества. Оцѣнка отбираемымъ имуществамъ производится мѣстными чиновниками, верховная власть не видитъ и не знаетъ этого имущества, Высочайшее утвержденіе оцѣнки можетъ ихъ избавлять отъ отвѣтственности. Не лучше ли оставить все дѣло въ ихъ рукахъ, или въ рукахъ земства, или городскихъ обществъ? Предоставить имъ назначать произвольное вознагражденіе въ крайнихъ, во всѣхъ случаяхъ? Предоставлять всякому частному лицу отбирать у другаго лица имущество произвольно, назначая вознагражденіе или безъ вознагражденія, какъ дѣлаютъ разбойничьи шайки? Гдѣ въ этомъ ряду граница между дозволеннымъ и запрещеннымъ? — Ея нѣтъ; все запрещено.

Тоже самое можно сказать о наслѣдствѣ; посредствомъ законовъ о наслѣдствѣ можно все имущество страны сосредоточить въ рукахъ нѣсколькихъ десятковъ людей или распредѣлить его поровну между всѣмъ населеніемъ. Въ первомъ случаѣ нужно развить до крайности ученіе маіоратовъ и фидеикоммисовъ; въ послѣднемъ — установить максимумы и увеличить число наслѣдниковъ. У насъ возможно же было установить минимумъ поземельнаго наслѣдства, отчего же не установить максимумъ, подобно тому, какъ сдѣлана была попытка въ Китаѣ? Тутъ точно также невозможно опредѣлить, гдѣ граница мѣжду дозволеннымъ и запрещеннымъ обсужденіемъ.

Все это не есть недостатокъ именно нашего законе. это необходимое свойство всякаго закона о направленіи. Онъ порождаетъ или неподвижность, или произволъ. Всякій подобный законъ — обоюдуострый мечъ, который обращается противъ тѣхъ, которые считали себя безопасными подъ его защитой. При свободѣ слова на всякое направленіе можно нападать, но зато-же всякое направленіе можетъ себя защищать; общество пріучается справедливо смотрѣть на интересы каждаго, и это самая твердая гарантія, какую возможно себѣ представить. Общество, которое пріобрѣло разъ чувство справедливости, сохранитъ его навсегда. Тамъ же, гдѣ свободы слова нѣтъ, чувство справедливости никогда не развивается въ обществѣ, и гарантія лежитъ въ законахъ о направленіяхъ, которые сегодня ограждаютъ, а завтра могутъ бить. Сегодня помѣщикъ и купецъ считаютъ себя вполнѣ гарантированными, а завтра они не будутъ знать, останется ли у нихъ рубашка на тѣлѣ. Сегодня общество говоритъ. что они несправедливо и чрезмѣрно ограждали себя; завтра оно скажетъ, что они сами виноваты, если на ихъ интересы не обращается должнаго вниманія. Вотъ проклятіе, которое лежитъ на всякой несправедливости, на всякой нетерпимости.

Много у насъ кричали въ безумномъ и малодушномъ страхѣ, требовали огражденія отъ небывалыхъ опасностей,

грозившихъ намъ будто-бы со стороны ученій коммунизма и соціализма. Правительство успокоило умы, дало законъ. Законъ этотъ былъ скорѣе лучше, чѣмъ хуже, другихъ подобныхъ законовъ. Французскимъ закономъ 11 августа 1848 года за нападки на принципъ собственности назначается заключеніе отъ мѣсяца до трехъ лѣтъ и пеня до 4,000 франковъ (1,000 р.). Къ чему приводитъ такой законъ? Мечтаній обуздать онъ не въ силахъ, а всякая научная разработка всего, что касается до отношеній людей къ вещамъ, всякое сужденіе объ этомъ предметѣ поднимаетъ надъ труженикомъ дамокловъ мечъ. Не лучше ли, вмѣстѣ съ 20 статьей прусской конституціи 31 января 1850 года, сказать: «Наука и ея ученія свободны»? — Не будетъ ли это гораздо выгоднѣе для развитія народа? Даже ненавистный союзный законъ 1854 года грозитъ наказаніемъ какъ будто-бы только за возбужденіе къ покушеніямъ на дѣйствительно установившуюся собственность, т. е. за возбужденіе къ воровству, но зато-же онъ требуетъ огражденія противъ нападеній на основы государства и государственное устройство, — это дамокловъ мечъ, который грозитъ смертью всѣмъ юридическимъ и политическимъ наукамъ. Удивительное отсутствіе самообладанія! Въ законѣ 1854 года было постановленіе о наказаніи за возбужденіе къ неповиновенію законамъ,—къ чему же еще эта прибавка, которая по своей неопредѣленности должна плодить въ государствѣ ненависть между партіями и угнетеніе? Статья 1037 запрещаетъ оспариваніе или порицаніе началъ семейнаго союза. Можно ли нападать на многоженство? Нельзя; это—начало магометанскаго семейства, признаннаго нашимъ закономъ. Можно защищать многоженство? Нельзя; это разрушало бы и ослабляло основы христіанскаго семейства. Вотъ какъ Гакстгаузенъ, въ сочиненіи о Закавказскомъ краѣ, изображаетъ осетинское семейство: «Обыкновенно осетины имѣютъ только одну жену, и изрѣдка двѣ... Отношенія между двумя полами совершенно свободны... Несмотря на то, нѣтъ случая, чтобы дѣвица до замужства преступила противъ цѣломудрія. Дѣло иное

съ замужними женщинами. Въ первое время, до рожденія дитяти, обычай требуетъ отъ нихъ величайшей скромности. Такъ же, какъ и у армянъ, молодая супруга можетъ говорить только съ мужемъ; даже съ родителями и сестрами она объясняется лишь знаками. Но послѣ первыхъ родовъ или, если остается бездѣтною, по прошествіи четырехъ лѣтъ, она совершенно эманципируется, и вообще не очень хорошо говорятъ о поведеніи осетинскихъ женщинъ... Отецъ покупаетъ для шести или осьмилѣтняго сына жену 14 или 16 лѣтъ... Отецъ, который, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ и не отецъ, живетъ съ такъ-называемою снохою, имѣетъ, быть можетъ, отъ нея сына, которому мнимый отецъ, по достиженіи 6 или 8 лѣтъ, также покупаетъ жену и въ свою очередь съ нею живетъ и т. д. Притомъ у осетинъ существуютъ свои особыя понятія о правахъ брака. Дитя, рожденное въ бракѣ, хотя доказано кровосмѣшеніе и прелюбодѣяніе, считается законнымъ въ отношеніи имени и правъ наслѣдства. Женщина, родившая въ бракѣ дѣтей, по смерти мужа, не можетъ вторично выйти замужъ за человѣка, не принадлежащаго ея семейству... Но отецъ или братъ умершаго можетъ на ней жениться, и это считается даже обязанностью, долгомъ чести. Но бракъ этотъ, по юридическимъ понятіямъ, все-таки есть продолженіе перваго, единственнаго, вѣчнаго брака; дѣти этого брака считаются дѣтьми перваго и пользуются именемъ и имуществомъ наравнѣ съ дѣйствительными дѣтьми сего брака. Понятіе это еще болѣе распространено. Если у покойнаго мужа уже умеръ отецъ и нѣтъ брата, и вдова, вслѣдствіе этого, должна остаться незамужнею.— ничто не мѣшаетъ ей быть въ связи съ посторонними, и рожденные оттого дѣти считаются законными дѣтьми расторгнутаго смертью брака. Этотъ примѣръ былъ у насъ передъ глазами. Хозяйка наша была вдова, отъ покойнаго мужа своего имѣла трехъ дочерей, но ни одного сына; — мужъ ея умеръ 5 лѣтъ тому назадъ, а у груди ея былъ мальчикъ одного года! Мальчикъ этотъ былъ наслѣдникъ двора, назывался именемъ покойнаго мужа, а дѣйствитель-

ныя, законныя дочери ничего не наслѣдовали и, напротивъ, должны были продаваться въ пользу побочнаго сына... Если вдова не имѣетъ дѣтей и хочетъ вновь выйти замужъ, то новый мужъ долженъ заплатить семейству, изъ котораго она выходитъ, половину покупной цѣны ея. Ребенокъ, рожденный ею, въ теченіе года по смерти мужа, принадлежитъ его семейству... Ухаживаніе за женщинами играетъ важную роль въ общежитіи осетиновъ. Чѣмъ болѣе сватаются за дѣвушку, тѣмъ она болѣе уважается и тѣмъ выше цѣна ей. Дѣвушка, не имѣющая ни одного претендента, равно какъ и скромная вдова, такъ презираются, что на нихъ публично плюютъ. У осетиновъ обыкновенно жены имѣютъ всю власть въ домѣ; добрые мужья почти всегда находятся подъ башмакомъ... Когда умираетъ мужъ, вдова распоряжается хозяйствомъ. Собственное и самое крѣпкое основаніе политической и соціальной жизни осетиновъ состоитъ не въ народной или общественной связи, а въ связи семейной.» Можно нападать на такой бытъ? Нельзя, — это значило бы разрушать основы осетинскаго семейства. Можно его защищать? Нельзя, — это значило бы разрушать основы нашего христіанскаго семейства. Однакоже, можно себѣ представить случай, гдѣ такая защита была бы не безполезна. Предположимъ, что мѣстныя власти, считая осетинское семейство безнравственнымъ, начинаютъ его преслѣдовать безъ соблюденія всякой осторожности. Осетины, у которыхъ семейная связь стоитъ на первомъ планѣ, ожесточены и готовы взяться за оружіе, мятежъ можетъ охватить весь Кавказъ и расплодить для насъ хлопоты и несчастья. При такомъ положеніи защита осетинскаго семейства составляетъ для русскаго гражданскую обязанность. Упрямыя власти, конечно, будутъ этимъ недовольны; онѣ будутъ доказывать, что писатель возбуждаетъ осетинъ къ враждѣ, и будутъ стараться добиться осужденія; если онъ не будетъ защищенъ принципами свободы рѣчи, то возмущеніе дѣйствительно вспыхнетъ, потому что ничто не помѣшаетъ властямъ привести въ исполненіе свои неосторожныя реформы.

Найдутся читатели, которымъ подобныя мысли никогда не приходили въ голову; духъ нетерпимости до такой степени глубоко вросъ въ насъ, что многимъ изъ насъ даже никогда не приходило въ голову, что есть другая собственность, кромѣ нашей собственности, что есть много другихъ семействъ, кромѣ нашего семейства, и что если мы считаемъ семейныя формы другихъ обществъ безнравственными, то эти общества, въ свою очередь, считаютъ безнравственными наши. Всѣ учрежденія собственности имѣютъ только одно общее — это власть людей надъ беззащитными вещами, а эта основа собственности лежитъ въ природѣ и ее разрушить нельзя; точно также различныя семейныя формы имѣютъ одно общее—онѣ составляютъ отношеніе между мужчиной, женщиной и ребенкомъ. Если мы ясно видимъ недостатки формъ собственности и семейства, которыя мы переросли, то мы не должны забывать, что и наши формы имѣютъ также недостатки. Если мы, устраняя недостатки низшихъ формъ, сдѣлались народомъ сильнымъ и цивилизованнымъ и высоко поднялись надъ дикарями, то другіе народы, устраняя недостатки нашихъ формъ, также высоко возвысятся надъ нами, если мы будемъ отличаться нетерпимостью и останемся отъ этого неподвижными. Ошибки, которыя дѣлаются людьми при стремленіи къ улучшенію, составляютъ ничтожное и временное зло въ сравненіи съ благодѣяніями прогресса. Мало этого, при нетерпимости ошибки все-таки будутъ сдѣланы, а путь истины останется закрытымъ. Потребность развитія— въ природѣ человѣка; если ей не давать правильнаго и спокойнаго исхода, то она приметъ направленіе уродливое и мечтательное. Для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, сравните семейство французское и американское, соціальный бытъ во Франціи и въ Америкѣ.

ГЛАВА V.

Развитіе провинціальной литературы -первое условіе для развитія умственной жизни въ народѣ. -Положеніе этой литературы у насъ и въ цивилизованныхъ странахъ.—Почему она у насъ невозможна при системѣ залоговъ. — Почему она невозможна при системѣ предостереженій, и необходимо ли ограниченіе типографскаго дѣла и книжной торговли. -

Законъ о возбужденіи вражды.—Законы о клеветѣ.—Обличительная литература.

Вотъ каково вліяніе отсутствія свободной рѣчи на научное развитіе. Но научное развитіе не составляетъ единственнаго условія народной цивилизаціи: для увеличенія умственной силы народа гораздо важнѣе распространеніе любознательности. При такомъ распространеніи высшіе представители интеллигенціи выходятъ изъ несравненно болѣе обширнаго круга, а потому отличаются бо́льшею силою, и вмѣстѣ съ тѣмъ умственныя силы всего народа развиваются. Поэтому народъ, гдѣ развита любознательность, отличается и большей изобрѣтательностью и большей ловкостью въ исполненіи. Сто́итъ сравнить насъ, русскихъ, съ американцами. Каково же вліяніе нашихъ законовъ о печати въ этомъ отношеніи? Оно таково, что у насъ не существуетъ и не можетъ существовать никакой литературы за предѣлами столицъ. Мы нетолько не можемъ считать наши провинціальныя періодическія изданія тысячами, какъ въ Пруссіи и въ Америкѣ, мы не

можемъ ихъ насчитывать сотнями, а если исключить офиціальныя и полуофиціальныя изданія вродѣ губернскихъ, эпархіальныхъ и тому подобныхъ вѣдомостей, которыхъ главное назначеніе публиковать распоряженія и объявленія и которыя поэтому никѣмъ не читаются, то едвали можно будетъ ихъ считать десятками. О періодическихъ изданіяхъ уѣздовъ и селеній нечего и говорить. Прежде всего мы видимъ, что повременныя изданія могутъ выходить въ свѣтъ безъ цензуры не иначе, какъ по внесеніи залога въ 2,500 рублей. Издатели мѣстныхъ газетъ у насъ въ такомъ положеніи, что у нихъ нетолько нѣтъ лишнихъ двухъ тысячъ пяти сотъ рублей, но едва есть средства къ существованію. Изданіе, которое расходится въ нѣсколькихъ губерніяхъ, даетъ въ счастливомъ случаѣ редактору какихъ-нибудь пятьсотъ рублей. Сотрудникамъ платить редакція вовсе не въ состояніи, мало этого, газета часто не можетъ имѣть даже направленія и должна помѣщать статьи всѣхъ направленій и служить, такъ сказать, складочнымъ мѣстомъ всей интеллектуальной дѣятельности губерніи. Поэтому мѣстныя газеты могутъ издаваться только съ предварительной цензурой. Но опытъ показалъ, что при этомъ условіи онѣ вовсе не могутъ существовать, потому что лишаются всякаго мѣстнаго интереса. Въ губерніи съ населеніемъ Саксоніи нетолько не можетъ какъ въ Саксоніи существовать двѣсти періодическихъ изданій, но не можетъ существовать двухъ и трехъ, даже одного. Стóитъ газетѣ задѣть интересы какого-нибудь класса, представитель этого класса тотчасъ же является къ губернатору и настаиваетъ на уничтоженіи статьи. Газета обращаетъ вниманіе на какую-нибудь мѣстную потребность, непремѣнно найдется чиновникъ, который будетъ хлопотать о запрещеніи статьи изъ опасенія, чтобы его не обвинили въ какомъ-нибудь упущеніи. Всѣ эти ходатайства вполнѣ удаются. Если статья задѣваетъ какую-нибудь личность, то тутъ нечего и думать о томъ, чтобы она увидѣла печать. Посмотрите на внутреннюю корреспонденцію нашихъ столичныхъ газетъ, что это? —

выдержка изъ тысячъ разнородныхъ фактовъ, обличаемыхъ мѣстными газетами? Нѣтъ, это непосредственныя корреспонденціи; выдержки изъ провинціальныхъ газетъ— тутъ исключеніе. А между тѣмъ, что̀ тутъ приноспся въ жертву царькамъ провинціальнаго муравейника? Искупительной жертвой служимъ мы всѣ, Россія, ея будущность, ея слава и величіе. Для удовлетворенія мелочнаго самолюбія провинціальныхъ аристократиковъ, Россія должна рискovать попасть въ одинъ разрядъ съ Китаемъ и Турціей; вся масса ея населенія должна оставаться въ невѣжествѣ и просвѣщеніе должно быть привилегіей нѣсколькихъ десятковъ столичныхъ свѣтилъ. Какія послѣдствія могутъ быть отъ свободной печати въ провинціи? Когда-нибудь, какой-нибудь чиновникъ воздержится отъ взятки изъ опасенія обличенія, какой-нибудь помѣщикъ не рѣшится продать послѣднее имущество умирающаго отъ голода семейства, которое задолжало ему оброкп, какой-нибудь богатый негодяй вынужденъ будетъ жениться на бѣдной дѣвушкѣ, которую онъ соблазнилъ. Но даже, еслибы послѣдствія были несравненно болѣе серьезныя, еслибы отъ мѣстной печатп произошелъ какой-нибудь безпорядокъ или бунтъ, и въ такомъ случаѣ благодѣяніе свободнаго слова въ тысячу кратъ перевѣшивали бы эти неудобства. Явленія, которыя мы видѣли въ теченіе прошлогодняго голода, массы населенія, которыя изъ разныхъ губерній бѣжали съ отчаянія куда глаза глядятъ, смертность, которая мѣстами уничтожала десятую часть населенія, — вотъ послѣдствія стѣсненной рѣчи. Нужды населенія остаются неизвѣстными, смертность беретъ двадцать пятаго и осьмнадцатаго человѣка, въ то время, когда въ странахъ свободнаго слова она беретъ только пятидесятаго и сороковаго. Свобода слова способна сохранять ежегодно жизнь сотенъ тысячъ людей и умственно развивать милліоны,— что̀ значитъ въ сравненіи съ этимъ единовременная жертва нѣсколькихъ человѣкъ? Но главное то, что вѣдь и этой жертвы не будетъ; она—только страхъ передъ привидѣнія-

ми. Свобода слова вездѣ спасала отъ бунтовъ, а стѣсненное слово производило ихъ.

У насъ въ законахъ есть постановленіе о томъ, какъ наказывать виновнаго въ случаѣ, если онъ не можетъ уплатить денежнаго штрафа: штрафъ этотъ замѣняется заключеніемъ, и заключеніемъ тяжкимъ. Послѣ этого трудно понять, почему еще необходимо у насъ требованіе залога. Во Франціи залоги были учреждены съ прямою цѣлью мѣшать развитію литературы, которая считалась опасною. Въ Германіи, въ высшихъ сферахъ, также распространено было мнѣніе, что развитіе литературы опасно; выше мы примѣромъ Моля показали, что мнѣніе это существовало даже въ средѣ ученыхъ. Мы видѣли также, сколько это мнѣніе надѣлало вреда вездѣ, гдѣ оно существовало. Впрочемъ залоги во Франціи не имѣютъ такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ у насъ. Тамъ залогъ вносится исключительно политическими журналами, а у насъ всѣми кромѣ спеціальныхъ; у насъ при болѣе дорогихъ деньгахъ минимумъ 2,500 рублей, тамъ около 1,800 рублей. Въ Пруссіи и въ Германскомъ союзѣ минимумъ исходитъ ниже пятисотъ рублей, тамъ даже максимумъ меньше нашего, и это при большей дешевизнѣ денегъ и при громадныхъ доходахъ издателей. Мы такъ страдаемъ недостаткомъ развитія литературы, что у насъ никакъ не можетъ быть цѣли ограничивать ее, и если для перваго раза, послѣ отмѣны цензуры, мы придерживались этого правила, которое находилось въ другихъ законодательствахъ, то теперь безъ всякаго сомнѣнія уже настала пора приступить къ отмѣнѣ. Государства, которыя чувствовали недостаточное развитіе литературы, безъ сравненія меньшее, чѣмъ то, какое мы видимъ у насъ, старались способствовать ея развитію освобожденіемъ періодической прессы и рѣшались на это даже въ смутное и тяжелое время. Я не буду говорить о государствахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, или гдѣ конституціонныя начала получили уже болѣе значительное развитіе. Въ Швеціи нѣтъ и помину о залогахъ. Шведскій законъ о прессѣ данъ былъ въ смутное и опас-

ное для страны время; однакоже оказалось, что онъ ее только успокоилъ. Мы живемъ спокойно въ теченіе столѣтій, а потому у насъ существуютъ всѣ причины избѣгать такихъ сомнительныхъ законовъ, какъ законы о залогахъ, которые чаще раздражали, чѣмъ успокоивали.

Невозможно ожидать также у насъ развитія мѣстной литературы до тѣхъ поръ пока будетъ у насъ существовать система предостереженій. Эта система составляла особенность Франціи, даже въ Германіи она отвергалась; въ Пруссіи Бисмаркъ могъ ее ввести только на самое короткое время и то не рѣшался пользоваться ею. Даже Наполеонъ III не могъ ее удержать и долженъ былъ отъ нея отказаться. Дѣйствіе этой системы не успѣло обнаружиться на нашей мѣстной литературѣ, потому что подобной нецензурной литературы у насъ не было. Этого впрочемъ и не нужно; такъ какъ предостереженія эти были бы въ рукахъ мѣстныхъ властей, опасающихся за свои ошибки выговоровъ свыше, то легко себѣ представить, какое употребленіе сдѣлано было бы ими изъ предостереженій. Мы видимъ, какъ предостереженія эти давались во Франціи. Не говоря уже о такихъ предостереженіяхъ, которыя давались за дѣйствія властей на выборахъ, за распространеніе, будто-бы, ложныхъ извѣстій и т. д., мы видимъ предостереженія, которыя представляютъ собою настоящіе курьезы. Одинъ журналъ («La Uerité») получилъ предостереженіе за то, что онъ объявилъ о причинахъ, по которымъ префектъ былъ переведенъ изъ сѣвернаго департамента въ другой. «Courrier de Verdun» получилъ предостереженіе за то, что онъ напечаталъ частное письмо къ помощнику префекта и замѣшивалъ будтобы власти въ частныя дѣла, которыя до нихъ не касались. «L'écho de Vésone» получилъ предостереженіе за то, что онъ обращался къ префекту по дѣлу о частномъ спорѣ между журналами, что́, будто-бы, неприлично. «La tribune de Beaune» закрытъ по приказанію префекта вовсе безъ объясненія причинъ.

Книжная торговля, типографское дѣло, производство и продажа принадлежностей тисненія окружены у насъ тѣ-

лымъ рядомъ ограниченій. У насъ въ законахъ въ этомъ отношеніи несравненно болѣе предосторожностей, чѣмъ въ другихъ законодательствахъ. Нетолько на открытіе типографіи требуется у насъ дозволеніе, но на всякую перемѣну мѣста, на продажу, передачу и полученіе по наслѣдству. Дозволеніе имѣетъ силу только въ теченіе двухъ лѣтъ. Работниковъ можно принимать только съ дозволенія, выданнаго каждому отдѣльному работнику. Публичное производство и продажа принадлежностей тисненія вовсе запрещается. Для производства и продажи нужно особое разрѣшеніе, продавать можно только лицамъ, предъявляющимъ свидѣтельства на право покупки, и кромѣ того нужно, чтобы они росписались собственноручно въ шнуровой книгѣ. Въ дѣйствующемъ прусскомъ законѣ, отъ 12 мая 1851 года, въ § 1 говорится, что дозволеніе на заведеніе типографій и на книжную торговлю должно быть даваемо всякому неопороченному лицу, и начальство не можетъ отказывать въ такомъ дозволеніи. На основаніи § 54 дозволеніе можетъ быть отнято судомъ и только въ точно опредѣленныхъ случаяхъ. По французскому законодательству, дозволеніе можетъ быть отнято произвольно, но только у осужденнаго судомъ лица. Въ Америкѣ производство, печатаніе и продажа совершенно свободны и это болѣе всего способствуетъ развитію умственной жизни въ народѣ. Американецъ не можетъ жить безъ газеты, и даже, когда американцы переселяются массами съ мѣста на мѣсто, то они въ дорогѣ отливаютъ буквы, устраиваютъ печатные станки и создаютъ себѣ ежедневное чтеніе. Исторія показываетъ, что демократическое правленіе даже менѣе устойчиво, чѣмъ неограниченное монархическое, однакоже оно не боится свободной рѣчи. Даже Мормоны пользовались ею несмотря на всю ненависть, существовавшую между ними и американцами. Послѣдствія показываютъ, что такая свобода способствуетъ прочности учрежденія, а не разрушаетъ ее. Въ минуту опасности Мормоны послали на защиту отечества добровольно столько воиновъ, сколько могли. Ничто не было такъ гибельно для неограниченныхъ

монарховъ западной Европы, какъ всѣ эти предосторожности, которыя ими принимались. Хотя неограниченныя правленія тамъ порождены были совершенно естественнымъ развитіемъ, но эти предосторожности заставляли предполагать гражданъ, что они живутъ въ формѣ не-естественной, въ которую они втиснуты силою и отъ которой избавиться — славное и великое дѣло. Это убѣжденіе до такой степени глубоко укоренилось, что сами правители думали, что свободныя проявленія гражданъ принесутъ имъ, неограниченнымъ монархамъ, вредъ, а не пользу. Ученые западной Европы до сихъ поръ увѣрены, что неограниченная монархія — это форма насилія, которая можетъ удерживаться только стѣсненіями. Еслибы неограниченные монархи покинули эти стѣсненія, то народы увидали бы, съ удивленіемъ, что формы, въ которыхъ они живутъ, зависятъ отъ ихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, а вовсе не отъ штыковъ, которые находятся надъ ними. Такъ какъ государи управляли бы неизбѣжно въ духѣ народовъ, потому что вліяніе прессы было бы на нихъ слишкомъ сильно чтобы не дать ихъ мыслямъ направленіе сообразное съ теченіемъ общественнаго мнѣнія, то во-первыхъ ихъ положеніе было бы гораздо обезпеченнѣе, и во-вторыхъ неограниченное правленіе сохранилось бы гораздо долѣе, точно такъ же, какъ англійская аристократія сохранила свое вліяніе гораздо долѣе французской. Неограниченные монархи должны твердо помнить, что общее убѣжденіе въ искуственности этого учрежденія, порождаемое стѣсненіями, которыми они стараются себя оградить, гораздо для нихъ опаснѣе, чѣмъ всѣ происки аристократическаго и буржуазнаго властолюбія и усилія честолюбивыхъ демагоговъ.

Развитіе мѣстной печати у насъ возможно будетъ только съ отмѣною еще многихъ другихъ законовъ. Въ ст. 1036 говорится: учинившій въ печати воззваніе, возбуждающее вражду въ одной части населенія противъ другой или въ одномъ сословіи противъ другаго, подвергается и т. д. По прямому смыслу этого закона можно было бы

заключить, что тутъ рѣчь идетъ объ однихъ только враждебныхъ прокламаціяхъ. Но вѣдь уже есть законы, запрещающія возбужденіе къ насильственнымъ дѣйствіямъ, къ неповиновенію законамъ и разрушенію установленныхъ ими отношеній. Существованіе этихъ законовъ заставляетъ относить статью 1036 къ тому же разряду постановленій, которыя въ Западной Европѣ воспрещаютъ возбуждать презрѣніе и ненависть. Примѣненіе этихъ законовъ на практикѣ въ Западной Европѣ было таково, что приходится краснѣть за западно-европейскую юриспруденцію. Судьи тутъ гораздо чаще были похожи на восточныхъ пашей, чѣмъ на европейскихъ юристовъ, и потому возбудили къ этимъ законамъ всеобщее отвращеніе. Законы, сами по себѣ только не практическіе, чрезъ наклонность судей къ произволу, сдѣлались ненавистными. Слова «возбужденіе ненависти и презрѣнія» собственно говоря вовсе не могутъ быть употребляемы, какъ юридическіе термины, въ особенности въ уголовномъ правѣ. Что такое ненависть и презрѣніе, чѣмъ они возбуждаются? Пусть мнѣ кто-нибудь дастъ на это юридически точный отвѣтъ. Отвѣтъ такой невозможенъ; такъ не варварство ли наказывать на основаніи закона, о которомъ не можешь себѣ составить даже точнаго понятія? Мало этого, для того, чтобы какой-нибудь поступокъ былъ преступленіемъ, необходимо требуется основными понятіями юриспруденціи, чтобы преступная цѣль поступка была вполнѣ достигнута, а чтобы наказать за покушеніе на преступленіе—необходимо, чтобы преступникомъ было совершено такое дѣйствіе, которое безъ всякихъ натяжекъ и догадокъ неизбѣжно привело бы къ преступной цѣли. Судья, который основываетъ свое рѣшеніе на вѣроятныхъ намѣреніяхъ преступника — это турецкій паша, герой произвола, а не европейскій юристъ. Кто подсыпалъ сахару въ питье, воображая, что онъ подсыпаетъ мышьякъ, не можетъ быть осужденъ, какъ покусившійся отравитель, потому что въ этомъ случаѣ рѣшеніе пришлось бы основать на вѣроятной догадкѣ, что обвиненный хотѣлъ совершить преступленіе, а догадки не мо-

гутъ служить основаніемъ рѣшенія; чтобы человѣка признать покусившимся отравителемъ, необходимо, чтобы онъ далъ выпить вещество, которое есть ядъ, на основаніи безспорныхъ данныхъ науки. Чтобы осудить человѣка за возбужденіе ненависти и презрѣнія, необходимо, чтобы чувства эти дѣйствительно были возбуждены сочиненіемъ. Обвинитель долженъ представить въ судъ лицъ, въ которыхъ чтеніе сочиненія породило къ кому-либо ненависть и презрѣніе, и доказать, что порожденіе этихъ чувствъ было дѣйствительно цѣлью автора. Чтобы осудить за покушеніе возбудить ненависть и презрѣніе, необходимо, чтобъ было доказано, что сочиненіе неизбѣжно произвело бы ненависть и презрѣніе въ своихъ читателяхъ, непремѣнно дошло бы до нихъ и было бы ими прочитано, еслибы намѣреніе автора не было разрушено независимо отъ него. Все это должно быть доказано не какими-нибудь догадками или вѣроятностями, а данными безспорнаго научнаго достоинства. Психологія не даетъ намъ никакихъ безспорныхъ научныхъ данныхъ, которыми мы могли бы руководствоваться при опредѣленіи того, что возбуждаетъ чувства ненависти и презрѣнія, а юриспруденція возмущается мыслью осужденія человѣка къ наказанію на основаніи догадокъ и вѣроятностей. Стоитъ вспомнить о средневѣковыхъ пріемахъ доказательства, о людяхъ, сожигаемыхъ за колдовство и пр., чтобы понять, какое больное мѣсто для юриста осужденіе по догадкамъ и вѣроятностямъ. Понятіе о враждѣ настолько же неопредѣленно, какъ и понятіе о ненависти и презрѣніи. При несчастномъ столкновеніи обстоятельствъ можетъ легко случиться, что статья 1036 получитъ у насъ такое же примѣненіе, какое получили въ западной Европѣ законы о возбужденіи ненависти, — это, конечно, было бы большое несчастье, потому что оно деморализировало бы нашихъ судей и унизило бы нашу юриспруденцію. Если даже изъ этого закона не будетъ сдѣлано никакого дурнаго употребленія и народу не придется почувствовать слабыя его стороны, то все-таки гораздо выгоднѣе его отмѣнить, потому что невозможно

предвидѣть ни одного случая, гдѣ бы его можно было примѣнить въ замѣнъ законовъ, запрещающихъ возбуждать къ насилію и нарушенію закономъ установленныхъ отношеній. Его нужно отмѣнить руководствуясь тѣмъ правиломъ, что уголовное законодательство слѣдуетъ постоянно, насколько это возможно, очищать отъ неопредѣленныхъ законовъ. Пусть законодатели подумаютъ, какъ злополучно положеніе гражданина каждый разъ, когда онъ не можетъ съ точностью рѣшить, гдѣ кончается его право и гдѣ начинается преступленіе.

Очень важный пунктъ составляютъ законы объ оскорбленіи чести и о клеветѣ. Тысячу разъ въ печати и на словахъ каждому приходилось читать и слышать краснорѣчивыя тирады о томъ, что репутація составляетъ самое драгоцѣнное достояніе человѣка, какъ гнусны клеветы и въ особенности клеветы печатныя, какъ въ странахъ свободнаго слова вымогаютъ деньги за то, чтобы удержаться отъ опубликованія извѣстныхъ непріятныхъ истинъ, а иногда и лжи. Всѣ эти краснорѣчивыя доказательства очень полезны, пока они направлены только къ тому, чтобы развивать въ людяхъ правдивость и отвращеніе отъ низкихъ средствъ для искусственнаго нападенія на своего ближняго и для его униженія. Пока они возбуждаютъ въ обществѣ ненависть къ клеветѣ и клеветникамъ, они дѣйствуютъ именно такъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать, но они тотчасъ же дѣлаются зловредными, какъ скоро они пускаются давать совѣты насчетъ законодательныхъ мѣръ. Можетъ ли человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ и высоко поставленъ, помѣшать тому, чтобы про него не распускали заглаза, въ частныхъ разговорахъ, разнаго рода клеветы и нелѣпости? Чѣмъ болѣе онъ будетъ стараться объ этомъ, тѣмъ меньше у него будетъ удачи. Исторія показываетъ намъ, что Годуновъ сотнямъ людей вырѣзывалъ языки, чтобы помѣшать распространенію слуха, что онъ, будтобы, убилъ царевича Дмитрія; несмотря на это слухъ все-таки распространился и нетолько распространился, но дѣло кончилось тѣмъ, что онъ погубилъ Годунова. Опытъ

убѣждаетъ насъ, что противъ распространенія лжи и клеветы есть одно средство, — это такое развитіе общества, при которомъ ни одинъ порядочный человѣкъ не будетъ слушать нелѣпыхъ сплетенъ. Такого развитія—люди достигаютъ довольно легко. Мы видимъ, что каждый изъ насъ считаетъ свою репутацію довольно безопасною, несмотря на то, что его враги имѣютъ полную возможность безнаказанно сплетничать и клеветать у него за спиною. Я даже не знаю ни одного случая, гдѣ-бы кто-нибудь чрезъ сплетни и клеветы незаслуженно лишился своей репутаціи; напротивъ, мнѣ извѣстно много случаевъ, гдѣ люди, тайно совершившіе безчестные поступки, по-прежнему принимались въ своемъ обществѣ, хотя о поступкахъ ихъ было извѣстно, но только безъ достаточныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ. Изъ этого видно довольно ясно, что клевета и сплетня нетолько не имѣютъ силы незаслуженно марать репутацію человѣка, но во многихъ случаяхъ не могутъ обличить даже дѣйствительно замаравшаго себя. Точно также безсильна въ этомъ отношеніи печать. Въ странахъ свободнаго слова карикатуры, печатные клеветы и нападки, въ которыхъ не заключается истины, нетолько не вредятъ лицамъ, противъ которыхъ они направлены, но способны давать имъ извѣстность и пріобрѣтать для нихъ популярность. Это въ особенности вѣрно относительно чиновниковъ и публичныхъ дѣятелей. Журналы и газеты не трогаютъ человѣка, который еще не извѣстенъ, но можетъ сдѣлаться опаснымъ; они скорѣе способны умолчать о промахѣ, чѣмъ распространить клевету. При такомъ положеніи клевета въ печати такъ же безопасна, какъ и изустная, но нельзя сказать тогоже о законахъ о клеветѣ. Законы о направленіяхъ не мѣшаютъ распространенію ложныхъ ученій и политическихъ мечтаній, а мѣшаютъ распространенію истины. Точно также законы о клеветѣ не мѣшаютъ распространенію ложныхъ слуховъ, но заглушаютъ голосъ истины. Дѣйствительно позорные поступки остаются непзвѣстными, общественное мнѣніе дѣлается слабымъ и такъ мало бичуетъ

зло, что деморализація все болѣе и болѣе проникаетъ во всѣ слои общества. Можно сказать, что деморализація прямо пропорціональна строгости законовъ о клеветѣ и строгости ихъ примѣненія. Съ другой стороны клевета можетъ быть произведена при особенно оскорбительной обстановкѣ, и если тутъ не будетъ защиты, то она можетъ привести къ размноженію дуелей. Поэтому слѣдуетъ ограждать человѣка отъ всякой клеветы, произнесенной въ присутствіи того, кто ей подвергается. Въ лицо слѣдуетъ дозволить говорить человѣку только о такихъ его дѣйствіяхъ, которыя вполнѣ доказаны. Для того, чтобы въ этомъ случаѣ законъ о клеветѣ былъ примѣненъ достаточно, довольно того, чтобы человѣкъ обидѣлся и чтобы произносившій слова не могъ ихъ доказать. Исключеніе должно быть сдѣлано для однихъ земскихъ собраній и тому подобныхъ случаевъ. Тому же наказанію долженъ подвергаться всякій, кто передастъ лично или черезъ другаго или подброситъ человѣку статью, въ которой говорится объ его поступкахъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ можно наказывать за клевету только тогда, когда эта клевета доказанно-умышленная, а не есть плодъ легковѣрія и опасенія за нравственное состояніе общества. Притомъ не всякій ложный фактъ можетъ подать поводъ къ преслѣдованію за клевету, а только обвиненія въ преступленіи. Употребляющіяся въ законѣ выраженія: «клевета—это ложное обвиненіе въ дѣяніяхъ противныхъ правиламъ чести, это—оглашеніе обстоятельства, которое можетъ повредить чести, достоинству и доброму имени» — слишкомъ неопредѣленны для того, чтобы быть юридическими терминами. У насъ они даже не порождали процессовъ, а просто убивали всякую обличительную литературу и дѣлали мѣстную литературу невозможною. Заграницей они порождали безчисленныя произвольныя рѣшенія и не приносили большаго вреда только тамъ, гдѣ дѣла объ оскорбленіяхъ въ печати рѣшались присяжными и гдѣ присяжные были убѣждены въ необходимости охранять свободу рѣчи, такъ что отъ нихъ трудно было добиться обвинительнаго приговора. Что касается должностныхъ лицъ,

то никакому преслѣдованію нельзя подвергать тѣхъ, которые ихъ обвиняютъ въ поступкахъ, способныхъ подвергнуть ихъ наказанію, относящемуся лишь къ ихъ должности, т. е. замѣчаніямъ, выговорамъ, увольненію отъ должности, исключенію изъ службы. Все это до чести лица вовсе не относится, а показываетъ только мѣру способности быть должностнымъ лицомъ. Способность же эта должна подлежать самому свободному обсужденію. Въ Англіи, въ Америкѣ, чиновникъ никогда не осмѣлится жаловаться въ судъ за нападки на его должностную дѣятельность. Чиновники и въ особенности чиновники неспособные стараются выставить такіе нападки—нападками на администрацію, уменьшающими уваженіе къ ней и затрудняющими управленіе. но это совершенно несправедливо; нападки касаются тутъ не должности, а лица, которое и должно быть смѣнено, если оно неспособно или непопулярно,—значеніе должности можетъ отъ этого только выиграть. Факты прямо противорѣчатъ этимъ мнѣніямъ, усердно распространяемымъ заинтересованными въ этомъ должностными лицами. Въ Норвегіи, при свободѣ рѣчи, могли существовать несмѣняемые чиновники, и значеніе администраціи чрезъ это нетолько не уничтожилось, но такъ увеличилось, что она играла политическую роль, къ которой она не была способна ни въ какой другой монархіи; въ конституціи же было прямо сказано: «свободное обсужденіе дѣятельности администраціи дозволяется каждому». Обличительная литература, направленная противъ должностныхъ лицъ, дозволялась даже во Франціи, и не имѣла никакихъ вредныхъ послѣдствій. Тамъ въ разныя времена существовали журналы, спеціально посвящавшіе себя такому обличенію. Такъ при Людовикѣ XVIII подобной дѣятельности посвящала себя Историческая Библіотека. Одинъ изъ защитниковъ Реставраціи говоритъ объ ней: «Историческая Библіотека предназначала себя для собиранія всѣхъ фактовъ и всѣхъ произвольныхъ дѣйствій чиновниковъ въ департаментахъ. Она была неутомима въ обвиненіяхъ; многія изъ ея обличеній были ложны, другія сомнительны,

нѣкоторыя были опровергнуты; несмотря на то, она оказала дѣйствительныя услуги, она заставляла чиновниковъ быть внимательными къ своимъ дѣйствіямъ и обуздывала ихъ, такъ какъ они всегда были склонны выходить за предѣлы своей власти» *). Какъ ни круто правительство Наполеона III, какъ ни щекотливо оно въ дѣлѣ нападковъ на подчиненныхъ ему чиновниковъ, но и оно понимаетъ, что прекратить обличительную литературу—это значитъ положить конецъ всѣмъ мѣстнымъ журналамъ, и оно понимаетъ, что можно преслѣдовать только за умышленную клевету. Министръ юстиціи въ циркулярѣ прокурорамъ отъ 4 іюня 1868 года говоритъ, что нельзя преслѣдовать за невольныя ошибки и увлеченія; преслѣдованію можетъ подлежать только умышленное искаженіе (deloyauté). Критика и обсужденіе политическихъ и административныхъ дѣйствій не должны, по его мнѣнію, подлежать никакому стѣсненію. Несправедливая оцѣнка этихъ дѣйствій, неудовольствіе администраторовъ не могутъ быть причинами для обвиненія писателя, если онъ не имѣлъ умысла перейти за предѣлы предоставленнаго ему права. Конечно, это — жалкая уступка правительства узурпатора, которое держится только на плечахъ одной партіи. Вездѣ, гдѣ дѣятельность чиновниковъ подвергалась свободному обсужденію, оказывалось, что чиновники въ скоромъ времени начинали дѣйствовать такъ законно и правильно, что печати трудно было къ нимъ придираться и оставалось только обсужденіе ихъ знанія дѣла и ловкости. Это оказывалось одинаково справедливымъ и относительно тѣхъ мѣстностей, гдѣ судьба чиновниковъ зависѣла отъ народа—и гдѣ

---

*) «La Bibliothèque historique fut destinée à recueillir tous les faits, tous les actes arbitraires des fonctionnaires publics dans les départements, fut infatigable dans les dénonciations, et bien que plusieurs de ses assertions fussent fausses, d'autres hasardées et dementies, elle rendit des services, en tenant sans cesse en haleine les bureaux, presque toujours disposes à outrepasser la règle des lois.» Histoire de la Restauration par un homme d'état. Paris 1839.

она была отъ него совершенно независимою. Въ Бельгіи свобода рѣчи сдѣлала поведеніе чиновниковъ такимъ безукоризненнымъ, что тамъ нерѣдко въ теченіе цѣлаго года въ цѣлой провинціи не дѣлается чиновникамъ ни одного замѣчанія; если сдѣлано три замѣчанія, то провинціальное управленіе въ своемъ годовомъ отчетѣ уже сожалѣетъ объ этомъ фактѣ. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ такое положеніе представляло замѣчательный контрастъ съ нашими чиновниками и присутственными мѣстами. Тутъ иногда одно полицейское управленіе, въ теченіе года, получало нѣсколько десятковъ замѣчаній, выговоровъ и строгихъ выговоровъ; по губерніи они считались сотнями. Списки административнымъ взысканіямъ, которые велись въ губернскихъ правленіяхъ, представляютъ замѣчательные курьезы. За неисполненіе того же самаго предписанія дѣлались тому же самому мѣсту сначала подтвержденія, потомъ замѣчанія, потомъ выговоръ, потомъ строгій выговоръ, потомъ опять подтвержденія, замѣчанія и т. д. — Когда въ концѣ пятидесятыхъ годовъ обличительная литература сдѣлалась возможною, хотя отчасти,—положеніе быстро измѣнилось къ лучшему. Тѣ же самые чиновники очень скоро превратились въ совершенно другихъ людей, замѣтенъ былъ значительный шагъ впередъ даже въ отношеніи къ вѣжливости. Но убѣжденіе въ необходимости свободнаго слова было у насъ слабѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ цивилизованномъ мірѣ; чиновники тяготились той осмотрительностью, которую отъ нихъ требовала возможность обличенія, и обличеніе сдѣлалось невозможнымъ. Недавній скандалъ съ нижегородской солью показалъ, что мы возвращаемся къ прежнимъ временамъ. Особенность бюрократическаго управленія состоитъ нетолько въ томъ, что чиновники очень легко дѣлаются орудіемъ всякой политической партіи достигшей господства, но также и въ томъ, что они очень легко и деморализируются, и исправляются. Чиновникъ-взяточникъ все-таки не воръ, онъ не будетъ рисковать, онъ будетъ пользоваться своимъ положеніемъ только до тѣхъ поръ, пока это возможно съ полной безо-

пасностью. Дамокловъ мечь обличенія очень легко научаетъ его воздерживаться. Еще замѣчательнѣе вліяніе свободнаго слова на быстроту дѣлопроизводства и на вниманіе чиновниковъ къ интересамъ гражданъ. Въ Англіи прошенія разрѣшаются на другой день; черезъ три дня разрѣшаются прошенія, по которымъ нужно испросить разрѣшеніе изъ Лондона. Въ неограниченной монархіи или вообще тамъ, гдѣ монархъ имѣетъ большое вліяніе на дѣла, отсутствіе обличительной литературы составляетъ политическую опасность.

ГЛАВА VI.

Почему отсутствіе обличительной литературы можетъ быть опасно для монарха? Вліяніе одного сословія.—Духовенство, аристократія; вліяніе односторонних взглядовъ.—Почему за оскорбленія должны наказывать только присяжные?—Улучшеніе газетъ отъ развитія мелкой прессы.

Монархъ окруженъ очень небольшимъ числомъ людей, имѣющихъ, кромѣ того, односторонніе интересы. Уже по этому одному онъ имѣетъ очень мало возможностей знакомиться съ чувствами, съ инстинктами и съ взглядами на вещи народа. Кромѣ того люди, окружающіе государей, стараются давать имъ съ молодыхъ лѣтъ такое воспитаніе, прививать имъ такія чувства, которыя дѣлали бы изъ нихъ борцовъ за ихъ исключительные интересы. Это удавалось имъ до такой степени, что государи защищали исключительный интересъ съ искреннимъ и гибельнымъ для себя и своихъ государствъ самоотверженіемъ. Въ XVI и XVII вѣкѣ духовенство успѣвало внушать государямъ, что они должны быть покровителями господствующей религіи, что религія эта служитъ главной для нихъ поддержкой и что чувства уваженія къ престолу, которыя внушаются народу духовенствомъ, служатъ самымъ надежнымъ оплотомъ для ихъ могущества. Воспитанные въ такихъ мысляхъ государи дѣлали величайшія нелѣпости. Мы уже указали выше, какъ они погубили могущество Испаніи и Польши, какъ они сами губили себя въ Англіи и Шотландіи, какъ они

породили гибельныя междоусобныя войны во Франціи и Германіи. Духовенство пріэтомъ оказывалось такой плохой опорой для троновъ, что оно постоянно интриговало противъ государей и ни разу не отступало ни передъ мятежемъ, ни передъ цареубійствомъ. Несмотря на это государей продолжали воспитывать въ убѣжденіи, что духовенство можетъ служить опорой для трона. Въ XVIII вѣкѣ такой взглядъ сдѣлалъ много зла Австріи, Франціи и ихъ государямъ. Въ XIX вѣкѣ зла сдѣлано было не меньше. Духовенство ускорило смерть Людовика XVIII и погубило Карла X; въ Испаніи оно погубило Изабеллу. Каждый разъ, когда оно получало преобладаніе, оно возбуждало противъ себя всеобщее неудовольствіе; несмотря на это государи до сихъ поръ полагаютъ, что они могутъ найти въ духовенствѣ опору, и въ опасныя минуты прибѣгаютъ къ увеличенію вліянія духовенства и этимъ только увеличиваютъ неудовольствіе, вмѣсто того чтобы уменьшать его. Если послѣ этого не произошло бунта, то мнимое успокоеніе умовъ приписывается духовенству и не принимается въ разсчетъ, что иногда и увеличившагося раздраженія недостаточно, чтобы довести до взрыва. Въ томъ же родѣ было вліяніе дворянства, и оно также прославляло себя опорою трона. Дворянство въ Польшѣ сдѣлало управленіе для королей совершенно невозможнымъ и наконецъ продало свою родину сосѣднимъ государямъ. Дворянство въ Швеціи постоянно возбуждало противъ королей мятежи, продавало свое отечество и не отступало передъ цареубійствомъ; дворянство въ Шотландіи свергало одного короля за другимъ. Дворянство во Франціи возбуждало крамолы и мятежи противъ королей до тѣхъ поръ, пока оно не было усмирено и признано привилегированнымъ сословіемъ, а тогда оно окончательно истощило страну и своимъ неблагоразумнымъ вліяніемъ на Людовика XVI погубило его. Не лучше была роль дворянства въ Германіи. Въ XIX вѣкѣ дворянство приготовило Людовику XVIII безвыходное положеніе и погубило Карла X.

Если изъ всѣхъ сословій и частей народа выбирать ту,

которая скорѣе другихъ могла бы служить для трона опорою, то конечно нужно указать на массу рабочаго народа. Эта масса создала въ Западной Европѣ неограниченную монархію и видѣла въ ней защиту противъ притѣсненій высшихъ сословій; въ Китаѣ она создала императора, господствующаго надъ самымъ многочисленнымъ населеніемъ въ свѣтѣ. Но и эта масса измѣняла государямъ, когда они были несправедливы. Государь, который считаетъ какую-нибудь часть населенія преимущественной или исключительной для себя опорой, дѣлаетъ величайшую политическую ошибку, а тотъ, который это говоритъ, оскорбляетъ народъ. Надежной опорой для государя можетъ служить только весь народъ. Государь, который понимаетъ смыслъ монархическаго принципа, долженъ вести себя такъ, чтобы никто не могъ даже подозрѣвать, что онъ симпатизируетъ преимущественно какому-нибудь классу или какому-нибудь сословію; онъ не долженъ принадлежать ни къ какой партіи и мѣнять управленіе, какъ скоро оно дѣлается непопулярнымъ; только тогда онъ будетъ необходимъ для всѣхъ, и всѣ будутъ видѣть въ немъ оплотъ справедливости и свободы. Этой цѣли государь никакъ не можетъ достигнуть, если не будетъ дана свобода обличительной литературѣ. Обличительная литература — это единственное средство, которое можетъ указать государю, популярны ли назначаемые министрами чиновники или нѣтъ и какъ они распоряжаются на своихъ мѣстахъ. Лишь только онъ заставитъ молчать обличительную литературу, онъ начнетъ бродить въ потьмахъ и легко можетъ сдѣлаться игрушкой нѣсколькихъ интригановъ, которые введутъ его въ величайшія политическія ошибки; представляя ему все въ ложномъ свѣтѣ, они заставятъ его поступать наперекоръ его собственнымъ интересамъ и интересамъ народа.

Другая опасность для государей заключается въ томъ, что они находятъ удовольствіе проводить любимыя, свои собственныя политическія воззрѣнія. Между государственными людьми они имѣютъ свои симпатіи и антипатіи. Слѣдить только за тѣмъ, какая политика наиболѣе попу-

лярна въ данную минуту, и призывать къ управленію людей, которые могутъ считаться представителями этой политики, въ особенности въ прежнія времена, считалось государями задачею даже не достойною ихъ величія. Государямъ казалось, что это значитъ управлять не собственнымъ умомъ, а предоставить управленіе другимъ; между тѣмъ какъ послѣ внимательнаго разбора оказывается, что только тотъ государь и показываетъ самостоятельный умъ и твердость воли, который не подчиняется вліянію какихъ-нибудь министровъ, а управляетъ сообразно инстинктамъ и потребностямъ страны.

Нерѣдко внушаютъ государю, что онъ по своему образованію стоитъ гораздо выше народа, что народъ своей пользы не понимаетъ и что онъ, государь, долженъ дѣйствовать не такъ какъ желаетъ народъ, а такъ какъ его болѣе просвѣщенный умъ понимаетъ пользу народную. Такое вліяніе на государя очень опасно и соблазнительно. Всякій человѣкъ имѣетъ, по природѣ, неодолимую склонность проводить свои взгляды, и нужно имѣть силу воли и твердое убѣжденіе, чтобы отъ этого воздерживаться. Затѣмъ большинство государственныхъ людей и ученыхъ смотрятъ на дѣло точно такимъ же образомъ. Правда, что они этимъ показываютъ, что они вовсе не понимаютъ значенія науки и ея отношенія къ жизни. Еслибы медику дали въ распоряженіе человѣка безъ инстинктовъ и безъ воли, человѣка, который не чувствовалъ бы ни голода, ни сытости, ни холода, ни усталости, ни боли, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ въ самомъ скоромъ времени умо рилъ бы его. Наши понятія о природѣ людей и обществъ такъ ограниченны, что мы никакимъ образомъ не можемъ обойтись безъ инстинктовъ и тѣхъ непосредственныхъ симпатій и антипатій, въ которыхъ проявляются скрытыя отъ насъ потребности людей и обществъ. Все искусство управленія состоитъ въ томъ, чтобы давать инстинктамъ и чувствамъ разныхъ частей общества правильно и свободно проявляться. Какъ жалко напр. видѣть Людовика Филиппа, который даже въ ту минуту, когда весь Парижъ всталъ во-

кругъ его дворца грозной революціонной силой и у него осталась только сотня приверженцевъ, все-еще не могъ понять, что надо управлять народомъ, а не мудрить надъ нимъ, и все-еще совѣтовался со своими любимцами министрами и слѣдовалъ ихъ пагубнѣйшимъ совѣтамъ. Государь, который вполнѣ понимаетъ свою задачу, знаетъ, что самый неразвитый и полудикій изъ его подданныхъ понимаетъ свои потребности гораздо лучше, чѣмъ самый просвѣщенный министръ, что дѣло государственныхъ людей состоитъ не въ томъ, чтобы вести общество по-своему, а чтобы изучая безчисленныя, противоположныя другъ другу проявленія и стремленія угадать путь, по которому народъ хочетъ идти. Государственный человѣкъ, который угадалъ этотъ путь, будетъ популяренъ, и лишится популярности тотчасъ же, какъ скоро онъ будетъ на ложной дорогѣ. Если въ государствѣ нѣтъ свободной прессы и обличительной литературы, то государь не имѣетъ никакихъ средствъ узнать, популярны ли его чиновники или нѣтъ, и подобно Людовику Филиппу можетъ долго управлять посредствомъ самаго непопулярнаго министерства и подвергать свое государство величайшей опасности. Вотъ почему нетолько подавленіе обличительной литературы, но и отнесеніе къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ учрежденій, наблюдающихъ за дѣйствіемъ прессы, составляетъ важную политическую ошибку. Назначеніе этого учрежденія должно заключаться не въ томъ, чтобы поддерживать министерство, а въ томъ, чтобы указывать тотъ моментъ, когда оно сдѣлалось непопулярнымъ и когда его слѣдуетъ смѣнить. Есть люди, которые прославились въ исторіи талантомъ узнавать, на чьей сторонѣ будетъ сила, напр. Талейранъ, Камбасересъ; но это были сухіе эгоисты, которые способны были эксплуатировать свой талантъ только для узкихъ личныхъ цѣлей. Еслибы можно было найти человѣка, съ такой же способностью и съ искреннимъ патріотизмомъ, то это былъ бы лучшій человѣкъ для наблюденій за печатью. Во всякомъ случаѣ наблюдающій за печатью долженъ быть

совершенно независимъ отъ министерства и не долженъ быть связанъ съ его системой управленія. Между государственными людьми есть всегда такіе, которые болѣе другихъ способны отдавать справедливость всякимъ направленіямъ; общее благо требуетъ, чтобы дѣло наблюденія за печатью было именно въ такихъ, а не въ односторонникъ рукахъ. Человѣкъ, который не способенъ энергически дѣйствовать въ одномъ направленіи, не можетъ быть хорошимъ министромъ, а человѣкъ, который способенъ къ такой энергической дѣятельности, слишкомъ односторонень и будетъ вреденъ наблюдая за печатью.

Другія важныя части закона о печати не могутъ здѣсь быть подвергнуты обсужденію потому, что сами законы написаны такъ, что ихъ обсужденіе невозможно; но можно обратить вниманіе еще на законы объ оскорбленіяхъ. Понятіе объ оскорбленіи словами принадлежитъ къ тѣмъ шаткимъ понятіямъ, для которыхъ невозможно юридически-точное опредѣленіе, а потому оно не можетъ быть юридическимъ терминомъ. Какъ скоро судьѣ приходится постановлять рѣшеніе объ оскорбленіи словами, то онъ перестаетъ быть юристомъ и превращается въ человѣка, налагающаго наказаніе по своему произволу, онъ дѣлается чѣмъ-то вродѣ турецкаго паши; оскорбленіе чести словами тутъ рѣзко противоположно оскорбленію дѣйствіями: понятія побоевъ, ранъ, растлѣнія могутъ быть вполнѣ юридическими терминами, и возможно допустить мысль предоставленія независимымъ судьямъ права налагать наказанія за эти поступки. Постановляя рѣшенія, они нетолько не будутъ прiучаться къ произволу, но могутъ развивать въ народѣ правильныя и стройныя юридическія понятія. Право наказывать за оскорбленія словомъ должно дѣйствовать на судей въ смыслѣ совершенно противоположномъ, оно должно прямо деморализировать ихъ. Они будутъ забывать, что произволъ и судъ—понятія діаметрально противоположныя. Судъ дѣйствуетъ на основаніяхъ научныхъ и точныхъ, онъ постановляетъ свои рѣшенія на основаніи заключеній, выведенныхъ съ логической точностью и правиль-

ностью; никакія воззрѣнія партій, никакія симпатіи, никакіе личные взгляды не могутъ тутъ вмѣшиваться. Только тогда, когда судъ играетъ такую роль, между судьями можетъ быть тотъ корпоративный духъ, который внушаетъ къ нимъ въ народѣ глубокое уваженіе и вѣру, что судъ есть для всѣхъ оплотъ противъ всякаго произвола партій и пристрастія сильныхъ,—онъ уподобляется неотразимой логикѣ природы, которая одинаково караетъ всякаго нарушающаго ея законы. Если дѣла объ оскорбленіяхъ безъ вреда для суда не могутъ быть предоставлены на рѣшенія судей, то они тѣмъ менѣе могутъ быть предоставлены мировымъ судьямъ, власти выборной, созданію партіи. Дѣла эти могутъ быть предоставлены только присяжнымъ. Пусть же народъ самъ рѣшаетъ, что въ его средѣ считается обиднымъ, пусть онъ отучаетъ своихъ сограждан отъ обидчивости, отъ этого грубаго заносчиваго свойства, и пріучаетъ ихъ къ терпимости; его нужно усердно уговаривать дѣйствовать такимъ образомъ.

Очень часто можно слышать отъ людей, даже весьма образованныхъ, но не способныхъ понимать необходимость и великое значеніе свободнаго слова, что развитіе мелкой литературы, проникающей въ среду самаго бѣднаго класса народа, портитъ и деморализуетъ литературу. Появляется страсть писать кое-какъ и кое-что, плодятся пролетаріи интеллектуальнаго труда, которые портятъ вкусъ публики, отвлекаютъ ее отъ серьезнаго и основательнаго чтенія и т. д. Странно, какъ всѣ эти люди, которые вмѣстѣ съ тѣмъ часто защитники свободной конкуренціи, не подумаютъ, что свобода конкуренціи здѣсь, какъ и вездѣ, должна улучшать и никакъ не можетъ ухудшать литературное производство. Небрежность въ ремеслахъ, въ фабричномъ производствѣ и въ литературѣ порождалась цеховыми стѣсненіями, запретительными тарифами и монополіями, а не свободой. Плохой ремесленникъ работаетъ не на тѣхъ, которымъ нужна хорошая работа, онъ расширяетъ кругъ потребителей ремесленнаго труда и доставляетъ его тѣмъ, которые должны или пользоваться плохой

работой или не имѣть ничего; но чрезъ это число ремесленниковъ увеличивается; для того, чтобы доставать лучшіе заказы, дѣлается болѣе усилій, и ремесло совершенствуется. Тоже можно сказать о литературѣ: тотъ, кто наслаждается сказкой о Бовѣ королевичѣ, не будетъ читать хорошихъ газетъ, но будетъ читать газету въ своемъ вкусѣ, составленную человѣкомъ, стоящимъ хотя нѣсколько выше его по развитію, но вполнѣ способнымъ примѣняться и къ его невѣжеству и къ его грубымъ вкусамъ, но чрезъ это увеличивается число литераторовъ и они дѣлаются внимательнѣе къ своему дѣлу. Вотъ почему всѣ мѣры, которыя принимались для централизаціи литературы, штемпельные законы, увеличеніе платы за пересылку, приводили только къ одному — къ упадку литературы, къ уменьшенію въ народѣ способности серьезнаго мышленія, къ развитію въ немъ мечтательности и непримиримыхъ чувствъ. Подобными пріемами заражалась даже Англія и тамъ послѣдствія были тѣ же какъ и вездѣ. Уменьшеніе штемпельныхъ налоговъ улучшило, а не ухудшило литературу. — Въ изслѣдованіи, произведенномъ парламентомъ относительно вліянія этого уменьшенія въ іюлѣ 1851 года, говорится: «Послѣ уменьшенія штемпельной пошлины въ 1836 году послѣдовало очевидное улучшеніе газетъ: люди, которые обращали вниманіе на развитіе рабочаго класса, единогласно утверждаютъ, что дешевыя мѣстныя газеты должны имѣть выгодное вліяніе на ихъ нравственное состояніе. Мы должны вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ ливерпульскаго журнала, что уменьшеніе цѣны мѣстныхъ газетъ увеличиваетъ ихъ сбытъ и ихъ достоинства; новый рядъ дешевыхъ мѣстныхъ изданій сдѣлается средствомъ для развитія многихъ лицъ, которые теперь не читаютъ газетъ. Распространеніе дешевыхъ изданій доказываетъ, какъ сильна въ низшихъ классахъ потребность въ чтеніи и въ развитіи. Штемпель мѣшаетъ этимъ изданіямъ сообщать политическія извѣстія, между тѣмъ какъ низшіе классы чувствуютъ въ такомъ чтеніи большую потребность». Свидѣтели показывали, что дешевыя изданія наполняются раз-

ными нелѣпыми анекдотами и что работники тотчасъ перестаютъ ихъ читать, какъ скоро съ учрежденіемъ библіотекъ и залъ для чтенія они получаютъ возможность развиваться политическими и соціальными извѣстіями.

Въ-заключеніе нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ объ общемъ впечатлѣніи, которое производятъ наши законы о печати. Тутъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточены всѣ предосторожности, которыя въ разныя времена и въ разныхъ странахъ принимались противъ печати, послѣ отмѣны цензуры. Кажется не было ни одной страны, гдѣ бы, послѣ отмѣны цензуры, одновременно существовало столько ограниченій. Конечно, это объясняется извѣстною осторожностью нашего законодательства. Нельзя однакоже не принять во вниманіе, что медленность, которою отличается наше умственное развитіе, составляетъ самый существенный нашъ недостатокъ и самую большую изъ всѣхъ опасностей, которыя могутъ угрожать будущности нашего отечества. При такомъ положеніи, чрезмѣрная осторожность,—въ случаѣ несчастнаго столкновенія неблагопріятныхъ обстоятельствъ,—можетъ принести для насъ горькіе плоды.

2007050291